

ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МУСУЛЬМАН
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ,
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКИЙ
ИСЛАМСКИЙ
ИНСТИТУТ

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОХРАНЕНИИ ЕДИНСТВА И УКРЕПЛЕНИИ ПАТРИОТИЗМА

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

IV РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

21 мая 2026 г.
г. Казань

ФОНД ПОДДЕРЖКИ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ,
НАУКИ и ОБРАЗОВАНИЯ
ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ ИНСТИТУТ
КАЗАНСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОХРАНЕНИИ ЕДИНСТВА И УКРЕПЛЕНИИ ПАТРИОТИЗМА

*Сборник научных работ IV Республиканской
студенческой научно-практической конференции*

Казань, 21 мая 2026 г.

КАЗАНЬ – 2026

УДК 372.8
ББК 74
Р 68

Научный редактор: Мухаметшин Р.М. (д. полит. н., профессор).

Ответственный редактор: Закиров Р.Р. (к. филол. н., доцент).

Р 68 Роль современной российской мусульманской молодежи в сохранении единства и укреплении патриотизма. Сборник научных работ IV Республиканской студенческой научно-практической конференции. – Казань: ФПИКНиО–ДУМ РТ–РИИ–КИУ, 2026. – 307 с.

В настоящем сборнике представлены доклады участников IV Республиканской студенческой научно-практической конференции «Роль современной российской мусульманской молодежи в сохранении единства и укрепления патриотизма», прошедшей 21 мая 2026 г. в Российском исламском институте (г. Казань).

Тираж 132 экз.

ISBN 978-5-98946-431-9

© Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, 2026
© Духовное управление мусульман РТ, 2026
© Российский исламский институт, 2026
© Казанский исламский университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Исламское вероучение, теология и гуманитарные науки

<i>Акказиева А.Р.</i> Гуманистические идеи воспитания и обучения в педагогическом наследии Каюма Насыйри и их актуализация в современной практике (на примере педагогической концепции Асхата Абжанова)	9
<i>Алидинов И.Р.</i> Причины раскола в исламе и их влияние на становление ислама в Крыму.	14
<i>Ахмадов Д.К.</i> Анализ правомерности продажи, при которой товар продается с намерением и обязательством возврата («бай‘ аль-вафа’») в исламском праве	19
<i>Ахметгалеева Э.Д.</i> Зарождение и развитие идей тюрко-мусульманской солидарности в XVI–XVIII вв.	25
<i>Батпенова К.А.</i> Образ Хыдыра (Кыдыр ата) в казахской традиции: трансформация представлений об исламском праведнике в народной религиозности	29
<i>Габдуллина Р.А.</i> Вклад ханафитских ученых в науку «аль-каваид аль-фикхья».	34
<i>Галямова А.А.</i> Нравственность как основа духовного развития в исламе и индуизме	39
<i>Джораева К.К., Фадль И.А.</i> Просвещение в Коране: анализ аятов о знании, чтении и размышлении	43
<i>Илиев И.Н.</i> Трактат «Кифайат ал-Лабиб» в системе комментариев к «Матну Абу Шуджа »	47
<i>Калмазулы Р.</i> Калам как интеллектуальный ресурс мусульманского реформаторства конца XIX в.	51
<i>Кураמיшина Н.Р.</i> Современные труды по суннитской апологетике: анализ и классификация	56

<i>Матулаев С.М.</i> Трактат «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» Ильяса ибн Махмуда ад-Дагистани: богословско-текстологический анализ.	60
<i>Меметова Л.А.</i> Интеграция исламского этического развития в школьную политику.	65
<i>Мухаметдинов Р.Д.</i> Опровержение религиозных групп, отрицающих Сунну как источник шариата: сравнительный анализ методов Мусы Бигиева и ‘Абд-аль-Гани ‘Абд-аль-Халика.	70
<i>Набидоллаева А.Ж.</i> Происхождение и формирование суфизма как духовно-философского течения в исламе	75
<i>Набиуллина М.Ш.</i> Татарские тафсиры XIX в.: историко-теологический обзор	79
<i>Нафисуллин Р.Т.</i> Искусственный интеллект в исламском просвещении российской мусульманской молодежи: возможности, риски и этические границы (на примере Республики Татарстан)	90
<i>Новрузова С.А.</i> Пределы искусственного интеллекта: коммуникационный анализ и исламская эпистемология.	97
<i>Озерова Т.Х.</i> Сравнительный анализ авторефератов двух ведущих исламских образовательных учреждений: тематические и методологические особенности.	102
<i>Сабитова Л.Х.</i> Непрямые предписания к молчанию: анализ коранических аятов.	108
<i>Садикова А.Р.</i> Влияние поста на организм человека	113
<i>Сейтказинов А.Н.</i> Влияние научных достижений XIX в. на богословское мировоззрение Ш. Марджани	117
<i>Ситдинов А.С.</i> Об одной теологической проблеме и ее решении в рамках теорем Геделя.	121
<i>Субханкулова М.М.</i> Исламские институты в золотоордынском обществе по данным арабских авторов Аль-Омари и Ибн Баттуты	127

<i>Фазлыева А.И.</i> Аспекты активизации учебной деятельности студента шариятских наук	134
<i>Хайруллин Е.Ж.</i> Теоретические основы исламского миссионерства («да‘вы») в священных и богословских источниках	139
<i>Хасанов Р.М.</i> Феномен времени: теологическое осмысление в исламе	142
<i>Хусяинов К.Р.</i> Особенности формирования терминологии исламской догматики	146
<i>Шакирова Е.В.</i> Ценность Корана в религиозном мировоззрении Утыз Имяни	151

Язык и культура

<i>Аксенова М.А.</i> Лозунги и общественное мнение в Китае эпохи Мао Цзэдуна	157
<i>Аль-Сурури С.Я.</i> Символика фауны в тексте Корана	160
<i>Атяков М.С.</i> Лексико-семантические группы в военной терминологии арабского языка (на основе материалов интернет-сайта «arabic.rt.com»).	165
<i>Галимов А.А.</i> Синтаксический анализ причастий страдательного залога в суре «Корова» Корана	170
<i>Губайдуллина Р.А.</i> Сопоставительный анализ зоонимов в русском, татарском и английском языках	175
<i>Даянова Н.Р.</i> Сравнительный анализ средств выражения деонтической модальности в арабском и английском языках (на материале Священного Корана)	179
<i>Зиякаев Р.Ш.</i> Трансформация арабского поэтического дискурса в контексте коранической лексики и фразеологии (611–661 гг.): анализ касыды Хассана ибн Сабита	184
<i>Искандяров А.Р.</i> Национально-культурная специфика лексики традиционных промыслов и ремесел в арабском, русском и английском языках	188

<i>Мирзобеков Ф.У.</i> Концептуализация щедрости и скупости в арабской языковой картине мира (на материале лексикографии и паремиологии)	193
<i>Мулюкова Л.М.</i> Эффективный способ развития иноязычной коммуникации (на примере арабского и английского языков)	199
<i>Нафисуллин Р.Т.</i> Татарский язык и искусственный интеллект в исламском просвещении и сохранении духовной преемственности мусульманской детей и молодежи Республики Татарстан	203
<i>Ревина А.Ю.</i> Диалектные особенности оманских пословиц: грамматический анализ	209
<i>Сафиулин Н.Х.</i> Препятствия в любви в арабской литературе (на примере произведений М.Х. Хайкала и Ат-Тайиба Салиха)	214
<i>Тулюкак Н.С.</i> Персидские пословицы и поговорки как отражение менталитета иранского народа.	219
<i>Увайдуллаев А.Ф.</i> Лингво-когнитивные механизмы образования каламбуров	225
<i>Шабат Р.Р.</i> Каюм Насыйри нэсыйхэтлэре – мәчеттәге татар теле дәресләрмдә.	230

Медийные и рекламные процессы в современном обществе

<i>Андреева Е.А.</i> Имидж как средство позиционирования в СМИ	235
<i>Антонова Д.А.</i> Сотрудничество культурных учреждений со средствами массовой информации	240
<i>Ахметшина Ф.Ф.</i> Особенности взаимодействия с аудиторией в профессиональной деятельности журналиста	245
<i>Борисенко М.Р.</i> Блогосфера российских мусульман как инструмент трансляции патриотических ценностей и профилактики деструктивных идеологий.	248

<i>Валиуллин Р.Д.</i> Творческие методы журналиста и их роль в создании телевизионного материала (на примере спортивных комментариев Дмитрия Губерниева)	251
<i>Вахитова И.И.</i> Законодательные основы функционирования СМИ: проблемы реализации и векторы развития	255
<i>Галимзянов Э.Р.</i> Вызовы современности и новые стратегии коммуникации районной прессы с местным сообществом	260
<i>Гисматуллова Л.И.</i> PR как инструмент управления кризисными ситуациями	264
<i>Зенохов Н.А.</i> Медийные процессы в современном обществе	269
<i>Каспер Д.И.</i> Сложности реализации социальной рекламы	272
<i>Лабиб Али И.А.</i> Жанровое своеобразие спортивной журналистики в интернет-СМИ (на примере портала «БИЗНЕС Online»)	277
<i>Лобанова Е.П.</i> Региональная идентичность в системе территориального брендинга.	281
<i>Неверова К.А.</i> Журналистская объективность: между профессиональным долгом и субъективизмом	285
<i>Усманова М.А.</i> Факторы формирования и реализации редакционной политики в мусульманских медиа.	289
<i>Файзуллина М.И.</i> Использование социальных сетей как инструмента сбора и распространения информации в журналистике.	294
<i>Хадиев А.А.</i> Методы взаимодействия СМИ с аудиторией в современных условиях.	299
<i>Шагимуллина Л.И.</i> Основные инструменты PR, применяемые учреждениями культуры и искусства	304

**ИСЛАМСКОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ,
ТЕОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ**

Акказиева А.Р. (РИИ, Казань)

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ И
ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
КАЮМА НАСЫЙРИ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АСХАТА
АБЖАНОВА)**

*(Научный руководитель – старший преподаватель кафедры исламской
теологии РИИ Самигуллина А.С.)*

***Аннотация:** Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью переосмысления классического педагогического наследия в условиях современных гуманистических подходов к воспитанию и обучению. Цель статьи заключается в выявлении ключевых идей воспитания и обучения в трудах Каюма Насыйри и анализе их актуальности через сопоставление с педагогической практикой современного педагога и наставника Асхата Абжанова. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является теоретико-аналитический и сравнительный метод, основанный на изучении первоисточников, научных публикаций и эмпирического педагогического опыта автора статьи. В результате исследования установлено, что идеи Насыйри о гуманном отношении к ученику, роли учителя, обучении на родном языке и нравственном воспитании находят прямые параллели в концепции гуманной педагогики Асхата Абжанова. Показано, что данные подходы сохраняют практическую значимость и подтверждаются со-*

временным опытом работы с подростками. Материалы статьи могут быть полезны студентам педагогических направлений, преподавателям и наставникам при организации воспитательной работы с детьми и подростками.

Ключевые слова: *Каюм Насыйри, воспитание, обучение, гуманная педагогика, родной язык, личность учителя, Асхат Абжанов, подростки, доверие, нравственное развитие.*

Во второй половине XIX в. татарское общество переживало глубокие культурные и образовательные трансформации, связанные с кризисом традиционной системы обучения в медресе и ростом потребности в обновлении педагогических методов. Образование, основанное преимущественно на механическом заучивании религиозных текстов, все чаще подвергалось критике со стороны прогрессивных мыслителей [4; 8; 10].

Одним из ключевых представителей татарского просветительства был Каюм Насыйри (1825–1902) – ученый, педагог и общественный деятель, который рассматривал образование как средство всестороннего развития личности, а воспитание – как нравственную основу общества [6; 7]. Его педагогические идеи формировались на стыке исламской этики, народной культуры и практического педагогического опыта.

В то же время в современной педагогике особое место занимает гуманная педагогика, которая очень созвучна с идеями высказанными Каюма Насыйри, ориентированная на личность ребенка, доверие, уважение и веру в его потенциал. Ярким представителем данного направления является Асхат Абжанов – современный педагог, наставник и автор работ по семейному и подростковому воспитанию [3].

Проблема исследования заключается в недостаточной представленности сравнительного анализа педагогического наследия Каюма Насыйри и современных гуманистических практик воспитания.

Цель статьи – выявить актуальность методов воспитания и обучения Каюма Насыйри и показать их преемственность в педагогической концепции Асхата Абжанова, опираясь также на личный практический опыт работы с подростками.

Во второй половине XIX в. татарское общество переживало глубокие культурные и образовательные трансформации, связанные с кризисом традиционной системы обучения в медресе и ростом потребности в обновлении педагогических методов. Образование, основанное преимущественно на механическом заучивании религиозных текстов, все чаще подвергалось критике со стороны прогрессивных мыслителей [4; 8; 10]. Одним из ключевых представителей татарского просветительства был Каюм Насыйри (1825–1902) – ученый, педагог и общественный деятель, который рассматривал образование как средство всестороннего развития личности, а воспитание – как нравственную основу общества [6; 7]. Его педагогические идеи формировались на стыке исламской этики, народной культуры и практического педагогического опыта. Проблема исследования заключается в недостаточной представленности сравнительного анализа педагогического наследия Каюма Насыйри и современных гуманистических практик воспитания.

Материалами исследования послужили педагогические труды Каюма Насыйри («Китаб-эт-тәрбия», «Грамматика татарского языка»), научные исследования отечественных авторов [4; 5; 8; 9], а также книги, интервью и публичные лекции Асхата Абжанова [1–3]. В работе использованы следующие методы: теоретико-аналитический анализ педагогических текстов; сравнительный метод (сопоставление идей Насыйри и Абжанова); историко-педагогический анализ; элементы эмпирического метода, основанные на личном педагогическом опыте автора статьи в работе с подростками.

Педагогическое наследие Каюма Насыйри активно исследовалось в трудах Х. Габдрахманова, Р. Юсупова, Л. Шайдаевой и др. [3–6]. Ученые подчеркивают его вклад в развитие национальной педагогики, методики обучения на родном языке и формирование гуманистических принципов образования. Современные исследователи отмечают, что Насыйри одним из первых в татарской педагогике выступил против схоластического обучения, обосновывая необходимость осмысленного усвоения знаний и развития мышления учащихся [4; 6]. Работы Асхата Абжанова пока не получили широкого академического осмысления, однако его книги и

публичные выступления активно используются в практике гуманного воспитания, особенно в семейной и подростковой педагогике [4; 9; 10].

Одной из центральных идей Каюма Насыйри является критика формального обучения. Он писал, что ученик «знает слова, но не понимает их смысла», что делает знания бесполезными для жизни [6, с. 34]. В своих учебниках Насыйри реализовал принцип «от понятного к сложному», сопровождая теорию примерами из повседневной жизни [7, с. 58]. Асхат Абжанов в своей практике также подчеркивает, что обучение должно быть осмысленным и эмоционально значимым для ребенка, а не строиться на страхе и давлении [3]. Каюм Насыйри рассматривал личность учителя как ключевой фактор воспитания. Он выступал против телесных наказаний, считая, что страх разрушает доверие между учеником и педагогом [6, с. 49]. Аналогичную позицию занимает Абжанов, утверждая, что «вера в ребенка формирует его веру в самого себя» [3]. Важным вкладом Насыйри стало создание учебников на татарском языке: «Грамматика татарского языка», учебные пособия по арифметике и чтению [7; 8]. Он считал родной язык основой мышления и нравственного развития. Абжанов, в свою очередь, подчеркивает значимость эмоционально близкого общения и культурной идентичности в воспитании подростков.

Сравнительный анализ показывает, что идеи Каюма Насыйри во многом предвосхитили современные концепции гуманной педагогики. Исследователи XIX–XX вв. (Габдрахманов, Юсупов) рассматривали его идеи в историческом контексте, однако аспект их практической применимости в современной подростковой среде ранее рассматривался недостаточно. Личный опыт автора статьи в работе с подростками, преимущественно с девочками, подтверждает эффективность гуманного подхода: доверие, уважение, вера в способности ребенка и поддержка способствуют личностному росту и формированию ответственности. Данный опыт на практике подтверждает актуальность идей Насыйри и их созвучие подходу Асхата Абжанова.

Педагогическое наследие Каюма Насыйри представляет собой целостную гуманистическую систему взглядов на воспитание и

обучение. Его идеи о развитии мышления, роли учителя, обучении на родном языке и нравственном воспитании сохраняют актуальность в современной педагогике. Сравнение с педагогической концепцией Асхата Абжанова показывает преемственность гуманистических ценностей и подтверждает их эффективность в работе с подростками. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о наследии Насыйри, практическая – в возможности применения его идей в современной воспитательной практике.

Литература и источники:

1. Абжанов А. Папа может!!! Вдохновляющая история рождения родителей / А. Абжанов. – М.: АСТ, 2021. – 320 с.
2. Абжанов А. Мой маленький учитель / А. Абжанов. – М., 2020. – 248 с.
3. Абжанов А. Гуманное воспитание подростков: доверие, принятие, ответственность / А. Абжанов // Комсомольская правда. – 2021.
4. Габдрахманов Х. История татарской педагогической мысли / Х. Габдрахманов. – Казань: Магариф, 2001. – 256 с.
5. Исламов М. Нравственное воспитание в исламской педагогике / М. Исламов. – Казань: Иман, 2010. – 176 с.
6. Насыйри К. Китаб-эт-тәрбия (Книга о воспитании) / К. Насыйри. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005. – 156 с.
7. Насыйри К. Грамматика татарского языка / К. Насыйри. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 164 с.
8. Хисамов Н. Татарские просветители XIX века / Н. Хисамов. – Уфа: Китап, 2005. – 198 с.
9. Шайдаева Л.Н. «Фаваких аль-джуласа» Каюма Насыйри: педагогические и нравственные аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Шайдаева Лилия Наилевна; науч. рук. А.Х. Алеева; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ – Казань, 2012. – 182 с.
10. Юсупов Р.М. Просветительская деятельность Каюма Насыйри / Р.М. Юсупов. – Казань, 1998. – 143 с.

Алидинов И.Р. (РИИ, Казань)

ПРИЧИНЫ РАСКОЛА В ИСЛАМЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМА В КРЫМУ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
кафедры систематической теологии Иванов Ю.Н.)*

***Аннотация:** Статья посвящена причинам внутренних противоречий в исламе, в частности, в Республике Крым: влиянию на раскол человеческого, социального, политического, древне культурного, религиозного факторов; о естественности и реальности различия взглядов и разногласий между людьми; о философии и идеологии, отражающих данную реальность.*

***Ключевые слова:** ислам, раскол, социальный, политический, религиозный, древне культурный, фактор, разногласия, философия, идеология.*

Тема данной статьи выбрана не случайно, т.к. в Крыму в настоящее время есть проблемы с возникновением различного рода сект и течений. Данная тема является актуальной, поэтому Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК) ведет борьбу по разъяснению людям информации о вреде их учений: проводятся круглые столы, семинары, совещания, курсы повышения квалификации с участием районных, городских имамов и председателей религиозных общин.

На протяжении всей истории ислама по тем или иным причинам возникали и распространялись исламские течения и секты. Одни течения и группы возникали по политическим мотивам, другие

на основании различий в вопросах вероучения или права, благо источники ислама и их интерпретации допускали разнообразие точек зрения. Сказалось также влияние окружающих культур и религий. В настоящее время в мире существует немалое количество исламских и псевдоисламских групп и сект, воззрения части из которых далеки от традиционных понятий ислама, а некоторые переродились в самостоятельные религии [2, с. 40].

Зарождению политического и религиозного мазхаба способствуют множество действующих причин. Перечислим их. Наиболее действенным фактором для формирования мазхабов является человеческий. Любой мазхаб создан человеком. Везде, где есть личность, обязательно будут наблюдаться различия, т.к. человек является самостоятельным индивидом. Человек – это существо разумное, сомневающееся, старающееся понять, размышляющее, вопрошающее, разъясняющее, оценивающее, толкующее. С рождения он является социальным существом, и ему суждено всю свою жизнь прожить вместе с другими людьми. Это в любом случае приводит к желанию сотрудничества в различных областях и к формированию различных групп интересов. Еще одним из наиболее важных факторов, влияющих на зарождение мазхабов, являются политические события. Кроме того, в обществе, в котором зародился ислам, можно наблюдать культурные следы христианства, иудаизма и идолопоклонства, а также носителей данных религиозных традиций. На территориях, где впервые зародился и распространился ислам, присутствовали арабская, римская, египетская и персидская культуры, а также иудаизм, христианство, зороастризм и манихеизм – мощные религии или их мазхабы [2, с. 49]. В данной статье попытаемся показать, как эти причины влияют на становление и возрождение ислама в Крыму.

С конца 90-х гг. прошлого столетия, в период активного возвращения крымских татар на свою историческую Родину, ислам в Крыму исследовался с позиций исторических, культурологических, философских и политологических. В идеологии политизированного ислама в Крыму стали возникать различные религиозные течения. Они вызывали острые разногласия в мусульманском сообществе и, конечно, не приветствовались ДУМК, которое ви-

дело в нем причины этноконфессионального раскола. Некоторые из наиболее известных и авторитетных религиозных, религиозно-просветительских и религиозно-политических организаций играли определенную роль в жизни мусульманского религиозного сообщества. Среди них:

– Ассоциация общественных организаций «Альраид» (деятельность запрещена на территории РФ), которая занималась просветительской и благотворительной работой среди мусульман, участвовала в строительстве большинства мечетей Крыма и, несмотря на мощную финансовую поддержку стран Арабского Востока, работала в тесном контакте с Крымским Муфтиятом;

ДУМК был заинтересован в финансовой помощи, содействии благотворительности и паломничеству со стороны ряда арабских стран, в частности, Саудовской Аравии. Поэтому вынужден был сотрудничать с мусульманскими организациями из указанных стран, которые функционировали в Крыму. Эта организация смогла создать около 20 филиалов в различных регионах, несколько сайтов сети Интернет, радиостанцию и газету тиражом в 20 тыс. экземпляров. На средства «Альраид» были построены несколько десятков мечетей, осуществлялась помощь нуждающимся, выкупалось жилье для социально незащищенных групп населения. Арабские эмиссары отмечали религиозные праздники на один день раньше дат, которые официально установило ДУМК. Фактически это являлось переходом к иному мазхабу, нежели ханафитский, которому традиционно следовали на полуострове. Мусульманское духовенство полуострова не имело должной теологической подготовки и не всегда было в состоянии убедительно полемизировать с зарубежными миссионерами и распространяемой ими литературой. Проблему потери влияния на мусульманские общины в ДУМК пытались решить сугубо административными, запретительными методами. Таким образом, политика Духовного управления по форсированной исламизации (или, точнее, ре-исламизации) привела к тому, что они оказались на грани потери контроля над ситуацией.

– Салафитские группы – немногочисленные, но достаточно закрытые объединения верующих, проживающих в различных населенных пунктах Крыма;

– партия «Хизб ут-Тахрир» (признана экстремистской и запрещена на территории РФ) стала первой в Крыму мусульманской группой, использовавшей исламскую идентичность в качестве религиозно-политического ресурса. Кроме того, на этом фоне действовало значительное количество независимых (автономных) мусульманских общин, официально зарегистрировавших свои уставы, что не противоречило законодательству Украины, но приводило к жесткой конфронтации с Духовным управлением мусульман Крыма.

После воссоединения России с Крымом весной 2014 г. мусульманские общины полуострова, относящиеся к различным религиозным течениям, в значительной степени снизили свою активность. Исключение составила одна из наиболее одиозных мусульманских групп, так называемых хабашитов, во главе с шейхом Ахмедом Тамимом, являющимся последователем известного исламского ученого Абдуллаха аль-Харари аль-Хабаша (Ливан). Хабашиты стали завоевывать симпатии среди определенной части мусульман Крыма. Противопоставив себя подавляющему большинству мусульманских общин полуострова, находящихся под контролем ДУМК, хабашиты развернули против них широкую информационную кампанию. Стало понятно, что указанная группа, делая ставку на своих покровителей, достаточно близка к цели – стать доминирующим в Крыму муфтиятом, что могло привести к серьезным внутримусульманским конфликтам и дестабилизации обстановки в Крыму.

Таким образом, к весне 2014 г. мусульманская умма Крыма представляла собой достаточно разнородное сообщество, разделенное на различные религиозные течения. Несмотря на то, что подавляющее большинство мусульман относили себя к суннитскому исламу ханафитского мазхаба, разногласия между ними присутствовали и выражались во взглядах к понятию «традиционный ислам», в подходах к национальной и религиозной идентичности, к

установившимся национальным обычаям, празднованию светских праздников и т.д.

В этот сложный для мусульманской уммы Крыма период, полуостров посетили муфтии многих Духовных управлений России. Они единодушно поддержали Духовное управления мусульман Крыма. Лидеры мусульман России и сейчас посещают полуостров, взаимодействуют с ДУМК.

Присоединение Крыма к Российской Федерации обеспечило этнополитическую стабильность. В настоящее время для этого создана необходимая законодательная и практическая база. [1, с. 80]. Органы правопорядка, государственного и регионального управления, а также местного самоуправления проводят всестороннюю комплексную работу по пресечению любой экстремистской деятельности.

Литература и источники:

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения / С.А. Буткевич, А.А. Коноплева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – №1 (19). – С. 76–83.

2. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы: Учебное пособие / Д.А. Шагавиев. Перераб. и доп. издание. – Казань: Хузур-Спокойствие, 1441/2021. – 312 с.

Ахмадов Д.К. (КИУ, Казань)

АНАЛИЗ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРОДАЖИ, ПРИ КОТОРОЙ ТОВАР ПРОДАЕТСЯ С НАМЕРЕНИЕМ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ ВОЗВРАТА («БАЙ‘ АЛЬ-ВАФА’») В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ

*(Научный руководитель – старший преподаватель кафедры
религиозных дисциплин КИУ Сабанчин И.Р.)*

***Аннотация:** Данная статья посвящена анализу правомерности договора «бай‘ аль-вафа’» («продажа с обязательством возврата») в исламском праве. Рассматриваются позиции четырех мазхабов, а также его правовая оценка в стандартах ААОIFI и решениях Международной академии исламского фикха.*

***Ключевые слова:** «бай‘ аль-вафа’», исламское право, сравнительный анализ, мазхабы, ростовничество (риба), исламские финансы, шариатские нормы.*

В последние годы в России, особенно в Республике Татарстан, активно развивается исламский банкинг. Финансовые институты нуждаются в инструментах, соответствующих шариату и способных заменить запрещенные процентные кредиты. Одним из таких инструментов, исторически применявшихся мусульманскими народами, является договор «бай‘ аль-вафа’», правовая оценка которого вызывает серьезные разногласия не только между четырьмя богословскими школами (мазхабами), но и внутри каждого из них. Данный договор применяется сегодня в Республике Татарстан, в

том числе банками, не являющимися исламскими, но предоставляющими соответствующие услуги. Однако, несмотря на практическую востребованность, на русском языке отсутствуют самостоятельные исследования, посвященные исключительно данной теме.

Цель настоящего исследования – комплексный анализ правомерности «бай‘ аль-вафа’» в исламском праве.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на русском языке с опорой на обширный корпус арабоязычных источников проведен системный сравнительный анализ правового статуса данного договора одновременно с позиций четырех богословских школ (мазхабов) и авторитетных международных организаций – ААОИФ и Международной академии исламского фикха.

Определения договора «бай‘ аль-вафа’» у разных ученых различаются по формулировкам, но они одинаковы по смыслу. Многие правоведы в своих определениях описывают картину данной сделки. Наиболее авторитетное и емкое определение закреплено в своде мусульманского права Османской империи («Маджалля аль-ахкам аль-‘адлийя») (ст. 118): «Бай‘ аль-вафа’ – это продажа с условием, что, когда продавец вернет цену, покупатель вернет ему проданный товар» [5, с. 30].

Договор появился в начале V в. по хиджре (первая половина XI в. н.э.) в Центральной Азии, на территории Самарканда и Балха. Причиной его появления стала острая нужда людей в финансировании и стремление избежать ростовщичества («риба»).

Несмотря на внешнее сходство «бай‘ аль-вафа’» с залогом («рахн»), между ними существует принципиальное различие: залог не дает залогодержателю права пользоваться имуществом, тогда как «бай‘ аль-вафа’» такое право предоставляет. Именно это стало и причиной распространения договора, и источником разногласий о его правовой природе. Одни ученые квалифицировали его как недействительную продажу, другие – как залог, третьи – как самостоятельный договор. Однако поздние ханафиты установили, что «бай‘ аль-вафа’» сочетает элементы действительной продажи, порочной продажи и залога, и определили для него смешанный правовой режим. Данный подход получил название «аль-кавьль аль-джами‘» («объединяющее мнение») и был закреплен в своде

мусульманского права Османской империи («Маджалля аль-ахкам аль-адлийя») (ст. 118).

Среди ханафитских ученых нет единого мнения относительно правового статуса («хукм») данного договора. Основные позиции сводятся к следующему.

Первое мнение ранних ханафитов состоит в том, что «бай‘ аль-вафа’» является порочным договором («фасид»). Сторонники данного мнения считали, что условие о возврате товара противоречит сущности купли-продажи, а сама сделка рассматривалась как скрытая форма ростовщичества («риба»). Данного мнения придерживались ученые Бухары.

Второе мнение сводится к тому, что «бай‘ аль-вафа’» представляет собой чистый залог («рахн»). Его сторонники опирались на правило «в договорах учитываются намерения и смыслы, а не слова и формулировки», заключая, что договор приобретает смысл залога. Данного мнения придерживались Абу Шуджа‘ ас-Самарканди, Али ас-Сугди, Аль-Хасан аль-Матуриди и другие ученые [2, т. 13, с. 45].

Третье мнение поздних ханафитов признает «бай‘ аль-вафа’» действительной и допустимой продажей. Главный довод – широкое распространение сделки среди людей ввиду нужды и стремления избежать ростовщичества. Имам Аз-Зайла‘и отмечал, что по данному мнению выносятся фетва [6, т. 15, с. 581].

Четвертое мнение, которого придерживался имам Кади Хан, различает место упоминания условия: если условие включено в текст договора – сделка порочна («фасид») и приобретает характер залога; если дано как обещание после договора – сделка допустима. Подход опирается на позицию Мухаммада аш-Шайбани и Абу Йусуфа. Муфтий Таки Усмани отмечал, что данное мнение использовалось учеными Индийского субконтинента [7, т. 1, с. 503].

Пятое, «объединяющее» мнение («аль-кавь аль-джами‘»), исходит из того, что «бай‘ аль-вафа’» сочетает элементы действительной купли-продажи, порочной купли-продажи и залога, определяя для него смешанный правовой режим. В «аль-Бахр ар-ра‘ик» указано, что при вынесении фетвы не следует отступать от этого мнения [3, т. 6, с. 13].

Согласно Кувейтской энциклопедии исламского права, маликиты, ханбалиты и ранние шафииты считают «бай‘ аль-вафа’» порочным договором («фасид») [4, т. 9, с. 260]. Они, в отличие от ханафитов, не разграничивают понятия «фасид» и «батыль», считая их синонимами.

Вместе с тем, часть поздних шафиитов, аналогично некоторым поздним ханафитам, допускала действительность договора «бай‘ аль-вафа’». Данная позиция зафиксирована в книге «Бугйат аль-мустаршидин», где автор собирает фетвы поздних ученых шафиитского мазхаба [1, с. 218].

Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI) не посвящает договору «бай‘ аль-вафа’» отдельного раздела, однако дает ему однозначную оценку в стандарте №25, посвященном комплексным соглашениям и тайным договоренностям («мувата’а»). Пункт 6.3.1 данного стандарта прямо включает «бай‘ аль-вафа’» в перечень запрещенных форм, направленных на обход запрета ростовщичества [9, с. 429].

Международная академия исламского фикха (ИФА) на своей седьмой сессии (Джидда, 1992 г.) постановила: «По своей сути данный договор является займом, приносящим выгоду, то есть представляет собой уловку для обхода запрета ростовщичества... Данный договор является недозволенным с точки зрения шариата».

Таким образом, проведенное исследование показало, что большинство ученых («джумхур») считают его запретным и порочным («фасид»), а некоторые поздние шафииты и некоторые поздние ханафиты разрешают его, причем с определенными детализациями.

Опираясь на выводы ученых, выступивших с докладами на заседании Международной академии исламского фикха, где рассматривался вопрос о правовом статусе данного договора и было вынесено решение о его недопустимости, – в частности, такие ученые, как Мустафа аз-Зарка, Муфтий Таки Усмани и Мухаммад Рафи‘ Усмани, – автор настоящего исследования приходят к следующим выводам: те ханафитские и шафиитские ученые, которые в свое время допускали данный договор, делали это исключительно под давлением крайней необходимости и во избежание явного ростовщичества («риба»), о чем они сами прямо заявляли.

Следовательно, сегодня нет оснований – ни с точки зрения фикха, ни логически – распространять на себя это исключительное постановление, не доказав, что мы находимся в условиях аналогичной необходимости.

Более того, если открыть эту дверь широко и вынести общее постановление о принципиальной допустимости данной сделки, это повлечет за собой серьезные последствия: любой банк – даже крупнейший ростовщический – может за одну ночь формально позиционировать себя как исламский финансовый институт, продолжая, по существу, проводить те же ростовщические операции под видом законных сделок.

Вместе с тем, закрывать эту дверь полностью также не следует. Бывают отдельные случаи и частные ситуации, когда человек оказывается в условиях подлинной крайней необходимости. Оценка наличия такой необходимости носит индивидуальный характер и остается на усмотрении сторон и их религиозной ответственности.

Литература и источники:

1. Абд ар-Рахман ибн Мухаммад Ба‘алави. Бугйат аль-му-старшидин / Абд ар-Рахман ибн Мухаммад Ба‘алави. – Бейрут: Дар аль-фикр, 1994. – 496 с.

2. Бадр ад-Дин аль-‘Айни аль-Ханафи. Аль-биная шарх аль-хидая / Бадр ад-Дин аль-‘Айни аль-Ханафи. – Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘илмийя, 2000. – Т. 13.

3. Ибн Нуджейм аль-Мисри. Бахр ар-ра’ик шарх канз ад-дакаик / Ибн Нуджейм аль-Мисри. – Бейрут: Дар аль-кутуб аль-илмийя, 1997. – Т. 8.

4. Кувейтская энциклопедия исламского права (аль-Мавсу‘а аль-фикхийя). 2-е изд. – Эль-Кувейт: Дар ас-саласиль, 1404–1427 г.х. – Т. 45.

5. Маджалля аль-ахкам аль-‘адлийя / под ред. комиссии ученых Османской империи. – Карачи: Нур Мухаммад, б.г. – 376 с.

6. Мухаммад Амин ибн Умар (известный как Ибн ‘Абидин). Радд аль-мухтар ‘аля ад-дурр аль-Мухтар / Мухаммад Амин ибн Умар. – Дамаск: Дар ас-сакафа ва-т-турас, 2000. – Т. 24.

7. Мухаммад Таки Усмани. Фикх аль-буйу‘ ‘аля мазахиб аль-ар-ба‘а / Мухаммад Таки Усмани. 5-е изд. – Бейрут: Дар аль-калям, 2022. – Т. 2.

8. Решение №66 (7/4) «О бай‘ аль-вафа’» / Международная академия исламского фикха (ИФА). – 7-я сессия, Джидда, 7-12 зу-лька‘да 1412 г.х. / 9-14 мая 1992 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://iifa-aifi.org/ar/1855.html> (дата обращения: 11.04.2026).

9. Шариатские стандарты / Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений. – М.: Издательский дом «Читай», 2022. – 976 с.

Ахметгалеева Э.Д. (РИИ, Казань)

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В XVI–XVIII ВВ.

(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры систематической теологии РИИ Гафаров А.А.)

Аннотация: *В статье исследуются процессы формирования идей тюрко-мусульманской солидарности в XVI–XVIII вв. На основе анализа дипломатических переписок и других исторических источников сделаны выводы о связи этих идей с религиозной политикой России и широкой апелляцией российских мусульман к единоверцам.*

Ключевые слова: *ислам, мусульмане, тюрко-мусульманские народы, солидарность, татарские ханства, Московское государство, Российская империя, Османская империя, теология, история.*

Ислам – важнейший фактор, объединяющий духовные традиции многих российских народов. В связи с этим изучение зарождения и развития идей тюрко-мусульманской солидарности в России в XVI–XVIII вв. (наиболее противоречивый период трансформации религиозной политики) является актуальной, т.к. это способствует укреплению взаимоотношений в современной российской умме, развитию демократических принципов государственно-конфессиональных, межконфессиональных отношений.

Говоря тюрко-мусульманской солидарности, мы исходили из представлений о том, что солидарность – есть совокупность раз-

личных аспектов социального единства, включающая консолидацию интересов, убеждений, ценностей и действий, на основании которых формируется культурное и психологическое пространство целостности [2].

Целью данной статьи является рассмотрение процессов зарождения и развития идей тюрко-мусульманской солидарности в России, влияния религиозного фактора на процессы консолидации освободительного движения российских мусульман в XVI–XVIII вв.

В XVI–XVIII вв. Московское государство, а в последствии и Российская империя увеличивала размеры своих владений за счет присоединения земель татарских ханств. В результате ожесточенных сражений в состав России в тот период вошли: Казанское ханство (1552 г.), Астраханское ханство (1556 г.), Сибирское ханство (1581–1598 гг.), Крымское ханство (1783 г.). В 1557 г. Ногайская Орда приняла вассальную зависимость от Москвы, а в 1731 г. и младший Казахский Жуз признал себя вассалом Российской империи [1, с. 2]. Включение мусульманских народов в состав иноконфессионального государства с ярко выраженной христианизаторской политикой способствовало формированию и развитию идей тюрко-мусульманской солидарности в среде отечественных мусульман и их единоверцев в других странах.

В данный период на первый план выходит борьба тюркских народов, связанная с сохранением их этноконфессиональной идентичности, принадлежности к умме, верховенством религиозного фактора над национальными и социальными различиями. В XVI–XVIII вв. наблюдается неоднократное обращение тюркских народов к единоверцам из других государств для противостояния экспансии Московского государства, а в будущем и Российской империи. Так, казанский хан Мухаммед Амин, находившийся на престоле с 1484–1485, 1487–1495, 1502–1518 гг. в письмах к крымскому хану просил оказать ему помощь в борьбе с русскими войсками. Впоследствии лидеры татарских ханств будут неоднократно обращаться за помощью к другим мусульманским государствам.

Активная политика России на постордынском пространстве привела со второй половины XVI в. к началу его неуклонного военно-политического «поглощения». Исторические традиции – с

одной стороны, складывающаяся этноконфессиональная пестрота – с другой, побуждали московскую администрацию к жестким мерам социокультурной ассимиляции, в отношении, так называемых, иноверцев. В ходе, развернувшейся на покоренных землях, политики насильственной христианизации были уничтожены традиционные исламские институты (высшее духовенство, соборные мечети, духовное образование, вакфы и др.).

Хотя в период Смутного времени (начало XVII в.) натиск политики христианизации был несколько ослаблен, следы консолидации идей тюрко-мусульманской солидарности также заметны. Это, например, видно из письма польского короля Сигизмунда III своим сторонникам [3, с. 131]. Впоследствии, Соборное уложение (1649 г.), указ от 16 мая 1682 г. и др. постановления продемонстрировали усиление нетерпимости к исламу. Во время правления Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны политика насильственной христианизации мусульман еще больше усилилась – достигла своего апогея. В таких условиях для сохранения своей религиозной и национальной идентичности тюркские народы прибегали к различным мерам сопротивления: вплоть до вооруженных восстаний. В ходе которых они получали неизменную поддержку единоверцев (казахов, ногайцев, крымских татар и др.).

С этой целью предводитель башкирского восстания Султан Мурат в 1708 г. лично посещал Крым и Стамбул [4, с. 391–393]. Также на поддержку зарубежных мусульман надеялись и участники татаро-башкирского восстания под руководством муллы Батырши 1755–1756 гг. По-нашему мнению, еще одним важным проявлением тюрко-мусульманской солидарности можно считать поддержку российским переселенцам, перебирающимся к своим единоверцам в Крым, Османскую Империю и Бухару и др. Российские шакирды, в частности, направлялись туда с целью получения духовного образования. Это способствовало восполнению состава духовенства и сохранению религиозно-культурной основы мусульманского сообщества России.

В немалой степени утверждению идей тюрко-мусульманской солидарности способствовало заключение Кучук-Кайнарджийского мирного договора между Российской и Османской империями в

1774 г., согласно которому турецкий султан становился покровителем мусульман России. Сначала данный духовный «протекторат» распространялся только на Крымское ханство, но после присоединения Крыма к России, – и на всех мусульман империи. Возможно, впоследствии, это стало одним из факторов создания Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в 1788 г. и легитимизации ислама в Российском государстве.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: в XVI–XVIII вв. происходил процесс зарождения и развития идей тюрко-мусульманской солидарности. И одним из факторов, способствовавших этому, была религиозная политика гонения на иноверчество, проводимая сначала Московским государством, а потом и Российской империей в отношении мусульман. Солидарность выражалась как в виде дипломатической, военной помощи, так и моральной, духовно-культурной поддержки правителей и населения Османской империи, Крымского ханства, казахских жузов и других единоверцев. Данные факторы способствовали во второй половине XVIII легитимизации ислама в Российской империи, смягчению государственно-конфессиональной политики – переходу к веротерпимости.

Литература и источники:

1. Гафаров А.А. Фактор тюрко-мусульманской солидарности в освободительном движении народов Российской империи (XVI – начало XX вв.) / А.А. Гафаров // Отан тарихы. – 2013. – №2 (62). – С. 21-30.
2. Коршунова О.Н., Салимгареев М.В. Этническая и конфессиональная солидарность в оптике истории российского тюрко-мусульманского мира (на примере истории татар Поволжья) / О.Н. Коршунова, М.В. Салимгареев // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – №5. – С. 1–10.
3. Gaziz G. Istorija tatar / G. Gaziz. – М.: Moskovskij licej, 1994. – 190 s.
4. Istorija Tatarii v materialah i dokumentah. – М.: Socjekonomiz, 1937. – 503 s

Батпенова К.А. (РИИ, Казань)

ОБРАЗ ХЫДЫРА (КЫДЫР АТА) В КАЗАХСКОЙ ТРАДИЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСЛАМСКОМ ПРАВЕДНИКЕ В НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук,
заведующий отделом социально-политических исследований
Центра исламоведческих исследований АН РТ; доцент кафедры
систематической теологии РИИ Гильмутдинов Д.Р.)*

Аннотация: *В статье рассматривается образ Кыдыр ата в казахской мусульманской традиции и его связь с исламским образом Аль-Хыдыра. Анализируются основные представления о Кыдыр ата и их связь с исламской традицией почитания Аль-Хыдыра. Делается вывод о преемственности данных образов в казахской религиозной культуре.*

Ключевые слова: *Кыдыр ата, Аль-Хыдыр, исламская традиция, казахская культура, народная религиозность, суфийская традиция.*

Существуют разногласия относительно фигуры Аль-Хыдыра (Аль-Хидра), поскольку в Коране его имя прямо не упоминается. В Коране говорится: «И нашли они одного из наших рабов, которому Мы даровали милость от Нас и научили его от Нас знанию» (сура «Пещера», аят 65) [3, с. 44]. Вместе с тем многие суннитские толкователи Корана, в частности имам Ан-Навави и имам Аль-Куртуби, придерживались мнения о пророческом статусе

Аль-Хыдыра. В тафсирной традиции, восходящей к сообщениям от Ибн Аббаса, праведный раб, упомянутый в суре «Пещера», отождествляется с аль-Хыдыром. В толкованиях передается история встречи пророка Мусы с Аль-Хыдыром, выступающим носителем особого знания и наставником [1, с. 841].

В исламской тафсирной традиции образ Аль-Хыдыра связан с представлением о праведном рабе Аллаха, наделенном особым знанием и мудростью, недоступной обычному человеческому восприятию. В истории, изложенной в суре «Пещера», он действует по велению Аллаха, раскрывая скрытый смысл происходящих событий, что подчеркивает его особую близость к Богу. В классических толкованиях также отмечается его роль как носителя божественного наставления, проявляющегося в помощи праведным людям и путникам. Совокупность данных характеристик формирует образ Аль-Хыдыра как приближенного к Аллаху праведного раба, обладающего особым знанием и духовным авторитетом [3, с. 45–48].

В казахской мусульманской традиции данный образ получил распространение под именем Кыдыр ата. В исследовательской литературе отмечается, что образ Аль-Хыдыра в тюркской среде приобрел широкое символическое значение и оказался связан с представлениями о благословении, изобилии и божественной милости. Кыдыр ата воспринимается как благословенный старец, являющийся носителем «құт» («бараката») и покровителем людей. В народных представлениях встреча с Кыдыр ата считается знаком милости и благополучного исхода дел. В этой связи широко распространена пословица: «Қырықтың бірі Қыдыр» («Среди сорока один может оказаться Кыдыром»), отражающая убеждение, что любой путник может оказаться носителем божественного благословения. Подобные представления способствовали формированию устойчивой традиции гостеприимства и уважительного отношения к странникам независимо от их социального положения.

Особое значение образ Кыдыр ата приобретает в контексте традиции встречи весны, связанной с обновлением и ниспосланием благодати. Ночь, предшествующая периоду весеннего обновления, в народных представлениях называется «Қыдыр түні», поскольку считается, что в это время Кыдыр ата обходит землю и приносит

«баракат» («благословение»). В данном контексте Кыдыр ата выступает как сакральный образ, символизирующий проявление божественной милости, благословения и обновления [2, с. 84–85].

Между образом Кыдыр ата в казахской традиции и исламским образом Аль-Хыдыра прослеживается смысловая и функциональная связь. Прежде всего, очевидна языковая и смысловая связь имени: тюркская форма «Кыдыр» восходит к арабскому «Аль-Хыдыр». Общими чертами выступают мотивы помощи путникам, благословения, скрытого присутствия и духовного наставничества [6, с. 2]. В народных представлениях Кыдыр ата, подобно Аль-Хыдыру, наделяется чертами вечного странника и носителя благословения. В исламской традиции имя Аль-Хыдыра также связывается с образом зелени и обновления: согласно преданию, передаваемому от пророка Мухаммада ﷺ, Аль-Хыдыр получил свое имя благодаря тому, что после его пребывания бесплодная земля покрывалась зеленью. Данный мотив соотносится с восприятием Кыдыр ата как символа обновления и благодати [1, с. 841–842].

Образ Кыдыр ата также обнаруживает связь с суфийской традицией, в рамках которой Аль-Хыдыр воспринимается как особый праведник и покровитель путников. В мусульманских преданиях ему приписываются способность неожиданно приходить на помощь нуждающимся, сопровождать странников и поддерживать верующих. В тюркской религиозной традиции Кыдыр ата нередко изображается в образе благословенного старца или странника, появление которого связано с ниспосланием благословения и милости. Подобные представления свидетельствуют о связи образа Кыдыр ата с исламским образом Аль-Хыдыра, широко известным в арабской, персидской и тюркской духовной традиции [4, с. 32–33].

Особое влияние на формирование подобных представлений в казахской степи оказала суфийская традиция Ходжи Ахмета Яссауи, уделявшая большое внимание духовной чистоте, внутреннему состоянию человека и любви к Аллаху. В народном сознании особым почитанием пользовались праведники, аскеты и религиозные наставники, воспринимавшиеся как носители духовного знания и благословения. В этом контексте образ Кыдыр ата, соотносимый с исламским образом Аль-Хыдыра, воспринимается как образ пра-

ведника и наставника, направляющего людей к духовному совершенствованию и укреплению веры [5, с. 23–24].

Таким образом, фигура Кыдыр ата в казахской мусульманской традиции представляет собой не самостоятельный мифологический персонаж, а локальную форму восприятия исламского образа Аль-Хыдыра, сформировавшуюся в условиях народной религиозности и суфийской духовной культуры. Несмотря на развитие отдельных этнокультурных особенностей, ключевые черты образа – связь с благословением, помощью путникам, скрытым присутствием и духовным наставничеством – сохраняют непосредственную связь с исламской традицией и кораническим повествованием о праведном рабе Аллаха.

Образ Кыдыр ата занял особое место в религиозном сознании казахского народа, став символом благословения, милости и духовной поддержки. Его устойчивое присутствие в народных представлениях, пословицах и обрядовой культуре свидетельствует о глубоком влиянии исламской духовной традиции на формирование казахской религиозности и мировоззрения.

Литература и источники:

1. Аль-Бухари Мухаммад ибн Исмаил. Сахих аль-Бухари. – Бейрут: Дар Ибн Касир, 2002.

2. Исабекова У.К. Концепт «Qut» в казахской языковой картине мира / У.К. Исабекова // Филология и культура. – 2016. – №2. – С. 82–87.

3. Сибгатуллин Р.М. Толкование избранных сур и аятов. – Казань: Иман, 2022.

4. Сызранов А.В. Суфизм и суфии в Нижнем Поволжье / А.В. Сызранов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. – №3. – С. 27–38.

5. Токтабай А.У., Карамендина М.О. Сакральные памятники, связанные с культом животных в Ташкенте / А.У. Токтабай, М.О. Карамендина // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2020. – №1. – С. 18–30.

6. Хазиева Г.С. К реконструкции мифологического персонажа: Хызыр-Ильяс / Г.С. Хазиева // Многогранный мир традиционной культуры и народного художественного творчества. – 2021. – С. 87–91.

Габдуллина Р.А. (РИИ, Казань)

ВКЛАД ХАНАФИТСКИХ УЧЕНЫХ В НАУКУ «АЛЬ-КАВАИД АЛЬ-ФИКХЫЯ»

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой религиозных дисциплин КИУ, доцент кафедры
систематической теологии РИИ Шагавиев Д.А.)*

Аннотация: *Данная статья посвящена изучению вклада ханафитских ученых в формирование и развитие науки «аль-каваид аль-фикхыя». В ней рассмотрены основные периоды развития этой науки, а также наиболее значимые труды, написанные ханафитскими правоведами в этой области.*

Ключевые слова: *ислам, «фикх», ханафитский мазхаб, ханафитские ученые, «аль-каваид аль-фикхыя».*

Правила фикха («аль-каваид аль-фикхыя») не были сформулированы целиком и полностью в одно определенное время. Истоки этой важной науки восходят к эпохе ниспослания Откровения. Вдумчивый и размышляющий читатель священных текстов Корана и Сунны обнаружит, что слова этих текстов, несмотря на свою лаконичность, отличаются полнотой и точностью, и именно из них «фукаха» («правоведы») почерпнули правила фикха. Таким образом, эти тексты служат своего рода фундаментом для этой науки. Из примеров таких аятов: «Аллах не наложил на вас никаких тягот, которые вам будет трудно терпеть, а облегчил вам те затруднения, которые вы сможете встретить и которые вам будет тяжело переносить, давая вам разрешение в определенных трудных случаях»

(сура «Паломничество», аят 78) Из примеров таких хадисов: «Бери то, что достаточно тебе и твоему ребенку, согласно обычаю» [2, т. 3, с. 79].

Посредством анализа и индуктивного обобщения можно выделить три этапа становления и развития науки «аль-каваид аль-фикхья» в ханафитском мазхабе:

Первый этап – этап генезиса (зарождения) и формирования (с XII в. по хиджре). На данном этапе можно выделить труд имама Абу Юсуфа «аль-Харадж», а также «аль-Асль» имама Мухаммада аш-Шайбани. Эти две книги включают в себя совокупность правил фикха. Проанализировав эти труды, можно прийти к выводу, что первым, кто заложил фундамент этой науки в ханафитском мазхабе являются ученики Абу Ханифы, Абу Юсуф и Мухаммад.

Второй этап – этап развития и кодификации (письменной фиксации). Данный этап считается этапом расцвета и развития «аль-каваид аль-фикхья» как отдельной науки. К тому времени ученые оставили великое научное наследие, но практика «иджтихада» и суждения по аналогии («кьяс») ослабла, появилось такое явление, как слепое подражание («таклид»). В этот момент у «фукаха» появилась необходимость в разработке теории соединения правовых случаев («масаиль») по аналогии и их дифференциации при их сходстве, опираясь при этом на установленные основы в ханафитском мазхабе. В результате чего правоведы вывели шариатские постановления («хукм») для вновь возникших случаев, не имеющих прямого прецедента («навазиль»), основываясь на выявленных причинах («‘илля») и собрали разрозненные частные положения («фуру’»), установив общие правила («каваид») и регулятивные принципы («давабит»), которые объединяют эти частные положения [3, с. 133–135]. Пожалуй, самым первым, кто собрал существующие правила «фикха» изложенными в их устоявшейся правовой формулировке, является имам Абу Тахир ад-Даббас. Он свел весь мазхаб имама Абу Ханифы к семнадцати всеобъемлющим правилам. И в число этих 17 правил входит пять больших правил «фикха» («аль-каваид аль-хамса аль-кубра»). Первым же, кто прописал правила фикха был Имам аль-Кархы, современник имама Ад-Даббаса. Он позаимствовал некоторые правила у имама Дд-Даббаса и

прибавил к ним другие правила. Его труд «Усуль аль-Кархы» является первым сочинением в науке «аль-каваид аль-фикхья». В нем Аль-Кархы собрал 36 правил и принципов, не приводя к ним примеров. Затем последовал имам Абу ал-Лайс ас-Самарканди. В своем труде «Тасис ан-Назар» он собрал 74 правила. Его труд отличается тем, что он упомянул разногласия внутри ханафитского мазхаба и разногласия с имамом Маликом и имамом Аш-Шафии, а также упомянул к этим правилам примеры. В начале XV в. по хиджре имам Абу Зайд ад-Даббуси написал свой труд «Тасис ан-Назар», в котором собрал 80 правил и принципов, большинство из которых являются внутримазхабными. Кроме того, что его труд собрал правила и принципы, он считается первой книгой по сравнительному правоведению («аль-фикх аль-мукаран»). Его целью было не просто собрать правила, но он привел их как средство для разъяснения разногласий. Он хотел показать, что разногласия между правоведами строятся на основе правил и принципов [3, т. 2, с. 972].

VIII в. по хиджре считается золотым веком для науки «аль-каваид аль-фикхья», т.к. в это время правоведы активно составляли свои труды в этой науке. Из этих трудов: «аль-Ашбах уа ан-Назаир» имама Ибн ан-Нуджейма. Этот труд считается одним из самых известных в науке «аль-каваид аль-фикхья», и он послужил основой для «Маджалляту аль-Ахкам аль-'Адлия». Ибн ан-Нуджейм отобрал правила и принципы «фикха» из книг ханафитского мазхаба. Его труд встретил огромный интерес у ханафитских правоведов. Они стали преподавать ее, составлять к ней примечания и писать к ней разъяснения («шарх»). Число шархов достигло более 45 [1, с. 371–383].

Следующим примечательным трудом является «Тартибу ал-Лаали фи Силки аль-Амали» имама Назыр Заада, в котором он упомянул двести шестьдесят шесть правил в алфавитном порядке. Его правила включали в себя правила науки «усуль аль-фикх», правила и принципы «фикха», но большинство из них являются правилами «усуль аль-фикх». Его труд отличается тем, что он уделил особое внимание обоснованию состоятельности правил, которые он привел, а также указал на исключения из них и обосновал эти исключения.

Следующим важным трудом является «Маджами' аль-Хакаи» имама Абу Са'ида аль-Хадими. Несмотря на то, что его книга считается книгой по «усуль аль-фикху», в заключительной ее части он перечислил 154 правила «фикха» без разъяснений. Большинство из этих правил он подчерпнул у Ибн ан-Нуджейма и Назыра Заады. Его книга легла в основу «Маджалляту аль-Ахкам аль-'Адлия» [3, т. 2, с. 273].

Третий этап – этап систематизации и укрепления. Правила и принципы «фикха» оставались разрозненными в различных книгах и их положение не утвердилось до тех пор, пока не появилась «Маджалляту аль-Ахкам аль-'Адлия». Этот труд был составлен группой авторитетных правоведов ханафитского мазхаба в конце XIII в. по хиджре. Это гражданский кодекс, состоящий из свода положений, которые были сформулированы в виде статей. Всего 1851 статья. В начале содержится группа правил, отобранных из книг ибн Нуджейма и аль-Хадими, к которым были добавлены другие правила. «Маджалля» ликвидировала серьезный пробел в судебной практике. Ведь до ее составления правовые вопросы были разрознены в различных книгах по фикху и фетвы по одному и тому же вопросу были многочисленны и различны. «Маджалля» же была упорядочена в единую систему, согласно предпочтительному и наиболее сильному мнению в ханафитском мазхабе. Она состояла из шестнадцати разделов, начиная с раздела о торговле и заканчивая разделом о судопроизводстве. Каждый раздел состоял из глав. Каждая глава состояла из параграфов. Первые сто статей не являются положениями («ахкам»), а являются основополагающими правилами, кроме первой статьи, которая представляет собой определение «фикха» и классификацию его разделов. Некоторые из этих статей служат принципами («давабит»), а не правилами («каваид») [3, с. 974]. После появления «Маджалли» внимание ко всем направлениям исламского фикха значительно возросло. Среди этих направлений наука «аль-каваид аль-фикхья». Также значительно увеличилось количество написанных трудов в данной области. В наши дни многие исламские университеты ввели в свои учебные программы предмет «аль-каваид аль-фикхья»,

а также выбрали тему правил «фикха» объектом научных исследований.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что ханафитские ученые внесли бесценный вклад в формирование и развитие науки «аль-каваид аль-фикхья».

Литература и источники:

1. Аль-Бахусейн Я.А. Аль-Каваид аль-Фикхья / Я.А. Аль-Бахусейн. – Эр-Рияд: Мактабату ар-Рушд, 1998. – 479 с.
2. Аль-Бухари М.И. аль-Джами аль-Муснад ас-Сахих. – Дамаск – Бейрут: Дар ибн Касир, 2002. – Т.3. – 1944 с.
3. Аз-Зарка. аль-Мадхаль аль-фикхый аль-ам. – Дамаск: Даруль-Касим, 2004. – Т.2. – 1159 с.
4. Тафсир аль-Коран аль-Мунтахаб. – Каир: Министерство Вакуфов Египта; 2000. – 426 с.

Галямова А.А. (Казань, РИИ)

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ В ИСЛАМЕ И ИНДУИЗМЕ

(Научный руководитель – старший преподаватель кафедры исламской теологии РИИ Муратов М.Р.)

Аннотация: В статье рассматривается концепт нравственности в двух религиозных традициях – исламе и индуизме. Анализируются добродетели и пороки, исследуется феномен религиозного нарциссизма. Выявляются сходства и различия нравственных систем. Обосновывается роль сравнительной теологии в современном поликультурном мире. Утверждается, что нравственность в обеих традициях выступает фундаментом духовного развития личности.

Ключевые слова: нравственность, ислам, индуизм, «ахляк», «нафс», религиозный нарциссизм, дхарма, карма, сравнительная теология.

В условиях глобализации происходит тесное культурное взаимодействие между представителями различных религиозных систем, что делает межрелигиозный диалог особенно актуальным. Общечеловеческие ценности, в частности, вопросы нравственности, могут стать фундаментом для построения качественного межкультурного и межрелигиозного диалога в современном обществе. Кроме того, растущая социальная напряженность и моральный кризис, распространяющийся сегодня в мире, делают изучение вопросов нравственности и морали особенно востребованным.

В исламской этике понятие нравственности («ахляк») занимает центральное место, являясь не просто правилом поведения, а фундаментом веры человека. Высшей целью для мусульманина является достижение довольства Всевышнего через проявление наилучшего нрава. Пророк Мухаммад ﷺ сказал: «Я был послан, чтобы совершенствовать благородные нравы» [1, с. 6]. В современном мире, переживающем духовно-нравственный кризис, этически-моральная система ислама способствует вылечиванию духовной слепоты многих людей, потерявших свой нравственный ориентир. Похвальные качества мусульманина включают такие понятия, как терпение («сабр»), правдивость («сыдк»), смиренность («хушу»), милосердие («рахма»), стыдливость («хая»), справедливость («адль»), чистота и другие. В Коране (сура «Корова», аят 153) Аллах обращается к верующим: «О вы, которые уверовали! Обратитесь за помощью к терпению и молитве. Поистине, Аллах – с терпеливыми» [2, с. 92]. Правдивость – одно из прекраснейших человеческих качеств, приносящее счастье в этом мире и спасение в вечной жизни. Кроме этого, «Пророк ﷺ сказал: «Аллах милостив к тем, кто милосерден к другим. Будьте милосердны к тем, кто на земле, и Владыка небес будет милостив к вам» [3, с. 167]. Такое качество как стыдливость связана с внутренним чувством ответственности перед Аллахом и окружающими, она является барьером, предохраняющим от совершения неправомерных поступков. Справедливость обеспечивает соблюдение прав каждого человека, честность и беспристрастность в суждениях. Пророк ﷺ сказал: «Установление справедливости в течение часа лучше, чем поклонение в течение шестидесяти лет» [4, с. 247]. Чистоте уделяется особое внимание в исламе, и она бывает внутренней (отсутствие в сердце гнева, злобы, зависти) и внешней (опрятность тела, дома, местности). Порицаемые качества, которых должен избегать мусульманин, включают гордыню («кибр»), зависть («хасад»), ненависть («кин»), гнев, лицемерие («нифак»).

В исламской антропологии важное место занимает понятие «нафс» – «низменного я», внутреннего врага, с которым человек сталкивается на пути к Аллаху. Человек должен постоянно работать над своим «нафсом», искореняя изъяны, возникающие вслед-

ствие совершения греховных действий. Современный мир предъявляет к верующему человеку новые вызовы, которых не знали предыдущие поколения. Социальные сети, культура самопрезентации, стремление к публичному признанию – все это создает благоприятную среду для развития нарциссических тенденций. Когда эти тенденции соединяются с фанатичной религиозностью, возникает феномен, который в современных исследованиях получил название «религиозный нарциссизм» – состояние, при котором религиозная практика, развитие нравственных качеств, повышение духовных знаний служит не приближению к Богу, а удовлетворению собственного «нафса» – эго, самоутверждению и получению социального признания.

Обращаясь к индуистской традиции, необходимо отметить, что Веды являются одной из самых древних духовных традиций. В Бхагавад-гите (16:3) перечисляются трансцендентные качества праведных людей: «Бесстрашие, очищение своего бытия, совершенствование в духовном знании, благотворительность, владение чувствами, совершение жертвоприношений, изучение Вед, аскетизм, простота, отказ от насилия, правдивость, отрешенность от всего мирского, спокойствие, отсутствие стремления злословить, сострадание ко всем живым существам, отсутствие алчности, мягкость, скромность, решимость, целеустремленность, способность прощать, стойкость, чистота, отсутствие зависти и стремления к почестям – таковы, о потомок Бхараты, трансцендентные качества праведных людей, наделенных божественной природой» [5, с. 698]. Центральными понятиями индуистской этики являются дхарма и карма. Дхарма (от санскритского корня дхри – «держатель, поддерживать») может означать нравственные устои, религиозный долг или универсальный закон бытия. Это то, что удерживает общество от хаоса и позволяет преодолеть вызовы современного мира, где сильный пожирает слабого. Противоположностью дхармы является адхарма – осознанное или неосознанное нарушение моральных норм. Дхарма в индуизме связана с происхождением человека. Карма (санскр. karma – «действие») – это закон причины и следствия, в частности и в моральной сфере, согласно которому каждое действие человека – физическое, словесное или мыс-

ленное – неизбежно порождает соответствующие последствия, определяющие его будущее как в этой жизни, так и в последующих перерождениях.

Сравнительный анализ нравственных систем ислама и индуизма показывает как значительные сходства, так и важные различия. Сходство проявляется в разделяемых обеими религиями общечеловеческих ценностях. Различия, однако, не менее существенны. В исламе нравственные нормы считаются божественными заповедями, установленными Аллахом, абсолютными и обязательными для всех людей без исключения. В индуизме нравственные нормы относительны и зависят от конкретных обстоятельств, времени и места; понятие дхармы различается в зависимости от варны, возраста и жизненной ситуации. Несмотря на богословские различия, обе традиции сходятся в том, что подлинная духовность невозможна без высокой морали. Универсальные этические ценности могут стать основой для взаимопонимания и сотрудничества между разными культурами, что особенно востребовано в современном мире.

Литература и источники:

1. Бхагавад-гита / пер. с англ. и санскр. А. Каменской и И. Манциарли. – М: Амрита-Русь, 2023. – 698 с.
2. Коран / пер. с араб. и коммент. Э.Р. Кулиева. – М.: Умма, 2022. – 1262 с.
3. Шейх Адхам аль-Асим. Нравственность в Коране / А. аль-Асим. – М. NUR-BOOK, 2024. – 448 с.

Джораева К.К. (КФУ, Казань)

Фадль И.А. (КФУ, Казань)

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КОРАНЕ: АНАЛИЗ АЯТОВ О ЗНАНИИ, ЧТЕНИИ И РАЗМЫШЛЕНИИ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук; доцент;
заведующий кафедрой арабистики, исламоведения и афро-азиатских
исследований ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры филологии и
страноведения РИИ Мингазова Н.Г.)*

Аннотация: *В статье на основе коранических аятов анализируется концепция просвещения («нур», «ильм», «хидая»). Рассматриваются знание как цель, чтение как первый импульс и размышление как метод постижения истины. Показано, что кораническое просвещение объединяет разум и веру в рамках откровения.*

Ключевые слова: *Коран, просвещение, знание («ильм»), чтение («кира'а»), размышление («тафаккур», «тадаббур»), свет («нур»).*

Понятие «ильм» (знание) занимает центральное место в Коране: сотни аятов призывают к познанию, чтению и размышлению. Сам Коран, ниспосланный как руководство для людей, содержит развернутую концепцию просвещения, где знание, чтение и размышление являются актами богопознания. Цель статьи – на примере аятов Корана показать, как он определяет природу про-

свещения, не отделяя разум от веры, а делая их инструментами руководства («хидая»).

Лингвистические предпосылки: «нур», «ильм», «хидая». Арабское слово «нур» (نور) означает свет, который сам себя обнаруживает и делает видимыми другие предметы. О. Челик указывает: корень «н-в-р» несет смыслы «освещать», «озарять», «видеть свет издалека» [7, с. 124-126]. Осман ат-Твейджри подчеркивает, что «просвещение» в арабо-мусульманской традиции понимается как «рассвет» и как дарование знания и руководства («аль-хидая») [1, с. 40–41]. Понятие «ильм» (знание) этимологически связано с различением, указанием пути [6, с. 7]. Таким образом, просвещение в Коране – обретение внутреннего света для различения истины и лжи.

Аят о знании (сура «Таха», аят 114):

رَبِّ زِدْنِي عِلْمًا

«Господь, приумножь мои знания».

Всевышний повелевает пророку Мухаммаду ﷺ молиться о приумножении именно знаний [3]. Знание – не статичное обладание, а процесс без предела. Человек, осознающий неполноту познания, обращается к Творцу; знание становится поклонением. Аят опровергает миф об ограничении рационализма в исламе.

Аят о чтении (сура «Сгусток», аяты 1–5):

اقْرَأْ بِاسْمِ رَبِّكَ الَّذِي خَلَقَ
خَلَقَ الْإِنْسَانَ مِنْ عَلَقٍ
اقْرَأْ وَرَبُّكَ الْأَكْرَمُ
الَّذِي عَلَّمَ بِالْقَلَمِ
عَلَّمَ الْإِنْسَانَ مَا لَمْ يَعْلَمْ

«Читай во имя Господа твоего, Который сотворил... научил человека тому, чего он не знал» [3]. Пророк не умел читать, и ангел Джибриль трижды повторял «Читай!». [2]. Слово «икра'» охватывает чтение, понимание и следование прочитанному. Объект чтения – не только Коран, но и знамения творения. Повеление «Чи-

тай!». задает программу активного познания, связывая человека с Творцом напрямую.

Аят о размышлении над сотворенным миром (сура «Семейство Имрана», аяты 190–191):

نَّ فِي خَلْقِ السَّمَوَاتِ وَالْأَرْضِ وَأَخْتَلَفِ اللَّيْلِ وَالنَّهَارِ لآيَاتٍ لِأُولِي الْأَلْبَابِ
الَّذِينَ يَذْكُرُونَ اللَّهَ قِيَمًا وَقَعُودًا وَعَلَىٰ جُنُوبِهِمْ وَيَتَفَكَّرُونَ فِي خَلْقِ السَّمَوَاتِ وَالْأَرْضِ
رَبَّنَا مَا خَلَقْتَ هَذَا

سُبْحَانَكَ فَقِنَا عَذَابَ النَّارِ

«Воистину, в сотворении небес и земли... знамения для обладающих разумом, которые... размышляют... Господь наш! Ты не создал это напрасно» [4; 3]. Обладатели разума («улю-ль-альбаб») вглядываются в устройство вселенной. Размышление («тафаккур») приводит к выводу о цели и смысле мира, рождая благодарность. Хадис сообщает, что пророк Мухаммад ﷺ плакал, читая этот аят, показывая сердечную глубину размышления [4].

Аят о размышлении над Кораном («тадаббур») (сура «Женщины», аят 82):

أَفَلَا يَتَذَكَّرُونَ الْفُرْقَانَ وَلَوْ كَانَ مِنْ عِنْدِ غَيْرِ اللَّهِ لَوَجَدُوا فِيهِ اخْتِلَافًا كَثِيرًا

«Неужели они не размышляют над Кораном? Если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы в нем много противоречий» [3]. «Тадаббур» означает глубинное обдумывание [6, с. 147]. Аят предлагает рациональный критерий божественного происхождения Корана – отсутствие противоречий, обращаясь к разуму человека. Ибн Аббас говорил: «Для меня лучше прочесть суру «Корова» размеренно, с размышлением, чем быстро прочесть весь Коран» [2].

Проанализированные нами выше аяты раскрывают кораническую концепцию просвещения как многомерный процесс: просьба о знании, чтение, размышление над творением и над Откровением. Свет знания («нур») исходит от Аллаха, и чем глубже человек познает мир и Писание, тем ближе он становится к Творцу. Коран предлагает самобытную просветительскую парадигму, где

образование, вера и нравственность неразрывны. Это опровергает стереотип о несовместимости ислама с наукой и рациональным мышлением.

Литература и источники:

1. Ат-Твейджри А. Просвещение как исламское понятие / А.О. ат-Твейджри // *Minbar. Islamic Studies*. – 2009. – Т. 2. – №1. – С. 40–41.

2. Достоинство размышления (Тадаббур қилиш фазилати) [Электронный ресурс] // *newravza.ravza.uz*. – URL: <https://newravza.ravza.uz/tadabbur-qilis-fazilati> (дата обращения: 28.04.2026).

3. Крачковский И.Ю. Перевод Корана – читать онлайн на русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <https://share.google/S18Y7aYWNehJJWZe> (дата обращения: 02.05.2026).

4. Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Духовное воспитание: в 3 т. / Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. – Ташкент: Hilol-Nashr, 2014.

5. Таффакур [Электронный ресурс] // *Ислам.уз*. – URL: <https://islom.uz/maqola/1188> (дата обращения: 28.04.2026).

6. Al-Rawashdeh Ziyad. Kur'ân'da İlim Kavramı / Ziyad Al-Rawashdeh. – İstanbul, 2010. – 220 s.

7. Çelik Ö. Kur'ân-ı Kerîm'de Nûr Kavramı / Ö. Çelik // *Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. – 1998. – №6. – S. 123–171.

Илиев И.Н. (БИА, Болгар)

ТРАКТАТ «КИФАЙАТ АЛ-ЛАБИБ» В СИСТЕМЕ КОММЕНТАРИЕВ К «МАТНУ АБУ ШУДЖА »

*(Научный руководитель – доктор исламских наук, преподаватель
кафедры теологии БИА Аль-Асри Саиф Али Мохамед)*

***Аннотация** В статье рассматривается трактат «Кифайат ал-Лабиб фи халл шарх Аби Шуджа'» в контексте шафиитской правовой традиции и классической системы комментариев к фикх-текстам. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данного произведения в российской науке, несмотря на его значительное распространение в рукописной традиции*

***Ключевые слова:** фикх, шафиитский мазхаб, шарх, Абу Шуджа, аш-Ширбини, текстология, исламское право*

В исламской интеллектуальной традиции фикх выступает не только как совокупность правовых норм, регулирующих различные сферы жизни мусульманского общества, но и как сложная система интерпретации религиозного знания, формирующаяся в рамках определенных мазхабов. Фикх как дисциплина развивается на пересечении богословия, правовой мысли и герменевтики, что обуславливает его особую роль в структуре исламских наук. В отличие от шариата как совокупности божественных предписаний, фикх представляет собой результат их человеческого осмысления и интерпретации, закрепленного в научной традиции [1].

Особое место в шафиитской правовой школе занимает «Матн Абу Шуджа'» («Гаят ат-такриб»), который получил широкое распространение как учебное пособие и стал основой для многочисленных комментариев. Среди них значительную роль играет труд аль-Хатыба аш-Ширбинини «الإقناع في حل ألفاظ أبي شجاع», представляющий собой развернутый комментарий, в котором систематизируются положения шафиитского фикха и уточняется терминологический аппарат. Данный труд оказал существенное влияние на последующее развитие комментаторской традиции и стал базой для создания вторичных интерпретаций.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении богословских и текстологических особенностей трактата «Кифайат ал-Лабиб», а также в определении его места в системе комментариев к «Матну Абу Шуджа'».

Историко-богословский подход применяется для рассмотрения исследуемых текстов в контексте развития шафиитской правовой школы, что позволяет учитывать, как doctrinal (догматические), так и институциональные аспекты формирования фикха. Это, в свою очередь, способствует более точному пониманию функций комментария как формы научной деятельности.

Теоретическая база исследования опирается на современные работы по исламскому праву и фикху, в которых рассматриваются понятие, источники и структура исламской правовой системы, а также особенности ее интерпретации в различных правовых школах [1; 2]. Привлечение данных исследований обеспечивает концептуальную основу анализа и позволяет соотнести результаты работы с существующими научными подходами.

Жанр комментария (шарх) занимает центральное место в исламской научной традиции, выступая важнейшим инструментом передачи, систематизации и интерпретации религиозно-правового знания. Его значение обусловлено спецификой фикх-текстов, которые, будучи предельно краткими по форме, требуют разъяснения и детализации. Комментарий не ограничивается функцией пояснения, но выполняет также роль методологического посредника между исходным текстом и его практическим применением. В рамках исламской правовой культуры формируется сложная ие-

рархия текстов, включающая матн, шарх и последующие уровни интерпретации, что отражает непрерывность научной традиции и ее ориентированность на сохранение и развитие знания. В шафиитском мазхабе данная система проявляется особенно отчетливо, поскольку комментарии к «Матну Абу Шуджа'» образуют разветвленную структуру, в которой каждый последующий текст не только воспроизводит, но и уточняет, дополняет и переосмысливает предшествующий.

С текстологической точки зрения «Кифайат ал-Лабиб» представляет значительный научный интерес, поскольку его существование зафиксировано в многочисленных рукописных копиях, что указывает на широкое распространение и востребованность данного произведения в образовательной практике. Наличие различных списков предполагает вариативность текста, обусловленную особенностями рукописной передачи, включая возможные редакторские правки, сокращения или дополнения. Это позволяет рассматривать трактат не как статичное произведение, а как динамическую текстовую систему, функционирующую в рамках традиционной книжной культуры. Анализ структуры текста показывает, что изложение подчинено логике фикх-дискурса, предполагающей движение от краткого нормативного положения к его развернутому толкованию с привлечением дополнительных разъяснений и уточнений.

Богословская специфика трактата проявляется в его тесной связи с методологией шафиитского мазхаба, в рамках которой интерпретация правовых норм осуществляется с опорой на устойчивые принципы и авторитетные источники. Особое внимание уделяется нормативности и практической применимости рассматриваемых положений, что отражает функциональную направленность фикха как науки. Используемые в тексте методы аргументации демонстрируют приверженность классической традиции, в которой рациональный анализ сочетается с опорой на авторитет предшествующих ученых [3]. Таким образом, трактат выступает не только как текст комментария, но и как средство воспроизводства богословско-правового дискурса, обеспечивающее преемственность и устойчивость исламской научной традиции.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что трактат «Кифайат ал-Лабиб фи халл шарх Аби Шуджа'» является важным звеном в развитии шафиитской правовой традиции.

Он представляет собой вторичный комментарий, отражающий усложнение и углубление интерпретационной практики в исламском праве. Текстологические особенности произведения свидетельствуют о его широком распространении и значимости в образовательной среде.

В целом исследование подтверждает, что изучение подобных трактатов позволяет глубже понять механизмы функционирования исламской правовой мысли и особенности передачи знания в классической традиции.

Литература и источники:

1. Гаврилов В.С. Природа исламского права в ракурсе сравнительно-правовых исследований / В.С. Гаврилов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 86–89.

2. Кириллина С.А. Халифат в идейном диалоге стран распространения ислама: опыт панисламского конгресса 1926 г. в Каире / С.А. Кириллина, А.Л. Сафронова, В.В. Орлов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – Т. 14. – №1. – С. 7–19.

3. Тимуршин М.Р. Научные методы исследований рукописей (на примере произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха») / М.Р. Тимуршин // Современный ученый. – 2025. – №1. – С. 101–105.

Калмазулы Р. (РИИ, Казань)

КАЛАМ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС МУСУЛЬМАНСКОГО РЕФОРМАТОРСТВА КОНЦА XIX В.

(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры систематической теологии РИИ Гафаров А.А.)

Аннотация: *Статья посвящена анализу калама как формы исламского рационального богословия и его роли в качестве интеллектуального ресурса мусульманских реформаторов конца XIX в. Рассматриваются основные установки мутазилизма и ашаризма, а также обращение к рационалистическому потенциалу калама в идеях Дж. ад-Дина аль-Афгани, Мухаммада Абдо и И. Гаспринского.*

Ключевые слова: *калам, мутазилизм, ашаризм, мусульманское реформаторство, иджтихад, Аль-Афгани, Мухаммад Абдо, И. Гаспринский, джадидизм.*

XIX в. стал для мусульманской цивилизации временем глубокого политического и культурного кризиса. Колониальное доминирование европейских держав, разрушение традиционных институтов исламского образования и права, утрата прежних форм авторитета поставили перед мусульманскими интеллектуалами вопрос о способах сохранения религиозной идентичности в условиях, развернувшейся в последней четверти XIX в., модернизации. В этой ситуации особое значение приобрело обращение к рационалистическому наследию исламской мысли – прежде всего, к ка-

ламу как форме богословской рефлексии, опирающейся на логику и аргументацию.

Калам сложился в VIII–IX вв. как ответ на интеллектуальные вызовы, с которыми мусульманская умма столкнулась в условиях соприкосновения с эллинистической философией и иными религиозно-философскими традициями. Его задачей стало не вытеснение откровения разумом, а рациональная защита догматов веры. Тематика калама охватывала вопросы единства Бога, сотворенности мира, свободы воли и предопределения, природы божественных атрибутов и Корана и др. По характеристике Е.А. Фроловой, калам представляет собой «рационалистическую философию», существовавшую наряду с другими направлениями средневековой арабо-мусульманской мысли – фальсафой, исмаилизмом и суфизмом [8].

Внутри калама сложились две принципиально различные традиции – мутазилизм и ашаризм. Мутазилиты обосновали гносеологические принципы, которые стали характерными для всего калама: примат разума над верой, необходимость аллегорического толкования противоречащих разуму священных текстов, отрицание некритического следования авторитетам («таклида») и всяких убеждений, принятие которых не предваряется сомнением в их истинности. Мутазилитский рационализм проявлялся также и в этике – в учении об автономии моральных ценностей и принципов [6]. Особенно острой стала их доктрина о сотворенности Корана, послужившая поводом для «михны» халифа Аль-Мамуна.

Ашаризм, основанный Абу аль-Хасаном аль-Ашари (873–935), представлял собой попытку примирить рациональную аргументацию с ортодоксальным вероучением. После X в. в качестве ведущих школ калама, признанных суннитским исламом, утвердились близкие по духу ашаризм и матуридизм, в целом занимавшие срединную позицию между мутазилитами и традиционалистами [6]. С XIII в. ашаризм сблизился с исламским перипатетизмом (фальсафой), особенно со школой Ибн Сины, заимствовав главным образом ее эпистемологический и категориальный аппарат.

Несмотря на острую критику фальсафы со стороны Абу Хамида аль-Газали в трактате «Тахафут аль-фаласифа» («Непоследова-

тельность философов»), его собственное наследие свидетельствует о неустранимом стремлении исламской мысли к синтезу веры и разума. Благодаря усилиям А.В. Сагадеева русскоязычному читателю стало доступно автобиографическое сочинение Аль-Газали «Мункиз мин ад-далал» («Избавляющий от заблуждения»), в котором он критически рассматривает четыре основных идейных течения своего времени – калам, учения исмаилитов, философов и суфиев [1].

К концу XIX в. это рационалистическое наследие приобрело новое значение. Мусульманские реформаторы – Дж. ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, И. Гаспринский (и др.) – обратились к каламу как к ресурсу обновления исламской мысли. Аль-Афгани (1838–1897) утверждал, что в традиционно сложившемся виде религия не может выполнить своей исторической роли в прогрессе мусульманских народов, а потому необходимо приспособить, реформировать положения исламского учения и философии под реалии современной жизни [2]. Программное положение реформатора было сформулировано предельно ясно: «Никакая реформа в мусульманских странах не может быть осуществлена, пока религиозные лидеры не попытаются реформировать свой собственный ум, пока не поймут пользы науки и культуры» [2].

Линию Аль-Афгани продолжил его ученик и соратник Мухаммад Абдо (1849–1905), ставший муфтием Египта. Он на практике демонстрировал, как исламская традиция может быть адаптирована к вызовам современности. По свидетельству исследователей, Абдо предлагал реформу религиозных учебных заведений и пытался реформировать преподавание в университете «аль-Азхар» путем введения светских дисциплин, которые ранее, в период расцвета арабо-исламской цивилизации, были широко распространены в мусульманских учебных заведениях [7].

Близкой к рационалистическим взглядам Аль-Афгани и Абдо позиции придерживался выдающийся индийский мыслитель, философ и поэт Мухаммад Икбал (1877–1938). В своем творчестве он стремился синтезировать (объединить) восточную философию с западной мыслью, отказываясь от слепого следования ни той, ни другой. Свои религиозно-реформаторские представления Икбал

выразил в трактате «Реконструкция религиозной мысли в исламе», где предложил очистить калам от схоластики, соединить его этикой действия и социальной ответственностью, сделать инструментом ответа на вызовы современности [8]. Его философия стала мостом между классической исламской мыслью и потребностями XX в.

В Российской империи близкую программу обновления исламской мысли развивал крымско-татарский просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914). В очерке «Русское мусульманство» (1881 г.) он сформулировал свою тревогу о том, что «русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы, кроме заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме указаний желудка» [3]. Этот диагноз стал отправной точкой для джадидизма – движения за реформу мусульманского образования, в рамках которого в 1883 г. в Бахчисарае была открыта первая в России джадидская школа [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что обращение реформаторов к традициям калама не было простым возвращением к средневековой схоластике. Оно представляло собой попытку реактивировать тот рационалистический потенциал, который изначально был заложен в исламской теологии. Калам в этом контексте превратился в платформу для переосмысления веры, права, образования и политического самосознания мусульман, а его наследие стало интеллектуальной базой ответа исламской цивилизации на вызовы модерности.

Итак, калам в последней четверти XIX в. выступил не только как историческая форма богословской дискуссии, но и как живой интеллектуальный ресурс. Его рационалистический потенциал позволил мусульманским реформаторам сформулировать концепцию ислама, способного к диалогу с современностью, не утрачивая при этом своей духовной основы. Это делает изучение калама актуальным и для современной российской мусульманской мысли, продолжающей искать формы соединения религиозной традиции с задачами просвещения и общественного единства.

Литература и источники:

1. Ал-Газали Абу Хамид. Избавляющий от заблуждения // Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В. Сагадеева. Т. 3 / сост. и отв. ред. Н. С. Кирабаев. – М.: ИД Марджани, 2010. – 140 с.

2. Ал-Афгани, Джамал ад-Дин // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/AL-AFGANI_DZHAMAL_AD-DIN.html (дата обращения: 07.05.2026).

3. Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. – Симферополь: Тип. Спиро, 1881. – 45 с.

4. Джадидизм // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/dzhadidizm-3c08e5> (дата обращения: 07.05.2026).

5. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / Пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. Под ред. П.В. Гутерина. – М.: Вост. лит., 2002. – 200 с.

6. Калам // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/kalam-9a985d> (дата обращения: 07.05.2026).

7. Синатуллин М. Аль-Афгани и Мухаммад Абдо: реформаторская мысль в исламе [Электронный ресурс] // Издательский дом «Медина», – URL: https://idmedina.ru/books/materials/turkology/1/islam_sinatullin.htm (дата обращения: 07.05.2026).

8. Фролова Е.А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность: Учебное пособие / Е.А. Фролова. – М.: ИФ РАН, 2006. – 199 с.

Кураמיшина Н.Р. (КИУ, Казань)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДЫ ПО СУННИТСКОЙ АПОЛОГЕТИКЕ: АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ

*(Научный руководитель – старший преподаватель кафедры
религиозных дисциплин КИУ Муратов М.Р.)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу и классификации современных трудов по суннитской апологетике. Для анализа выбраны труды видных ученых и богословов, включая М.Я. Бигиева, Саида Рамадана аль-Бути, Абдулкарима Полата и др.*

Ключевые слова: *суннитская апологетика, полемика с шиитами, полемика с коранитами, полемика с последователями Ибн Таймиш, Муса Бигиев.*

В современном мире, где влияние западных ценностей, таких как модернизм, секуляризм, феминизм и другие идеологии, противоречащие учению ислама, распространяется все шире, особое значение приобретает вопрос обоснования и защиты исламской религии в формате, доступном и убедительном для современных людей. В этой непростой интеллектуальной и духовной борьбе ключевую роль играет апологетика. Однако, несмотря на общую значимость исламской апологетики, важно отметить, что ислам представляет собой многогранную религиозно-правовую традицию, включающую различные школы и течения. В частности, суннитская апологетика, как одна из главных ветвей исламской мысли, обладает своим уникальным подходом к защите веры, опираясь на класси-

ческие и современные источники, а также традиции и методики суннитской доктрины и культуры.

По численности сунниты составляют более 1,12 млрд человек, что составляет примерно 90% всех исповедующих религию ислам [4, с. 2].

Среди широко распространенных в религиозном и академическом сообществе трудов, представляющих собой полемику с различными течениями внутри ислама, можно выделить следующие: «Критика шиитских воззрений» – Муса Бигиев, «Шииты и Ахлю-ль-бейт» – Ихсан Иляхи Захир, «Книга Сунны» – Муса Бигиев, «Кольчуга верующего» – Ахмад ибн Юсуф ас-Саййид, «Вехи осознанности» – шейх Салих Синди, «Китаб ат-таухид» – Абу Саид ад-Дагестани, «Энциклопедия суфизма» – Юсуф Мухаммад Хаттар, «Учение заблудших групп и сект и преступления, совершаемые их последователями под предлогом единобожия» – Абдулкарим Полат.

Книги «Критика шиитских воззрений» Мусы Бигиева, «Шииты и Ахлю-ль-бейт» – Ихсана Иляхи Захира представляют собой полемику с представителями шиизма. По данным на 2026 г., шииты составляют примерно 10–15% от общего числа мусульман в мире. Общее число мусульман в мире превышает 2 млрд человек, таким образом, численность шиитов оценивается в 200–300 млн приверженцев данного направления.

Полемика с шиитами является важной частью суннитского богословия, направленного на защиту и сохранение подлинного исламского учения. Она помогает выявлять и исправлять теологические и практические отклонения. Используя методы «калама» («рационального богословия»), суннитские ученые приводят аргументы в защиту своих взглядов, опираясь на Коран, Сунну и мнение праведных предшественников. Апологеты стремятся показать, что шиитские концепции (например, непогрешимость имамов, временный брак) противоречат основам ислама и не имеют оснований в священных текстах [3, с. 97].

Следующие труды – «Книга Сунны» Мусы Бигиева, «Кольчуга верующего» Ахмада ибн Юсуфа ас-Саййида, «Вехи осознанности» шейха Салиха Синди – посвящены полемике с коранитами,

т.е. с теми, кто дискредитирует сунну и отрицает ее религиозный авторитет.

Цель этих трудов – защита сунны как одного из важнейших источников шариата и опровержение идеологии группы, отрицавшей ее. Так, например, в «Книге Сунны» автор аргументировал важность следования сунне и ее роль в исламской доктрине. Он определял Сунну как «предписанный пророком Мухаммадом ﷺ путь, выраженный в его деяниях и мудрых наставлениях, описанный им в письмах к правителям и племенам, т.е. совокупность всего того, что он совершил, доводя пророческую миссию».

Авторы выражают мнение о том, что «если у человека есть проблемы с сунной, то у него определенно возникнут проблемы и с другими разделами...» [2, с. 236].

И, наконец, такие книги, как «Китаб ат-таухид» Абу Саида ад-Дагестани, «Энциклопедия суфизма» Юсуфа Мухаммада Хаттара, «Учение заблудших групп и сект и преступления, совершаемые их последователями под предлогом единобожия» Абдулкарима Полата – труды, посвященные полемике с последователями Ибн Таймии [5, с. 58].

Авторы утверждают, что «самой известной сектой, внесшей наибольшую смуту в сердца мусульман, несомненно, является секта ваххабийя, представители которой гордо именуют себя истинными поборниками Единобожия...» [1, с. 5].

Цель текстов – полемика и защита традиционного исламского вероубеждения. Авторы стремятся разоблачить учения групп, отклоняющихся от традиционного ислама, показать связь между религиозными заблуждениями и преступными действиями и предостеречь мусульман от влияния подобных течений. Книги являются ответом на вызов распространения радикальных движений.

Современные апологеты используют комплексный подход, сочетая:

- Текстуальный анализ священных текстов;
- Рациональную аргументацию;
- Исторический метод исследования;
- Междисциплинарный подход.

Таким образом, установлено, что суннитская апологетика сохраняет свою значимость как инструмент защиты и распространения суннитского мировоззрения. Современные труды демонстрируют разнообразие подходов и методов, что повышает их эффективность в разных коммуникативных контекстах.

Литература и источники:

1. Ад-Дагестани Абу Саид. Китаб ат-таухид / Абу Саид ад-Дагестани. – Махачкала: Китаб, 2015. – 176 с.
2. Ас-Саййид Ахмад ибн Юсуф. Кольчуга верующего. Как противостоят современным идеологическим диверсиям / Ахмад ибн Юсуф ас-Саййид. – Хасавюрт: Амаль, 2025. – 320 с.
3. Бигиев М.Я. Критика шиитских воззрений / М.Я. Бигиев. – Казань: Иман, 2002. – 163 с.
4. Магомедова М.М. Религиозное течение ислама «сунниты» / М.М. Магомедова // Мировая наука. – 2019. – №12 (33). – С. 252–255.
5. Полат А. Учение заблудших групп и сект и преступления, совершаемые их последователями под предлогом единобожия / А. Полат. – Казань: Хузур, 2018. – 136 с.

Матулаев С.М. (БИА, Болгар)

**ТРАКТАТ «СУЛЛАМ АЛ-МУРИД ФИ ЗИКР АЛ-
ВАХИД АЛ-ГАФФАР» ИЛЬЯСА ИБН МАХМУДА АД-
ДАГИСТАНИ: БОГОСЛОВСКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

*(Научный руководитель – доктор исламских наук, преподаватель
кафедры теологии БИА Аль-Асри Саиф Али Мохамед)*

***Аннотация** В статье представлен богословско-текстологический анализ трактата «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар», принадлежащего дагестанскому богослову Ильясу ибн Махмуду ад-Дагистани ал-Цудахари. Рассматриваются особенности структуры произведения, его место в исламской рукописной традиции. Показано, что трактат отражает устойчивую традицию передачи богословского знания, основанную на сочетании основного текста толкований.*

***Ключевые слова:** исламское богословие, акыда, текстология, рукописи, дагестанская богословская традиция, шарх,*

Изучение исламского богословского наследия невозможно без обращения к рукописной традиции, в рамках которой формировались и передавались основные положения вероучения. Особое место в данной традиции занимают сочинения по догматике («акыде»), представляющие собой систематизированное изложение основ исламской веры.

Важным источником для исследования является трактат «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» Ильаса ибн Махмуда ад-Дагистани, который отражает специфику региональной богословской мысли и традиции преподавания религиозных наук. Анализ подобных произведений требует применения текстологического подхода, направленного на выявление структуры текста, его вариантов и особенностей передачи.

Как отмечается в научных исследованиях, текстологический анализ предполагает комплексное изучение языковых и графических характеристик рукописного источника, что позволяет выявлять ошибки чтения и уточнять содержание текста [4]. Данный подход особенно актуален для исламских сочинений, где текст часто сопровождается комментариями и имеет многослойную структуру.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа богословских рукописей дагестанской традиции, которые до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Цель статьи – осуществить богословско-текстологический анализ трактата «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» и определить его место в исламской научной традиции.

Материалом исследования послужил текст трактата «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар», а также научные исследования, посвященные текстологии и исламскому богословскому наследию.

Методологическую основу составляют: текстологический анализ; сравнительно-сопоставительный метод; структурно-семантический анализ.

Текстологический подход предполагает изучение рукописей, выявление вариантов чтения и анализ структуры текста. Как показывает практика исследований, подобный анализ позволяет не только уточнить текст, но и выявить особенности его функционирования в научной традиции [1].

Кроме того, учитываются историко-культурные условия формирования исламской рукописной традиции, включая практику комментирования и переписывания текстов.

Анализ трактата «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» показывает, что он построен в соответствии с классической традицией исламских богословских сочинений и представляет собой систематизированное изложение основных положений вероучения, ориентированное на образовательные цели. Структурная организация текста соответствует принятой в исламской научной традиции модели, предполагающей сочетание основного текста («матна»), сопровождаемого развернутыми комментариями (шарх) и дополнительными пояснениями («хашия»), что обеспечивает более глубокое понимание содержания. Такая многоуровневая композиция свидетельствует о включенности произведения в развитую традицию интерпретации богословских текстов, где знание передается не только через первичный текст, но и через систему его последовательного толкования и уточнения [2].

Текстологический анализ показывает, что исследуемый трактат следует рассматривать в контексте рукописной традиции, в рамках которой текст не является строго фиксированным, а существует в виде множества вариантов. Как установлено в исследованиях, рукописные тексты нередко содержат различия в чтениях, вставки, сокращения и комментарии переписчиков, что обусловлено особенностями их передачи и переписывания [3]. Это требует внимательного сопоставления различных версий текста с целью реконструкции его первоначального вида и выявления авторского замысла. При этом особое значение приобретает анализ терминологического аппарата, поскольку богословские термины отличаются высокой степенью устойчивости и точности, а их корректная интерпретация имеет принципиальное значение для понимания содержания трактата [1].

Одной из ключевых особенностей исламской научной традиции является развитая система комментирования, в рамках которой богословские тексты изучаются не изолированно, а в сопровождении комментариев и субкомментариев. Как показывают исследования, такая практика обусловлена сложностью богословского языка, необходимостью разъяснения терминологии и адаптацией текста к образовательному процессу [2]. В этом контексте трактат «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» следует рассматривать как

часть более широкой системы передачи знания, включающей не только сам текст, но и его интерпретацию, уточнение и переосмысление в рамках учебной и научной традиции [3].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что трактат Ильяса ибн Махмуда ад-Дагистани представляет собой значимый элемент дагестанской богословской традиции, отражающий специфику регионального исламского образования, преемственность классических богословских школ и интеграцию различных уровней знания, включая акыду, фикх и этику [1]. Подобные произведения играли важную роль в формировании религиозной идентичности и передаче духовно-нравственных ценностей, выступая одновременно учебными и научными текстами, обеспечивающими сохранение и развитие исламской интеллектуальной традиции.

Таким образом, трактат «Суллам ал-мурид фи зикр ал-Вахид ал-Гаффар» представляет собой значимый источник для изучения исламской богословской традиции. Проведенный анализ показал, что данное произведение обладает сложной текстовой структурой и отражает особенности рукописной передачи знания.

Текстологический подход позволяет выявить вариативность текста, установить его структуру и определить особенности комментаторской традиции. Это, в свою очередь, способствует более точному пониманию богословских положений и их интерпретации.

В целом, исследование подтверждает, что изучение исламских рукописей требует комплексного подхода, объединяющего филологический и богословский анализ [5]. Дальнейшее исследование подобных текстов представляется перспективным направлением в области исламоведения и текстологии.

Литература и источники:

1. Ахмедхабибов М.С. Текстологический анализ сочинения Мухаммадтахира ал-Карахи «Шарх ал-мафруд» / М.С. Ахмедхабибов // Исламоведение. – 2022. – Т. 13. – №4 (54). – С. 85–93.
2. Зиякаев Р.Ш. Традиция издания трудов по науке «усуль аль-фикх» (основы исламского права) в Казани / Р.Ш. Зиякаев // Minbar. Islamic Studies. – 2022. – Т. 15. – №4. – С. 807–829.

3. Тарасова Н.А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) / Н.А. Тарасова // ДМКФ. – 2020. – №2 (10). – С. 153–169.

4. Тимуршин М. Р. Научные методы исследований рукописей (на примере Тимуршин М.Р. Научные методы исследований рукописей (на примере произведения Мухаммада ал-Булгари «Хазинетуль-улема ва зинетуль-фукаха» (Клад ученых и украшение исламских правоведов)) / М.Р. Тимуршин // Современный ученый. – 2025. – №1. – С. 101–105.

5. Тухтиева Г.Т. Сакральные тексты в истории культуры: на примере Библии и Корана: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. / Тухтиева Гульбахрам Турсуновна. – Екатеринбург, 2001. – 22 с.

Меметова Л.А. (РИИ, Казань)

ИНТЕГРАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ЭТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ШКОЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук,
заведующий отделом социально-политических исследований
Центра исламоведческих исследований АН РТ; доцент кафедры
систематической теологии РИИ Гильмутдинов Д.Р.)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу интеграции исламских этических принципов в школьную систему. Рассматриваются ключевые категории исламской педагогики и их роль в формировании нравственной личности. Особое внимание уделяется сопоставлению с западными образовательными моделями и механизмами внедрения этики в образовательную среду. Делается вывод о значимости целостного подхода для формирования социально ответственного поведения учащихся.*

Ключевые слова: *исламское образование, исламская этика, «та’диб», «тарбия», «та’лим», нравственное воспитание, образовательная политика, школьная культура, трансформативное обучение.*

В условиях глобализации и растущего разнообразия ценностей школы все чаще сталкиваются с задачей не только передавать знания, но и формировать у учащихся устойчивые моральные ориентиры. В этой связи особую актуальность приобретают образовательные модели, способные интегрировать интеллектуальное и нравственное развитие личности. Исламская образовательная

традиция предлагает именно такой целостный подход, в котором обучение неразрывно связано с духовным становлением человека [3, с. 35]. Как подчеркивается в исследовании «Исламское образование: культурная среда, основанная на мудрости» (2020 г.), речь идет не просто о накоплении знаний, а о формировании личности, обладающей внутренними ценностями и готовой к ответственному поведению [3, с. 40]. В этом контексте цель данного исследования заключается в анализе механизмов интеграции исламских этических принципов в школьную систему и оценке их потенциала в формировании устойчивой образовательной среды.

Для более глубокого понимания данного подхода необходимо обратиться к базовым категориям исламской педагогики – «тарбия» (воспитание), «та’лим» (обучение) и «та’диб» (нравственное формирование). Если «тарбия» и «та’лим» обеспечивают развитие личности на уровне знаний и навыков, то «та’диб» направлен на формирование внутренней культуры человека – его поведения, самодисциплины и морального сознания [8, с. 32]. Таким образом, ключевой акцент смещается с усвоения норм на их осмысленное принятие и практическое воплощение, когда учащийся не только знает моральные принципы, но и применяет их в реальных ситуациях.

Данный подход во многом созвучен теории трансформативного обучения Дж. Мезироу, согласно которой образование представляет собой процесс глубинного изменения мировоззрения через критическую рефлексию [4, с. 5]. Однако в отличие от многих западных образовательных моделей, где акцент делается преимущественно на развитии автономного критического мышления и индивидуального выбора, исламская педагогика дополняет этот процесс духовным измерением и нравственной ответственностью перед обществом. В западных подходах (например, в рамках либерального образования или теории «character education») моральное развитие часто рассматривается как результат личного выбора и социального опыта, тогда как в исламской традиции оно имеет более системный и ценностно закреплённый характер, опирающийся на устойчивые этические ориентиры. Это различие не означает противопоставление, а скорее указывает на возможность взаимо-

дополнения: критическая рефлексия усиливает осознанность, тогда как духовно-нравственная основа придает ей устойчивость.

Более того, исламская этика носит ярко выраженный социальный характер, ориентируя человека на взаимодействие с окружающими. Она формирует такие качества, как справедливость, сострадание и ответственность [8, с. 34], что особенно важно в условиях современного общества, требующего не только индивидуальной успешности, но и способности к конструктивному взаимодействию. Например, участие школьников в благотворительных инициативах или волонтерских проектах позволяет не только закрепить эти ценности на практике, но и развить чувство социальной сопричастности – аспект, который также активно поддерживается в западных образовательных моделях через «service learning» (обучение через социальное служение).

Вместе с тем для того, чтобы эти принципы действительно функционировали, их недостаточно провозгласить. Они должны быть институционально закреплены и интегрированы в повседневную жизнь школы. Исследования показывают, что устойчивый эффект достигается лишь тогда, когда этические нормы отражены в школьной политике, управленческих решениях и организационной культуре [5, с. 101]. В этом отношении исламский подход во многом совпадает с современными западными концепциями «whole-school approach» (целостный подход на уровне всей школы), предполагающими, что ценности должны пронизывать все аспекты школьной среды.

Практическая реализация данного подхода осуществляется на нескольких уровнях. На уровне управления это выражается во внедрении кодексов поведения, правил академической честности и прозрачных процедур оценивания. На уровне учебной программы этические аспекты интегрируются в различные дисциплины: в литературе – через анализ моральных выборов героев, в естественных науках – через обсуждение экологической ответственности. Не менее важна и школьная культура, проявляющаяся в повседневном взаимодействии – уважительном диалоге, справедливом отношении и поддержке сотрудничества. Наконец, значимую роль

играет взаимодействие с семьей и обществом, включая участие в социальных и благотворительных инициативах.

Эмпирические исследования подтверждают эффективность комплексной интеграции этических принципов: в таких школах снижается уровень дисциплинарных нарушений, растет социальная активность учащихся и укрепляется доверие со стороны родителей [7, с. 78]. Это свидетельствует о том, что этическое воспитание влияет не только на индивидуальное развитие, но и на образовательную среду в целом.

Тем не менее, данный подход имеет и ряд ограничений. Существует риск формализации, при которой ценности остаются декларативными [1, с. 12]. Кроме того, в мультикультурном контексте важно обеспечить баланс между сохранением исламской идентичности и открытостью к другим ценностным системам. Аналогичные вызовы наблюдаются и в западных моделях, где дискуссии ведутся вокруг универсальности моральных норм и культурной чувствительности образования.

Особую роль в реализации этического подхода играет учитель. В исламской традиции он выступает не только как источник знаний, но и как нравственный ориентир, формирующий ценности через личный пример [8, с. 36]. Именно в повседневных педагогических практиках – справедливом оценивании, уважительном общении, разрешении конфликтов – происходит реальное усвоение этических норм.

Таким образом, интеграция исламской этики в образовательную систему представляет собой не альтернативу западным моделям, а их потенциальное дополнение. Сочетание критической рефлексии, характерной для западной педагогики, с духовно-нравственной целостностью исламской традиции позволяет сформировать более устойчивую и гармоничную образовательную модель. Ключевым условием при этом остается переход от декларации ценностей к их последовательной реализации в повседневной практике школы.

Литература и источники:

1. Джулиянти Э., Искандар И., Рахми Л., Зохра Ф. Реконструкция философии исламского образования в цифровую эпоху: между классической мудростью и этикой искусственного интеллекта / Э. Джулиянти [и др.] // DIAJAR: Jurnal Pendidikan dan Pembelajaran. – 2026. – Т. 5. – №1. – С. 1–10.
2. Дьюи Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
3. Лахмар Ф. Исламское образование: культурная среда, основанная на мудрости / Ф. Лахмар // Religions. – 2020. – Т. 11. – №8. – С. 409–420.
4. Мезироу Дж. Теория трансформативного обучения / Дж. Мезироу // Adult Education Quarterly. – 1997. – Т. 48. – №1. – С. 5–12.
5. Мифтахуссуруп В., Гофар А., Хак А. Макасид аш-Шариа и этический поворот в управлении исламским образованием / В. Мифтахуссуруп, А. Гофар, А. Хак // ALMUSTOFA: Journal of Islamic Studies and Research. – 2025. – Т. 2. – №2. – С. 268–285.
6. Ноддингс Н. Образование и забота: философия образования, основанная на этике заботы / Н. Ноддингс – М.: Идея-Пресс, 2012. – 312 с.
7. Самсуддин С. Значение исламского правового образования в формировании личности с принципами этики и справедливости / С. Самсуддин // Indonesian Journal of Research and Educational Review. – 2023. – №2. – С. 70–80.
8. Хусни Х., Херлина Н.Х. Сущность исламской этики и ее значение для образования / Х. Хусни, Н.Х. Херлина // TAJDID. – 2022. – Т. 29. – №1. – С. 29–40.

Мухаметдинов Р.Д. (РИИ, Казань)

**ОПРОВЕРЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП,
ОТРИЦАЮЩИХ СУННУ КАК ИСТОЧНИК ШАРИАТА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ МУСЫ
БИГИЕВА И ‘АБД-АЛЬ-ГАНИ ‘АБД-АЛЬ-ХАЛИКА**

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой религиозных дисциплин КИУ, доцент кафедры
систематической теологии РИИ Шагавиев Д.А.)*

***Аннотация:** В статье анализируются методы опровержения коранитов в трудах Мусы Бигиева (1875–1949) и ‘Абд-аль-Гани ‘Абд-аль-Халика (1908–1983). Рассматриваются истоки движения «ахль аль-Кур’ан» в Индии, Египте и России. Выявляются различия в подходах татарского и египетского ученых в защите авторитета Сунны.*

***Ключевые слова:** Кораниты, Сунна, Муса Бигиев, ‘Абд-аль-Гани ‘Абд-аль-Халик, ахль аль-Кур’ан, критика хадисов, методология опровержения.*

Если в первые века ислама шииты, хариджиты и мутазилиты частично отвергали Сунну, а их идеи позднее подхватили ориенталисты [14, с. 190, 192, 198], то к концу XIX – началу XX вв. отрицание Сунны оформилось в движение «Ахль аль-Кур’ан» в Индостане под влиянием колониализма и европейской науки [3, с. 8–9, 23]. Примером служат кораниты-джакравиты, объявившие молитву мусульман неверием [2, 66–67]. В Египет эти течения про-

никли через востоковедение и британскую оккупацию, внедрявшую светское образование в противовес Аль-Азхару [8, с. 64–65; 72–73], но не сложились в единую группу и подавлялись Аль-Азхаром, тогда как в Индии их сторонники действовали свободно [6, с. 381]. В России, группы, отвергающие Сунну, действовали на рубеже 1990-2000-х гг.: в Дагестане «крачковский джама'ат» [11, с. 408], а в Татарстане «крачковцы», признававшие только перевод Корана И.Ю. Крачковского и намаз на русском языке. Они отвергали хадисы и добровольные молитвы [13, с. 20]. Там же действовали и «мофлюхуновцы», последователи Нуруллы Мофлюхунова (1931–2012), призывавшего опираться только на Коран и отвергавшего все, не имеющее подтверждения в Писании [13, с. 24–25].

Одним из защитников суннизма выступил Муса Бигиев, который в 1935 г. жестко раскритиковал убеждения шиитов-имамитов в своей книге «аль-Ваши'а» [11, с. 101; 12, с. 12]. Спустя десятилетие, улем обратился к защите второго источника исламского права. Объявленный врагом Британской Индии и отбывающий четырехлетнее заключение [5, с. 84–85] под домашним арестом во дворце эмира в Бхопале, он публикует в 1945 г. свой труд «Китаб ас-сунна» («Книга Сунны») [9, с. 364, 367–368]. Он называет Сунну первым и наивысшим источником права, а ее достоверность обосновывает вековой преемственностью ученых-мухаддисов и факихов [4, с. 1]. Автор не первый в вопросе приоритета Сунны, ему предшествуют «таби'ины»: 'Абд-ар-Рахман Ауза'и (707–774), утверждавший: «Коран нуждается в Сунне больше, чем Сунна в Коране», и Йахйя ибн Абу-Касир (ум. 747), сказавший: «Сунна судит Коран, а Коран не судит Сунну» [15, с. 164]. Отвергая калям как «пузыри в луже», автор критикует секту «ахль аль-Кур'ан», чье название считает неуважением к Писанию [6, с. 3–4]. Опираясь на коранические тексты, он раскрывает смысловые оттенки Сунны [4, с. 5–7] и доказывает ее авторитет через личность пророка Мухаммада (ﷺ), которого Всевышний восхваляет от первого до последнего аятов [4, с. 8–9]. Свои доводы Муса Бигиев подкрепляет классическими нормами исламского правоведения [7, с. 82–83].

Другой защитник Сунны, египетский профессор аль-Азхара Абу-ль-Камаль 'Абд-аль-Гани ибн Мухаммад 'Абд-аль-Халик.

В 1986 г. в защиту пророческого наследия увидел свет его труд «Худжжийят ас-сунна» («Достоверность Сунны»), на базе докторской диссертации 1940 г. [1, с. 13]. Он заявляет, что Коран и Сунна равнозначны как источники шариата [1, с. 485]. Египетский исследователь разъясняет терминологию Сунны через лингвистику, право и хадисоведение, и вслед за Аш-Шаукани (1759–1834) определяет ее как противоположность нововведению [1, с. 68]. Другой его метод – обоснование авторитета Сунны через непогрешимость пророков. Третий – доказательство достоверности Сунны как религиозной необходимости: он разбирает доводы противников (от оппонента Аш-Шафи‘и до мутазилитов, хариджитов и рафидитов), показывая, что Сунна подтверждает часть Корана, разъясняет его и восполняет отсутствующие нормы, а отрицание Сунны влечет вероотступничество [1, с. 243–275]. Четвертый прием – опровержение четырех главных сомнений: Коран самостоятелен и в отличие от Сунны сохранен Всевышним, запрет фиксации хадисов указывает на их недостоверность, а Предания следует сверять с Кораном [1, с. 383].

Таким образом, Муса Бигиев утверждает, что Сунна первый источник права и в своем трактате стремится разъяснить несостоятельность убеждений «ахль аль-Кур’ан», показать, что Сунна, веками охраняемая учеными, не может быть отвергнута невеждами. Прямая апелляция к текстам Писания с опорой на шариатские науки, не оставляет оппонентам возможности для возражения. В отличие от Мусы Бигиева, исследование ‘Абд-аль-Гани ‘Абд-аль-Халика носит академический характер, он исходит из положения, что Сунна по значимости не уступает Корану. Египетский ученый не ограничивается текстами Откровения, а подробно разбирает терминологию Сунны, привлекая данные лингвистики, правоведения и хадисоведения, а также изучает мнения различных мазхабов и ученых. Если татарский улем не уделяет внимания разбору сомнений оппонентов, то египетский профессор подробно отвечает на их основные возражения. При этом оба исследователя едины в главном: отрицание пророческого наследия недопустимо, а авторитет второго источника исламского права непререкаем.

Литература и источники:

1. ‘Абд-аль-Халик, ‘Абд-аль-Гани. Худжжийат ас-сунна / ‘Абд-аль-Гани ‘Абд-аль-Халик. – Эр-Рияд: ад-дар аль-‘Алямиййа лиль-китаб аль-ислями, 1986. – 598 с.

2. Аль-Мисбахи, Мухаммад Ахмад. Худус аль-фитан ва джихад а‘йан ас-суннан / Мухаммад Ахмад аль-Мисбахи. – Каир: Аль-Мукаттам ли-н-нашр ва ат-таузи‘, 2008. – 228 с.

3. Бахш, Хадим Хусайн Иляхи. Аль-Кур‘аниййун ва шубухату-хум хауля ас-сунна / Хадим Хусайн Иляхи Бахш. – Таиф: Мактабат ас-Сыддик, 2000. – 482 с.

4. Бигиев М. Китаб ас-сунна / М. Бигиев. – Бхопал, 1945. – 128 с.

5. Бухари, Мансур ‘Абд-аль-Бақы. Аль-‘Алляма Муса Джаруллах ва мауқыфу-ху мин ат-таклид ва-ль-иджтихад / Мансур ‘Абд-аль-Бақы Бухари. – Амман: дар ар-Райахин ли-н-нашр ва ат-таузи‘, 2025. – 360 с.

6. Исма‘иль Ибрахим, Хашим. Аш-Шубухат аль-мусара хауля ас-сунна ан-набавиййа (аль-кур‘аниййун унмузаджан) / Хашим Исма‘иль Ибрахим // Маджаллят аль-бахис ли-ль-‘улюм аль-ислямиййа. – 2020-2021. – Т.1. – №1. – С. 375–414.

7. Мухаметдинов Р.Д. Опровержение коранитов: сравнительный анализ методов Мусы Бигиева и Хадима Бахша / Р.Д.Мухаметдинов // Сборник научных работ III Республиканской студенческой научно-практической конференции. / науч. редактор Р.М. Мухаметшин. – Казань: ФПИКНиО-ДУМ РТ-РИИ-КИУ, 2025. – 15 с. – С. 81–85.

8. Мухаммад Йусуф, ‘Абд-ар-Рахман Мухаммад. Аль-Кур‘аниййун фи миср ва мауқыф аль-ислям мин-хум / ‘Абд-ар-Рахман Мухаммад Мухаммад Йусуф. – Каир: дар аль-Байан ли-н-нашр ва ат-таузи‘ ва ат-тарджама, 2012. – 392 с.

9. Хэйретдинов А.Г. Муса Жаруллаһ Бигиев: фэнни-биографик жыентык / А.Г. Хэйретдинов. – Казан: Жыен, 2022. – 832 б.: илл. – («Шәхесләребез» сериясе).

10. Шагавиев Д.А. Богословское наследие татар конца XVII – нач. XX веков / Д.А. Шагавиев // Минбар. – 2011. – №1 (7). – С. 3–20.

11. Шагавиев Д.А. Муса Джарулла Биги как защитник суннизма / Д.А. Шагавиев // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская

мысль в XXI веке: единство традиции и обновления: материалы II Международной науч. – образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17-20 мая 2015 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), Ш.Р. Кашаф (отв. ред.) и др.]. – Москва: ООО «Издательский дом «Медина», 2016. – 493, [29] с. – С. 100–108.

12. Шагавиев Д.А. Неофициальный ислам / Д.А. Шагавиев // История ислама в России / под общей редакцией Р.М. Мухаметшина. – Казань: Российский исламский институт, 2022. – С. 394–408.

13. Якупов В. Неофициальный ислам в Татарстане: движения, течения, секты / В. Якупов. – Казань: Иман, 2003. – 32 с.

14. As-Siba'ee, Mustafa. The Sunnah and its role in Islamic legislation. Translated by Faisal ibn Muhammad Shafeeq / Mustafa as-Siba'ee. – Riyadh: International Islamic Publishing House, 2008. – 570 p.

15. Zarabozo, Jamaal al-Din M. The authority and importance of the Sunnah / Jamaal al-Din M. Zarabozo. – Denver, CO: Al-Basheer Publications & Translations, 2000. – 289 p.

Набидоллаева А.Ж. (РИИ, Казань)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СУФИЗМА КАК ДУХОВНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ

(Научный руководитель – кандидат исторических наук, декан теологического факультета, доцент кафедры исламской теологии РИИ; доцент кафедры теологии, преподаватель кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин БИА Шангараяев Р.Р.)

Аннотация: *В статье рассматриваются истоки и этапы формирования суфизма как духовно-философского течения ислама. Анализируются этимология термина «тасаввуф», социально-религиозные предпосылки возникновения мистической традиции в VIII–IX вв., вклад ключевых мыслителей и роль тариқатов в институционализации суфийского пути.*

Ключевые слова: *суфизм, «тасаввуф», ислам, мистицизм, Аль-Газали, Ибн Араби, тариқат, гносеология, духовная практика.*

Суфизм (араб. «тасаввуф») представляет собой мистико-философское направление ислама, ориентированное на внутреннее, духовное измерение религии и непосредственное богопознание. Современные исследователи отмечают, что суфизм не был внешним заимствованием, а органично развился из самой пророческой традиции, выражая ее глубинную, экзистенциальную сторону [1, с. 61].

Происхождение термина «тасаввуф» вызывает дискуссии в научной литературе. Чаще всего его связывают с арабским словом

«суф» – «шерсть», что указывает на грубую шерстяную одежду первых аскетов и символизирует отрешение от мирского. Другая этимология возводит термин к корню «сафа» – «чистота», подчеркивая внутреннее очищение как сущность суфийского пути. Третья версия связывает название с группой «ахл ас-суффа» – бедных сподвижников пророка Мухаммада ﷺ, проводивших время в молитве у мечети в Медине [3, с. 30].

Формирование суфизма как течения относится к VIII–IX вв. и происходит на фоне институционализации религиозной жизни уммы: оформления школ «фикха», развития калама и философии («фалсафа»). По мнению М.И. Билалова, суфизм возник как реакция на формализацию религиозной практики и предложил путь личного богоискательства и духовного самораскрытия [1, с. 62]. К наиболее ранним представителям относят Абу Хашима аль-Куфи, Ибрахима ибн Адхама и Раби’у аль-Адавийю, чья концепция любви к Богу без надежды на рай и страха перед адом стала этическим основанием будущей мистической традиции.

KIX в. происходит теоретическая артикуляция суфизма. Джунайд аль-Багдади (ум. 910 г.) ввел в оборот понятия «фана» («растворение в Боге»), «бака» («вечного пребывания после растворения») и «макамат» («духовных стоянок»), сформировав ортодоксальную, согласованную с шариатом, линию суфизма. Параллельно Хусейн ибн Мансур аль-Халладж (ум. 922 г.) с его знаменитым высказыванием «Ана ль-Хакк» («Я – Истина») представил радикально-экстатическое направление, что привело к его казни и обозначило напряженность между мистическим опытом и официальной религиозной властью [3, с. 33].

Классическое философское оформление суфизма приходится на X–XIII вв. Особую роль сыграл Абу Хамид аль-Газали (1058–1111), сам прошедший путь от теолога к мистика. В трактате «Ихйа ’улум ад-дин» он утверждал, что внешнее соблюдение норм без внутреннего духовного содержания превращает религию в мертвую форму, а истинное знание («ма’рифа») достигается через очищение сердца и интуитивное озарение («кашф») [3, с. 34]. Именно Аль-Газали соединил шариатскую ортодоксию с суфий-

ским опытом и тем самым легитимировал суфизм в глазах суннитского богословия.

Дальнейшее развитие суфизма связано с именем Ибн Араби (1165–1240), создавшего учение о «вахдат аль-вуджуд» – «единстве бытия». Согласно этой доктрине, все сущее представляет собой проявление Единого Божественного Бытия, а постижение истины возможно лишь через преодоление эго, любовь и духовное самопожертвование [1, с. 63]. По замечанию И.Р. Насырова, в доктринальном суфизме формируется представление о двух нерационалистических путях постижения истин: либо через мистическое «избранничество» и растворение в сокровенном, либо через принятие на веру слова пророков [4, с. 52].

Существенным этапом стала институционализация суфизма в форме тарикатов – духовных братств с собственной методологией восхождения к Богу. Такие ордена, как Кадирийя, Накшбандийя, Шазилийя и Мевлевийя, создали устойчивую систему ученичества, духовного наставничества и коллективного зикра. Суфийские учреждения – «текке» и «ханака» – стали центрами не только религиозного воспитания, но и просвещения, сохраняя и передавая мистическое знание в условиях давления догматических школ. Через эти институты, как отмечает А.В. Волобуев, суфизм получил возможность участвовать в процессах обновления исламской традиции в колониальную и постколониальную эпохи [2, с. 57].

Таким образом, происхождение и формирование суфизма следует рассматривать как сложный синтетический процесс. С одной стороны, «тасаввуф» вырос из аскетико-этических установок раннего ислама, с другой – оформился в самостоятельную духовно-философскую систему, обогащенную опытом межкультурного взаимодействия и трудами выдающихся мыслителей. Утверждение, что суфизм является органическим, а не привнесенным элементом ислама, представляется обоснованным: он выражает внутреннее, гносеологическое измерение религии и сохраняет свое значение как ресурс духовного и нравственного воспитания современной мусульманской уммы.

Литература и источники:

1. Билалов М.И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма / М.И. Билалов // Исламоведение. – 2015. – №1 (23). – С. 61–68.

2. Волобуев А.В. Суфизм и модернизация в исламском мире / А.В. Волобуев // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №4 (24). – С. 56–61.

3. Гусенова Д.А. Гносеологические идеи в суфизме / Д.А. Гусенова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 29–38.

4. Насыров И.Р. Откровение в исламе / И.Р. Насыров // Философский журнал. – 2009. – №2 (3). – С. 49–63.

Набиуллина М.Ш. (РИИ, Казань)

ТАТАРСКИЕ ТАФСИРЫ XIX В.: ИСТОРИКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук,
заведующий отделом социально-политических исследований
Центра исламоведческих исследований АН РТ, доцент кафедры
систематической теологии РИИ Гильмутдинов Д.Р.)*

Аннотация: *Статья посвящена изучению основных идей татарских тафсиров, написанных в XIX в. Для анализа были выбраны труды известнейших татарских богословов: Бахадиршаха аль-Кайнави (первая половина XIX в.), Габдуннасира аль-Курсави (1776–1812), Таджетдина Ялчыгула (1768–1838), Хусаина Амирхана (1814–1893), Шейхуль Ислама бин Асадулла аль-Хамиди (1869–1911), Мухаммад-Садыка Иманкулый (1870–1932) и Ну‘мана бин Сабита ас-Самани (вторая половина XIX в.).*

Ключевые слова: *Коран, татарские тафсиры, ислам, татары, традиционный ислам.*

Актуальность данной темы характеризуется тем, что Коран и проблематика его перевода на татарский язык продолжительное время было в центре исламской традиции жителей Поволжья и Приуралья. XVIII–XX вв. у мусульман Поволжья характеризуются как сложный период, ассоциирующийся со взятием Казани войсками Ивана Грозного и его последствиями. Этот период сопряжен с гонениями, принуждениями к христианству, различного рода восстаниями, бунтами и сменами алфавита. Несмотря на события,

происходящие в этот период, татары всегда идентифицировали себя с исламом. Именно по этой причине, они прилагали большие усилия для сохранения и передачи потомкам своего наследия.

В начале XX в. в татарском обществе начинается новый этап – расцвет, который оставил огромный след в истории нашей страны. Это время ассоциируется с развитием национального самосознания, культурным подъемом и активными процессами модернизации, известными как джадидизм (реформаторское течение, направленное на модернизацию мусульманского уклада и культуры в Российской империи. Оно охватывало общины Крыма, Поволжья, Урала, Кавказа и Средней Азии в период с 1880-х по 1920-е гг.). Это движение вобрало в себя не только элементы традиционного ислама, но и западноевропейской цивилизации.

По словам доктора исторических наук Р.К. Адыгамова, «процессы трансформации российского общества, начавшиеся в конце восьмидесятых годов прошлого века и продолжающиеся по сей день, характеризовались религиозным возрождением и ростом национального самосознания. В связи с этим татары все более уверенно ассоциировали себя с исламом, постоянно увеличивалась численность прихожан, исполняющих основные предписания ислама, строились новые мечети, открывались и функционировали религиозные воскресные школы, медресе различного статуса и конечно же Российский исламский университет [1].

В связи с этими событиями появилась необходимость в достоверной информации, чтобы предотвратить конфликтные ситуации и дезинформацию молодых умов. Достоверные сообщения можно найти различными путями, и одно из них – это изучение наследия, т.е. Корана и произведений татарских богословов.

Несмотря на то, что изучать арабские источники татары-мусульмане начали еще со времен принятия ислама Волжской Булгарией (официальное принятие ислама Булгарами было зафиксировано в X в.). Однако бытует мнение, что жители Волжской Булгарии стали мусульманами намного раньше), большинство из них ограничивались теми сурами, которые использовались во время «ибадата» (совокупность ритуальных практик в исламе, включающая обязательные формы богослужения и соблюдение религиозных

обрядов, в т.ч. коллективного характера), никаха (в исламском семейном праве договор о заключении брака между женщиной и женщиной, оформляемый в соответствии с нормами шариата) и захоронения усопших. Поэтому, среди татар в XVIII–XIX вв. появились «Хафтияки» (сборники избранных сур и аятов Корана, объем которых составляет одну седьмую часть священного текста), которые пользовались особой популярностью. Также большое внимание татарские богословы уделяли тафсирам – толкованиям Священного Корана. Среди них популярностью пользовались труды следующих авторов: Ат-Табари, Ар-Рази, Аль-Куртуби, Ас-Суйути (Абу Джафар Мухаммад ат-Табари (224–310 гг. хиджры) – выдающийся исламский ученый. Его фундаментальный труд по толкованию Корана, известный как «Джами аль-Баян» (или «Тафсир ат-Табари»), издан в 14 томах и по праву считается классическим образцом экзегетической литературы в исламской традиции.

Фахр ад-Дин ар-Рази (1149–1210) – выдающийся мусульманский ученый, богослов, толкователь Корана. Ему принадлежит монументальный, хотя и незавершенный, тафсир «Мафатих аль-Гайб» («Ключи к сокровенному»), отличающийся рационалистическим подходом к толкованию священного текста.

Абдуллах аль-Куртуби – выдающийся исламский ученый, муфассир, факих и мухаддис. Его 12-томный тафсир «аль-Джами ли-ахкам аль-Куран», известный также как «Тафсир аль-Куртуби», считается одним из самых авторитетных толкований Корана, особенно в вопросах исламского права.

Джалалуддин ас-Суйути (1445–1505) – выдающийся мусульманский ученый, факих, муфассир и филолог. Среди его наиболее значимых сочинений – «аль-Иткан фи ‘улум аль-Кур’ан» (фундаментальный труд по кораническим дисциплинам), а также «Тафсир аль-Джалялайн», который Ас-Суйути завершил после смерти своего наставника Джалалуддина аль-Махалли) и другие.

Целью данного исследования является ознакомление читателей с авторами татарских тафсиров XIX в. и изучение их трудов.

Первые печатные тафсиры Корана – хафтияки

Автором наиболее раннего Хафтияка (седьмой части Корана) является Бахадиршах аль-Кайнави (Бахадиршах ибн Суйаргул аль-Кайнави – татарский богослов, автор сочинения «Китаб-и шараф-ма'аб – Хафт-и йак тафсири турки тилинда» («Книга подражания благородному – Толкование одной седьмой части Корана на тюркском языке»)) [6]. Согласно самой рукописи, труд был завершен в 1805 г. по григорианскому календарю. Информации про автора очень мало) и его труд «Китаб-и шараф-ма'аб – Хафт-и йак тафсири турки тилинда». Годом написания указывается 1805 г., однако труд был напечатан намного позже, в 1858–1859 гг в объеме 342 страницы. Произведение содержит подробное толкование тех частей Корана, которые наиболее широко применяются в религиозной практике. Также, как и в последующих толкованиях Корана на старотатарском языке, в данном тафсире часто встречается арабская и персидская терминология. Согласно исследованию И.Р. Сайтбатталова, стилистика произведения Бахадиршаха характеризуется преобладанием таких художественных средств, как эпитеты и сравнения. В качестве иллюстрации исследователь приводит следующие примеры из текста: «Катыҗ каранғы кич» («темный-претемный вечер»), «Күрмәгәндер күз, ишетмәгәндер колак» («не виданный глазом, не слышанный ухом»), а также «Ашалмыш вә тапалмыш игүн саламы кеби» («словно съеденная и истоптанная хлебная солома»).

Далее печатается Хафтияк Габдуннасира аль-Курсави (1776–1812) (татарский религиозный деятель, богослов. Он автор более десяти сочинений на арабском языке, «Хафтияк тафсире» («Толкование к 1/7 части Корана») на татарском языке) в 1861 г. Сам текст данного труда был написан аль-Курсави примерно в 1800 гг., однако точная дата не упоминается. В седмицу Корана входят короткие суры: «Открывающая Книгу», «Йа Син», «Власть «Падающее», «Милостивый», «Пещера», «Победа», «Весть», от «Утро» до «Люди». Однако, бытует и такое мнение, что в Хафтияке аль-Курсави изначально было больше сур.

Через пятнадцать лет, в 1876 г. вышел аналогичный комментарий седьмой части Корана, под авторством Таджетдина Ялчыгула

(1768–1838), (татарско-башкирский писатель, богослов и историк. Основными трудами являются: «Таварих-и Булгария», «Рисалия-Газиза» и «Сидрат ал-мунтаха»). Данный Хафтияк носит название «Сидрат аль-мунтаха», который был написан задолго до публикации, 47 лет назад в 1829 г. Тафсир также как и многие другие переводы Корана того времени содержит в себе персидскую фразеологию. Автор использовал фарси прежде всего для создания особой стилистики, а не потому, что в татарском языке не было эквивалентов. Также автор упоминает в своей работе такие сферы, как медицина, право, астрология и стилистика, по причине их распространенности в то время. Таким образом, «Сидрат ал-мунтаха» является уникальным энциклопедическим справочником по татарскому исламу начала XIX в.

Хафтияки в большинстве случаев применялись для шакирдов медресе, то есть для начального уровня. Богословы понимают, что не только ученикам, но и людям, связанным с образованием нужен тафсир полного Корана на татарском языке.

Полные комментарии священного текста на старотатарском языке

Первым, кто смог окончить полный тафсир Корана является Хусаин Амирхан (1814–1893), (Хусаин ибн мелла Амирхан ибн ‘Абдульманнан ибн Исма’иль ибн Мурад ат-Талкышы (1814 или 1816–1893). Учился у Исхака б. Са`ида (четвертый имам мечети «Гари масжед» в Казани) и у муллы `Абдуллы б. Яхйа (третий имам в мечети Мачкары), после чего поехал на обучение в Бухару. Вернувшись из Бухары, он стал девятым имамом шестой мечети около новой слободы в Казани. Самые яркие его труды: «Аль-Фаваид», «Тәварихи Болгария» (1883), «Нежүмет-тәварих» (1884), «Шәжәрәи галия фи бәян әл-әнсаб» (1884)) [9] и его труд «Тафсир Фава’ид». Перевод священного Корана на старотатарский язык на основе арабской графики, представляет собой подстрочный перевод текста с добавлением комментариев к некоторым аятам и понятиям. В предисловии к своему сочинению «Тафсир фаваид» Хусаин Амирхан обосновывает методику работы, ссылаясь на три авторитетных источника. Исследователь выделяет следу-

ющие арабоязычные труды, признанные достоверными: «Тафсире мадарик» (авторство принадлежит Абу аль-Баракату `Абдуллаху ан-Насафи), «Тафсире зубдат аль-асар» (составлен Ахмадом бин Абдуллахом аль-Багдади) и «Фатх ар-Рахман» (написан Муджир ад-Дином аль-Улайми аль-Ханбали). Все перечисленные комментарии исполнены на арабском языке [5].

Публикация комментария «Тафсир Фава`ид» осуществлялась поэтапно в конце XIX в. Работа состоит из четырех частей, датированных 1885, 1886 и 1889 гг. В библиографическом описании они фигурируют как: «Джуз аль-авваль», «Джуз ас-сани мин сура-ти аль-Игъраф», «Джуз ас-салис» и «Джуз аль-рабиг» [5]. Первая часть тафсира включала в себя 7 сур, начиная с «Открывающей Книгу» до суры «Преграды». Вторая часть данного труда состояла из 10 сур, от суры «Трофеи» до «Ночной перенос», что составляет ровно половину священного Корана. На третью и четвертую часть, автор поровну разделил оставшиеся 15 джузов. Сам перевод Корана содержит такого рода ошибки: замена слов, пропуск слов/словосочетаний/целых аятов и неправильное написание фраз. По мнению исследователей, одним из факторов, обусловивших данные ошибки, является преклонный возраст автора и специфика условий работы над текстом.

Второе издание «Тафсира Фава`ид» составляло всего две части и некоторые исправления, но, к сожалению, все еще содержит ошибки (в самом тафсире есть такие ошибки, как замена букв, слов или замена аятов, пропуск аятов и попуск слов). Следует также отметить, что данный труд написан для того, чтобы Священный Коран и его смыслы стали доступными для большинства горожан и автор попытался сделать тафсир на простом языке. Однако, трудность языка связана с соблюдением религиозной терминологии и произведение было понятным скорее для тех, кто был связан с наукой и образованием. Также понимание целого аята могло затруднять то, что автор делил аят на слова или словосочетания и переводил их частями, не говоря уже об ошибках, либо пропусках. Несмотря на все это, «Тафсир Фава`ид» пользовался популярностью и проложил путь последующим тафсирам.

Традицию, начатую Хусайном Амирханом, продолжают и другие татарские богословы. Вторым значимым тафсиром для татар является «Тасхиль аль-баян фи тафсир аль-Куран» («Облегчение разъяснения в толковании Корана»), который принадлежит перу Мухаммад-Садыка Иманкулый (богослов, религиозный деятель. Вначале учился у татарских богословов своего времени, после чего обучался в Бухаре. По возвращении на родину стал имамом в шестой соборной мечети Казани, а после и мухтасибом Казани). Данный труд был написан в 1905 г., а напечатан в 1910–1911 гг. в типографии «Үрнәк» (В 1906 г. на основе издательства «Мәгариф» («Просвещение») начала работу типография под названием «Шәрәф Матбугаты» («Матбагаи Шараф»)).

Однако уже в 1908 г., из-за давления со стороны властей, предприятие было официально переоформлено на Г.Ю. Саинова и получило новое имя – «Үрнәк» («Урняк») [3].

Спустя три года, в 1911 г., типография перешла к В.Е. Казакову и стала именоваться «Типография В.Е. Казакова», но вскоре после этого приостановила деятельность).

Тафсир состоит из двух томов, в конце второго тома автор приводит имена рецензентов и среди них известные личности того времени, такие, как имам Сафиулла ибн мулла Абдулла, имам Мухаммад Касим Салихи, имам Мухаммад Ариф Салихи, имам Мухаммад Тайиб ибн Шихабеддин Алтынбаев (этот список приводит А.Г. Сафин в своей диссертации «Тафсир Мухаммада Садыка Иманкулый «Тасхиль аль-баян фи тафсири аль-Куран» и его место в исламском богословии»). Как отмечает сам автор, при написании своего комментария к Корану он опирался на общепризнанные классические работы по экзегетике на арабском, персидском и османском языках. В частности, он указывает на такие работы, как «Ма’алим ат-танзиль» Аль-Багави (Абу Мухаммад аль-Багави (830–929) – богослов, муфассир, хадисовед и законовед шафиитского мазхаба. Его известные труды: «Ат-Тахзиб», «Ма’алим ат-танзиль», «Шарх ас-Сунна» и «Масабих ас-Сунна»), «Аль-Кашшаф» аз-Замахшари (Махмуд ибн Умар аз-Замахшари (1075–1144) – мугтазилитский ученый, богослов, муфассир. Его труды: «аль-Муфассал Фи Синаат аль-Эраб», «Мукаддима

аль-адаб», «аль-Кашшаф». Этот тафсир является классикой и первопроходцем касательно лингвистических аспектов) и «Мадарикун ат-танзилъ ва хака'ик ат-та'виль» ан-Насафи (Имам Абуль-Баракат ан-Насафи (620–710) – ханафитский ученый, богослов и муфассир. Его труды: «Мадарикун ат-танзилъ», «Умдат аль-акаид», «Шарх аль-Мунтахаб». В своем тафсире автор подробно останавливается на трех ключевых аспектах: грамматическом анализе Корана, систематизации акиды и критике доктрин различных сектантских групп) на арабском языке, тафсир Хусайна Ваиз ал-Кашифи (Камал ад-Дин Хусейн Ваиз Кашифи (1440–1505) – персидский ученый и поэт. Его труд «Тафсир Хусайни», основывается на сунне, мнениях сподвижников и табиюнов) – на персидском и «Тибян» Мухаммада афанди Гыйнтаби – на османском [7].

Свое произведение Мухаммад-Садык Иманкулый начинаст с имени Всевышнего и дальше он восхваляет Его и пророка Мухаммада ﷺ, после пишет полностью свое имя и имена тех, чьи тафсиры были ему помощниками в написании данного труда. Далее автор пишет – «Я перевел эту книгу ради Всевышнего, моих братьев и сестер и простых мусульман. Интерпретировал слова Всевышнего в меру своих возможностей». Ниже следует мольба о прощении и заканчивает автор книгу благодарностью и восхвалениями Всевышнего (автор во введении несколько раз просит прощения у Всевышнего за свои возможные ошибки в тафсире, также он обращается к читателям, чтобы они молились за него).

После своеобразного введения, начинается тафсир с суры «Открывающая Книгу». Мухаммад-Садык Иманкулый, также как и Хусаин Амирхан делит аяты на словосочетания и трактует их отдельно, также на полях рядом с аятами он пишет свой комментарий. Важно заметить, что автор придавал огромное значение уточнениям для полного и подробного понимания текста. Богослов комментирует аяты Корана с помощью хадисов (слов пророка Мухаммада ﷺ), слов сподвижников пророка Мухаммада ﷺ, табиюнов и табиг табиюнов (люди, которые жили в первые три века после смерти пророка Мухаммада ﷺ). Также автор приводит лишь одно мнение толкования аята, которое было признано суннитской традицией.

Придерживаясь принципов ханафитского мазхаба и матуридитской акыды, автор в первую очередь транслирует их позицию при толковании догматических и правовых аятов. При этом он не игнорирует мнения других суннитских школ, приводя их в отдельных случаях для сравнения [8].

Другой тафсир Корана, который мы рассмотрим в этой статье, «Аль-Иткан фи тарджамат ал-Кур’ан» написанный Шейхом аль-Исламом аль-Хамиди (Шейх аль-Ислам аль-Хамиди (1869–1911) – известный татарский богослов и поэт. Самый известный его труд – «Эл-Иткан фи-тәржимәтил-Коръән» («Совершенство в переводе Корана»), напечатанный в Оренбурге в 1907 г. Позже данный тафсир был переиздан в Токио (1950), в Стамбуле (1984) и в Катаре (1985). В основу данного произведения лег классический труд ас-Суйути «Аль-Иткан фи ‘улум аль-Кур’ан» (Джалалуддин ас-Суюти (1445–1505) – богослов, муфассир и мухаддис. Самые популярные его труды: «Тафсир аль-Джалалайн» и «аль-Иткан фи улум аль-Куръан»). Первые издания этого труда выпускались двумя томами. Первый том начинается с предисловия, затем идет толкование первой суры Корана «Открывающая Книгу» и далее до 17-й суры «Ночной перенос» включительно. Первый том состоит из 519 страниц. Следующий том начинается с 18-й суры «Пещера» и далее до самой последней 114-й суры Корана «Люди». Количество страниц этого тома – 451 [2].

Перелистывая первый выпуск «аль-Иткана» за 1907 г., можно заметить, что в первом томе после предисловия написаны примечания проверившего (Ш.Х. – Шакирзян Асадуллоевич Хамидуллин (1878–1932) – преподаватель, татарский писатель-джадидист. Родственник татарского богослова Шейх аль-Ислама аль-Хамиди) под названием «Ихтар», где говорится о сокращениях в данном тафсире и о том, как читаются слова с пропущенными огласовками. В издании 1911 г. и в последующих изданиях мы не находим инициалы «Ш.Х.» [8].

Далее следует «Тафсир Ну‘мани» – одно из самых популярных толкований татарских авторов, которое отличается от других тафсиров краткостью. Он издавался в 1896 и 1907 гг. и дважды в 1911 г. Авторами данного толкования являются Габдуннасир

аль-Курсави (1776–1812) и его ученик Ну‘ман бин Сабит ас-Самани (вторая половина XIX в).

Ну‘ман ас-Самани пишет, что при работе над комментарием он обращался к следующим, по его словам, «надежным и признанным тафсирам: тафсиру Мубарака Абу-с-Са‘адата ибн аль-Асира (Маджд Ад-Дин Абу Ас-Са‘адат аль-Мубарак (1149–1210) – выдающийся ученый-богослов своего времени. Его известные труды: «Джам‘ аль-уссуль фи ахадис Ар-Расуль», «Ан-Нихая фи гариб аль-хадис ва-ль-асар»), тафсиру факиха Абу-л-Ляйса (Абу аль-Ляйс Наср ибн Мухаммад ас-Самарканди (ум. между 983 и 1003) – богослов, факих ханафитского мазхаба и муфассир. Его труды: «Бахр Улум» (вероятнее всего именно эта книга и использовалась. Ну‘маном ас-Самани), «Хизанат аль-фикх», «Мухталиф ар-Риваят», «Акида аль-усуль»), тафсиру имама аль-Куртуби.

Таким образом, обращение к методу традиционного толкования Корана «Сунна разъясняет Коран» доказывает стремление Ну‘мана продолжить направление мысли своего учителя аль-Курсави. По всему тексту комментария приводятся хадисы пророка Мухаммада ﷺ и предания («ривайа») его асхабов (сподвижников пророка Мухаммада 8] (ﷺ)].

Данные богословы опирались на классические тафсиры, которые мы перечислили выше. В их тафсирах проявляется связь с жизнью и проблемами общества, в котором они жили. Все работы являются важным богословским наследием татар. В них отражены не только первоисточники, но и социальные условия, сложности и разные обстоятельства, которые беспокоили людей того времени. Очень важно, что эти труды сохранились до наших дней и мы имеем возможность ознакомиться с ними и использовать в своей работе.

Литература и источники:

1. Официальный сайт «ДУМ РТ» [Электронный ресурс] / URL: https://dumrt.ru/ru/help-info/theology/analytics_1096.html (дата обращения: 02.05.25).

2. Мәрданов Р. Шакиржан Хәмидинен тууында 125 ел / Р. Мәрданов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2003. – №3–4. – С. 142–145.
3. Мухаммад-Садык Иманкулый. Тасхиль аль-баян фи тафсир аль-Куран. Т. 1–2. – Казань: Типография «Урняк», 1911. – 816 с.
4. Ну‘ман бин Сабита ас-Самани Тафсир Ну‘мани / Пер. Нурулла Мофлюхунов. – Казань: Таймс 2023. – 604 с.
5. Нургатина Г.Г. Комментарий Корана «Тафсире фаваид» Хусайна ибн Амирхана / Г.Г. Нургатина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2018. – №4 (93).
6. Сайтбатталов И.Р. Некоторые наблюдения над языком и стилем толкования Бахадиршаха ал-Кайнави к одной седьмой части Корана / И.Р. Сайтбатталов // Доклады Башкирского университета. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2021. – Том 6. – №5.– 354 с.
7. Сафин А.Г. Поэт, историк, богослов: Жизнь и творчество Мухаммад-Садыка Иманкулый (1870–1932) / А.Г. Сафин // Minbar. Islamic Studies. – 2020. – 13 (1). С. 63–74.
8. Фаизов Р.Р. Тафсир «аль-Иткан фи тарджамат аль-Кур’ан» Ш. Хамиди: богословский анализ толкований сур «аль-Бакара», «аль ’Имран», «ан-Ниса» / Р.Р. Фаизов. – Болгар: БИА, 2019. – 209 с.
9. Шигабутдин Марджани. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Т. 2. Адыгамов Р.К. пер. с араб. и прим.). – Казань: Магариф-Вақыт, 2022. – 262 с.

Нафисуллин Р.Т. (БИА, Болгар)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИСЛАМСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

(Научный руководитель – доктор арабской филологии, преподаватель кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин БИА Шейх Мустафа Ахмад)

Аннотация: *В статье рассматривается применение искусственного интеллекта в исламском просвещении российской мусульманской молодежи. Республика Татарстан используется как региональный кейс, позволяющий соотнести государственную политику ИИ, исламское образование и религиозно-этическую экспертизу цифровых технологий. Предлагается сценарная модель ответственного внедрения ИИ в исламскую образовательную среду.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, исламское просвещение, мусульманская молодежь, исламская этика, цифровое образование, богословская верификация, Республика Татарстан.*

Искусственный интеллект перешел из сферы технологических прогнозов в область государственной образовательной политики. Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г. утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490; в 2024 г. в нее были внесены изменения Указом Президента РФ от 15 февраля 2024 г. №124 [5]. В документе развитие ИИ связано с научно-тех-

нологической базой, программным обеспечением, инфраструктурой, данными, подготовкой кадров и внедрением решений в различные отрасли [5].

Республика Татарстан рассматривается как региональный кейс, где одновременно развиваются государственная политика ИИ, исламское образование и экспертное обсуждение религиозно-этических границ цифровых технологий. Методологически статья основана на анализе нормативных документов, материалов региональной политики Татарстана, международных публикаций в сфере ИИ и образования, а также материалов исламских образовательных организаций. Используется проблемно-аналитический подход, позволяющий соотнести педагогические возможности ИИ с богословскими, этическими и правовыми ограничениями. Научная новизна состоит в предложении авторской сценарной модели внедрения ИИ в исламскую образовательную среду, где каждый сценарий связан с конкретной возможностью, риском и этической границей. Сценарная модель строится по принципу «возможность – риск – этическая граница», что позволяет оценивать не ИИ вообще, а конкретные формы его применения в исламском просвещении. Предлагаемые сценарии не исчерпывают все возможные направления внедрения ИИ, но отражают наиболее очевидные и практически применимые формы адаптации общей государственной технологической логики к задачам исламского просвещения. Теоретическая рамка статьи опирается на положения выпускной квалификационной работы автора, посвященной исламскому этическому регулированию искусственного интеллекта [3].

Материалы региональной политики Республики Татарстан показывают, что ИИ внедряется не как отвлеченная технология, а как набор конкретных образовательных, управленческих и отраслевых сценариев. В Татарстане в 2026 г. запущена программа развития ИИ до 2030 г. с бюджетом 5 млрд рублей [2]. В 100 школах с инженерной направленностью планируются ИИ-кружки с охватом более 3,5 тыс. детей; в 5–6-х классах школьники будут создавать тексты, изображения и презентации, а в 7-м классе – ИИ-агентов на визуальном конструкторе n8n [2]. Программа охватит 623 учителя информатики, из них 239 пройдут отбор для ведения круж-

ков [2]. Во всех 35 колледжах с ИТ-направлением будут запущены курсы по ИИ с ежегодным охватом 1,5 тыс. учащихся [2]. В отраслях заявлены «ГосПромпт», помощь учителю в генерации сценариев урока, тестовых заданий и проверке работ, а также ежегодный запуск 10 ИИ-агентов для ведомств [2].

Одним из признаков включения исламской образовательной среды в этот дискурс стало обсуждение темы ИИ в Российском исламском институте. 23 апреля 2026 г. в РИИ прошел круглый стол «Искусственный интеллект как инструмент оптимизации учебно-методической и научно-исследовательской деятельности» [1]. Ректор Российского исламского института Р.М. Мухаметшин отметил две линии обсуждения: применение ИИ преподавателем для подготовки учебных материалов и риск некритического использования ИИ студентами [1]. Для подготовленного специалиста ИИ может быть инструментом систематизации, для неподготовленного пользователя – способом подмены самостоятельного анализа готовым машинным текстом.

Исламская образовательная среда может использовать государственную технологическую логику, но не должна копировать ее механически. Если в общеобразовательной школе ИИ помогает создать презентацию, тест или учебный проект, то в исламском просвещении он работает с религиозным смыслом, нормой, традицией и личными вопросами верующего. Поэтому далее предлагаются авторские сценарии применения ИИ, адаптированные к исламской образовательной и просветительской среде. Каждый сценарий требует богословской, педагогической и этической настройки.

Первый сценарий – ИИ-помощник преподавателя. Он готовит план урока, карточки, тесты, краткие конспекты и домашние задания. Например, преподаватель медресе после темы об омовении получает схему урока, список типичных ошибок и пять вопросов для самопроверки. Возможность – снижение рутинной нагрузки и повышение методической структурированности занятия. Риск – богословская неточность, неверная ссылка на источник, смешение мазхабов или упрощение нормы до бытового совета. Этическая

граница – материал не передается ученикам как религиозное знание без проверки и ответственности преподавателя.

Второй сценарий – ИИ-тренажер для ученика. После урока система предлагает памятку, упражнение, повторение через 1–3 дня и короткую проверку понимания. Ученик повторяет порядок омовения, различает категории обязательного, необходимого и желательного действия, отвечает на практический вопрос. Возможность – перевод урока в регулярную практику и закрепление материала между занятиями. Риск – восприятие ИИ как самостоятельного религиозного наставника. Этическая граница – тренажер работает только в рамках утвержденного учебного материала, не имитирует духовное наставничество и перенаправляет личные или спорные вопросы к имаму или преподавателю.

Третий сценарий – ИИ-поиск по закрытой базе исламских материалов. База включает утвержденные учебники, конспекты преподавателей, официальные материалы исламских образовательных организаций и проверенные богословские труды. Возможность – быстрый поиск по достоверным источникам и сокращение времени на работу с большим массивом материалов. Риск – эффект авторитетной выдачи, когда найденный фрагмент воспринимается пользователем как готовое религиозно-правовое заключение без учета контекста, уровня источника и условий применения. Этическая граница – справочная выдача не должна подменять суждение специалиста: система показывает источник и контекст, но вопросы нормы, фетвы и частного случая передает преподавателю, имаму или ученому.

Четвертый сценарий – ИИ-аналитика для преподавателя и методиста. Система показывает, какие темы вызвали ошибки, сколько учеников завершили урок, кто вернулся к повторению, какие вопросы чаще требуют объяснения. Возможность – измерение реального образовательного результата и корректировка занятий по фактическим затруднениям учащихся. Риск – превращение аналитики в форму контроля над личной религиозной жизнью ученика. Этическая граница – собираются только минимально необходимые учебные данные; личные вопросы, сведения о личной религиозной практике, семейных конфликтах и духовном состо-

янии не используются для аналитики без правового основания, а в случаях, когда закон требует согласия, – без информированного согласия самого обучающегося или его законного представителя. Федеральный закон №152-ФЗ регулирует обработку персональных данных и направлен на защиту прав и свобод человека при такой обработке [6].

Пятый сценарий – ИИ-ассистент по исламским вопросам с экспертным согласованием. Он может применяться не только в учебной группе, но и в более широком просветительском сервисе для мусульман. Пользователь задает вопрос о семейной, наследственной, финансовой, вероучительной или иной религиозно значимой ситуации. Этот сценарий развивает апробированную автором в ВКР модель Telegram-бота: религиозный запрос обрабатывается с применением RAG-подхода, то есть генерации ответа с опорой на поиск по закрытой базе материалов; вопрос и проект ответа передаются в отдельный верификационный бот для контроля human-in-the-loop, то есть «человек в контуре контроля» [3]. Соответствующий специалист – имам, муфтий, казый, преподаватель по вероучению, психолог или специалист по профилактике деструктивного поведения – утверждает, исправляет, возвращает проект ответа на доработку или передает вопрос другому эксперту. Только после согласования ответ направляется пользователю. Возможность – ускорение работы специалистов, снижение их рутинной нагрузки и защита пользователя от случайных ответов из открытого интернета. Риск – раскрытие чувствительной информации лишним участникам процесса, формальное согласование ИИ-проекта без полноценной проверки или размывание ответственности за итоговый ответ. Этическая граница – пользователь должен понимать, что получает ответ, согласованный живым специалистом; доступ к обращению ограничивается только необходимыми участниками, а ИИ-проект не выдается за самостоятельное религиозно-правовое заключение.

UNESCO связывает применение генеративного ИИ в образовании с человекоцентричным подходом, защитой данных, возрастной уместностью, этической проверкой и педагогическим проектированием [7]. Проект Кодекса этики в сфере ИИ в образовании

усиливает эту логику через требования квалифицированной оценки целесообразности, эффективности и этической приемлемости ИИ-систем, а также через инструмент «этического светофора», классифицирующий сценарии применения ИИ по зонам допустимости, ограничений и недопустимости [4]. Для исламского образования этот подход дополняется богословским критерием: чем ближе вопрос к религиозно-правовому заключению или личному духовному руководству, тем выше должен быть уровень человеческого контроля.

На основе предложенных авторских сценариев исламский протокол внедрения ИИ должен включать пять элементов: проверенную базу источников, распределение ролей между ИИ и человеком, перечень тем недопустимой автономной генерации, регулярную богословскую и методическую верификацию, а также оценку результата без нарушения приватности. Практическое значение такого подхода состоит в переходе от общего вопроса «можно ли использовать ИИ» к управляемой модели: ИИ как помощник знания, а не источник религиозной власти; как инструмент повторения, а не замена наставника; как цифровая поддержка просвещения, а не подмена живой духовной связи.

Литература и источники:

1. В Российском исламском институте обсудили роль искусственного интеллекта в образовании // Российский исламский институт. 2026. URL: <https://kazanriu.ru/novosti/v-rossijskom-islamskom-institute-obsudili-rol-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii/04/2026/24/> (дата обращения: 11.05.2026).

2. Илья Начвин рассказал о старте масштабной программы развития ИИ в Кабинете министров // Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. 2026. URL: <https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2512403.htm> (дата обращения: 11.05.2026).

3. Нафисуллин Р.Т. Разработка исламского этического кодекса для применения искусственного интеллекта: принципы, нормы и практическое внедрение: выпускная квалификационная рабо-

та. Казань, Казанский исламский университет, 2025. URL: <https://islamicaicode.com/research-ru/> (дата обращения: 11.05.2026).

4. Проект Кодекса этики в сфере ИИ в образовании // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/ethics-of-education/> (дата обращения: 11.05.2026).

5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 15.02.2024 №124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденную этим Указом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/; <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 11.05.2026).

6. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных». URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261> (дата обращения: 11.05.2026).

7. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research> (дата обращения: 11.05.2026).

Новрузова С.А. (РИИ, Казань)

ПРЕДЕЛЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОММУНИКАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ И ИСЛАМСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

*(Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой исламской теологии РИИ; доцент кафедры
теологии БИА Седанкина Т.Е.)*

***Аннотация:** Статья посвящена анализу ограничений искусственного интеллекта в достижении человеческого рассуждения через призму теоремы Курта Геделя о неполноте. ИИ рассматривается как процесс воспроизводства коммуникации, а не интеллекта, опираясь на теорию систем Никласа Лумана. В статье подчеркивается несовместимость алгоритмического подхода с пониманием знания в исламской традиции.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, человеческое рассуждение, теорема Геделя о неполноте, Никлас Луман, Елена Эспозито, исламская эпистемология.*

Четвертая промышленная революция стала катализатором изменений в том, как мы работаем, учимся, мыслим. Ключевую роль в этих изменениях играет развитие интеллектуальных систем (далее ИИ) – технологий, способных распознавать образы, обучаться, генерировать изображения, тексты и выполнять рутинную работу. В научном сообществе данные процессы актуализировали дискуссии о природе интеллекта и разума, вызванными теоремами Курта

Геделя (1906–1978) – австрийского логика, математика и философа математики о неполноте. Центральным предметом обсуждений стал вопрос о потенциале ИИ: способен ли он достичь уровня человеческого рассуждения или даже превзойти его.

В 1931 г. Курт Гедель доказал, что в любой достаточно сложной формальной системе существуют истинные утверждения, которые невозможно доказать средствами этой системы. Более того, ни одна такая система не может доказать собственную непротиворечивость (при условии, что она на самом деле непротиворечива), их истинность и непротиворечивость можно установить лишь извне [1. с. 51]. В рамках математической логики это означает ограниченность формализованных способов вывода. ИИ, как формальная система неполна: для него всегда будут существовать утверждения или смыслы, которые не могут быть извлечены в рамках заданной архитектуры или данных. ИИ также не сможет доказать собственную непротиворечивость. Человек же способен обосновывать утверждения, которые считаются недоказуемыми, расширяя набор аксиом или вводя новые методы рассуждения. Из этого следует, что человеческое мышление и разум нельзя свести к алгоритмическим процедурам.

Аналогичное ограничение можно увидеть и вне строгой логики – в теории социальных систем Никласа Лумана – немецкого социолога, создателя теории общества, классика социологии XX в. (1927–1998 гг.). Ключевым понятием становится наблюдение: всякая система наблюдает мир, проводя различие. Как формальная система не может выйти за свои пределы, так и наблюдатель ограничен своим различием. Однако у Н. Лумана появляется возможность «выхода» через наблюдение второго порядка – когда наблюдатель (второго порядка) смотрит не на объект, а на то, как система наблюдает этот объект. Это позволяет анализировать границы и «слепые пятна» самой системы наблюдения.

Именно этот лумановский прием – смещение фокуса с объекта на сам процесс наблюдения становится главной идеей для работы его ученицы Елены Эспозито (род. 1960 г.) – профессора социологии. По ее мнению, ИИ воспроизводит не интеллект, а коммуникацию. В своей работе «Искусственная коммуникация: как алгоритмы

производят социальный интеллект», она отмечает, что технологии ИИ, которые она определяет как «алгоритмы», по сути, имитируют процессы коммуникации, а не интеллекта. Эти алгоритмы «опираются» на большие массивы данных, формируемые пользователями в интернете. Эспозито рассматривает эти процессы ссылаясь на теорию коммуникации Лумана [2].

Первые разработчики ИИ исходили из идеи воспроизведения человеческого мышления и стремились создать технологии, способные не только имитировать интеллектуальную деятельность человека, но и превосходить ее. Предполагалась, что ИИ сможет мыслить, принимать решения и взаимодействовать с миром по аналогии с человеком. Частично эта цель была достигнута: современные ИИ успешно справляются с узкими задачами – например, генерацией связного текста, распознаванием изображений, переводом и т.д.

Однако успех ИИ остается в основном ограниченным узкими областями. В отличие от человека, такие системы не обладают универсальным пониманием, не способны переносить знания между различными контекстами и не демонстрируют здравого смысла в человеческом значении этого слова. Это позволяет поставить под сомнение саму исходную постановку вопроса о «воспроизведении знания, интеллекта». Современные системы ИИ лишь вдохновляются некоторыми принципами работы человеческого мышления.

В этом контексте исламская эпистемология позволяет по-новому взглянуть на ограничения ИИ. В исламской интеллектуальной традиции знание («ильм») понимается не как простое накопление информации или способность производить правильные ответы, а как процесс, связанный с этической ответственностью и личностью носителя знания. Знание не существует отдельно от субъекта, который его получает, понимает и передает. Поэтому особое значение имеет не только содержание знания, но и способ его передачи. Одним из ключевых элементов здесь выступает «иснад» – система подтверждения знания через цепочку передатчиков, основанная на авторитете, проверке достоверности. «Иснад» служит гарантией того, что передаваемое знание не было искажено и действительно восходит к авторитетному источнику. Тогда как в ИИ

есть проблема «черных ящиков», и даже разработчики не могут определить почему он принял то или иное решение. Эта модель предполагает, что знание требует живой преемственности и ответственности за передаваемое содержание.

В исламской традиции источниками знания признаются божественное откровение («накль»), разум («акль») и чувственный опыт, в то время как ИИ опирается исключительно на данные, алгоритмы и статистические модели [3, с. 30]. Таким образом, исламская эпистемология ставит в центр человека как морального и духовного субъекта познания.

В этом контексте особенно важным становится вклад Абдурахмана Тахи (род. 1944 г.) – современного марокканского философа, который предлагает переосмысление этики в условиях доминирования технократического и инструментального разума [4]. Уникальность мысли Абдурахмана Тахи заключается в методологическом обосновании этики как входа в знание и действие. Он считает, что современная западная философия, с ее предвзятостью к абстрактной рациональности, исключила практическое этическое измерение, что привело к своего рода «секуляризму», который отделяет ценности от практики. Он развивает концепцию «этики доверия», которую человек получил от Бога и несет перед Ним ответственность.

На основании вышеизложенного можем сделать несколько выводов:

Любая ИИ-система неполна и не может доказать свою непротиворечивость. Всегда будут истинные утверждения, недоказуемые внутри нее. Человек способен расширять аксиомы и рассуждать извне системы, поэтому его мышление нельзя свести к алгоритму.

ИИ имитирует коммуникацию, а не интеллект. Лумановский подход (через Елену Эспозито) смещает этот фокус. Он опирается на массивы данных пользователей, а не на понимание. Такой ИИ остается узким, лишенным здравого смысла и контекстуального переноса знаний.

В исламской традиции знание неразрывно связано с этической ответственностью и личностью носителя, что невозможно воспро-

известии в алгоритмических системах. Знание требует живой ответственности и моральной ответственности, чего лишен ИИ.

Литература и источники:

1. Густаво Э.П. Наука. Величайшие теории: выпуск 17: у интуиции есть своя логика. Гедель. Теоремы о неполноте. / Пер. с исп. – М.: Де Агостини, 2015. – 168 с.

2. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (размышляя о книге Елены Эспозито («Artificial Communication: how algorithms produce social intelligence»)) / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2024. – Т. 49. – №4. – С. 107–119.

3. Са’ди, Абд-ал-Малик. Исламское вероучение: толкование акиды «Ан-Насафия» / Пер. с араб. Р.К. Адыгамова. – Казань: ДУМ РТ, 2009. – 255 с.

4. Фади Затари. Этика доверения и секуляризм: взгляд Тахи Абдурахмана // Дарульфун Илахият. Серия 7. – 2022. [Электронный ресурс]. https://www.academia.edu/77786703/Entrustment_Ethics_and_Secularism_Taha_Abdurrahman_s_Perspective (дата обращения: 06.05.2026).

Озерова Т.Х. (РИИ, Казань)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АВТОРЕФЕРАТОВ ДВУХ ВЕДУЩИХ ИСЛАМСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

(Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой исламской теологии РИИ; доцент кафедры теологии БИА Седанкина Т.Е.)

Аннотация: В статье рассматриваются тематические и методологические особенности авторефератов Болгарской исламской академии (БИА) и Российского исламского института (РИИ). В ходе исследования было выявлено, что РИИ в большей степени ориентирован на изучение фундаментальных вопросов исламской теологии, философии и сохранение классической исламской традиции. В свою очередь, БИА уделяет внимание практическим аспектам исламской теологии, связанным с межрелигиозным диалогом, социальными вопросами и взаимодействием религиозных организаций с государством и обществом. Также в статье рассматриваются особенности современной методологии исламских исследований и ее междисциплинарный характер.

Ключевые слова: Болгарская исламская академия, Российский исламский институт, исламская теология, междисциплинарный подход, постнеклассическая методология, богословское наследие, исламское образование.

На современном этапе осмыслением специфики методологии теологии занимаются Р.М. Мухаметшин [2] и Т.Е. Седанкина. По мнению Т.Е. Седанкиной, несмотря на очевидную актуальность данного вопроса, на настоящий момент в теологическом научно-образовательном пространстве пока отсутствует единое понимание собственно специфики методологии теологии. [5]. Наряду с этим, исламские теологические исследования характеризуются высокой степенью уникальности контекста и методологической специфики, что обусловлено историко-культурными особенностями региона, социально-политической ситуацией и необходимостью адаптации традиционного богословия к современным вызовам. Исламское богословие в России развивается в различных научно-образовательных центрах, среди которых ключевыми являются Болгарская исламская академия (БИА) и Российский исламский институт (РИИ). Как отмечает Р.К. Адыгамов, современная исламская теология в России развивается в условиях синтеза классических богословских методов и гуманитарных научных подходов [1]. Несмотря на то, что оба учебных заведения готовят исламских теологов, у них разные направления подготовки. В РИИ – это «Систематическая теология», в то время как в БИА – это «Государственно-конфессиональные отношения в контексте исламской теологии», что в свою очередь, предполагает разную тематику и методологию работ. Анализ тематики исследований в этих вузах позволяет выявить специфику научных приоритетов, методологических подходов и направленности теологических исследований, отражающих уникальные задачи и контекст каждого учреждения.

Уникальность контекста современных теологических исследований определяется несколькими ключевыми факторами, одним из которых является многонациональность и многоконфессиональность регионов. Например, в России, в таких регионах как Поволжье, Республика Дагестан, Республика Крым, Республика Башкортостан, а также в Московской и Мурманской областях ислам сосуществует с другими религиями и культурами, что формирует особую религиозно-социальную среду и требует учета локальных традиций и особенностей в богословских исследованиях. Следу-

ющим фактором является влияние процессов глобализации и активизации межрелигиозного диалога на развитие исламской теологии. В условиях глобализации исламская теология сталкивается с необходимостью диалога с другими религиозными и светскими системами ценностей, что отражается в исследованиях этических аспектов деятельности мусульманских религиозных деятелей и межрелигиозных взаимодействиях. Заключительным фактором является реакция на современные социальные вызовы, а именно исламская теология в России активно развивается в направлении решения проблем социальной адаптации мигрантов, гармонизации религиозных норм с законодательством РФ, что требует междисциплинарного подхода.

Тематическая направленность исследований

Тематика авторефератов Российского исламского института демонстрирует стремление института к формированию фундаментальной богословской школы, ориентированной на систематическое осмысление исламской догматики, философии и религиозной традиции. Преобладание тем, связанных с хариджизмом, исламской философией, суфизмом и теологическим анализом классических трудов, свидетельствует о приоритете теоретико-концептуального анализа. Подобная направленность отражает стремление института сохранить преемственность классической исламской интеллектуальной традиции и одновременно адаптировать ее к современному академическому дискурсу.

В свою очередь, Болгарская исламская академия ориентируется преимущественно на прикладные аспекты исламской теологии. Тематика авторефератов БИА демонстрирует высокий интерес к проблемам взаимодействия мусульманских организаций с обществом и государством. Значительное внимание уделяется вопросам социальной адаптации мигрантов, профилактики молодежной аутоагрессии, межрелигиозного диалога и соотношения исламского права с российским законодательством.

Специфика методологии в современных теологических исследованиях

Историко-филологический анализ. Данный метод предполагает критическое изучение коранических текстов, хадисов и богослов-

ских трактатов с учетом исторического контекста их возникновения, языковых особенностей и традиций толкования. Метод позволяет проследить эволюцию исламских богословских концепций и выявить механизмы их адаптации к современным условиям.

Междисциплинарный подход. Современные исламские исследования все чаще выходят за рамки исключительно теологического анализа. Для изучения религиозных процессов активно используются методы социологии, философии, культурологии, политологии и права. Такой подход позволяет рассматривать исламскую теологию как сложный социальный феномен, взаимодействующий с государством, культурой и общественными институтами.

Конкретно-исторический подход. Метод основан на рассмотрении религиозных явлений в конкретных исторических и культурных условиях. Его использование позволяет учитывать региональные особенности развития мусульманских общин России, включая Поволжье, Республику Дагестан, Республику Крым, Республику Башкортостан, а также в Московскую и Мурманскую области, вместе с тем избегать универсализации исламского опыта.

Постнеклассическая методология. Постнеклассический подход ориентирован на исследовании субъекта религиозного опыта, его ценностей и механизмов взаимодействия с обществом. Современные исламские теологические исследования все чаще опираются на постнеклассическую методологию, предполагающую междисциплинарность, внимание к субъекту исследования и анализ религии как сложной социокультурной системы. По мнению В.С. Степина, постнеклассическая рациональность ориентирована на изучение саморазвивающихся систем и взаимодействие научного знания с ценностно-мировоззренческими установками исследователя [8]. Вместе с тем активно применяются интервью, анкетирование, контент-анализ и иные эмпирические методы. Их использование особенно актуально при изучении религиозной идентичности, социальной адаптации мигрантов и межрелигиозного взаимодействия.

Сравнительный анализ методологических подходов РИИ и БИА

Методологический аспект	РИИ	БИА
Основной исследовательский вектор	Фундаментальная теология и философия	Социально-прикладная исламская теология
Преобладающие методы	Историко-философский, гипотетико-дедуктивный	Социологический, сравнительно-правовой, эмпирический
Исследовательский акцент	Классическая богословская традиция	Интеграция ислама в современное общество
Характер исследований	Теоретико-концептуальный	Практико-ориентированный

Выводы и перспективы развития

Проведенный анализ показывает, что Болгарская исламская академия и Российский исламский институт представляют две взаимодополняющие модели развития современной исламской теологии в России. Таким образом, обе образовательные организации формируют комплексный подход к развитию российской исламской теологии, объединяя традиционные богословские методы с современными гуманитарными и эмпирическими подходами.

Общие направления и различия между РИИ и БИА: Тематика исследовательских работ, магистратуры РИИ ориентируется на более фундаментальные богословские, теологические и философские исследования, а также на изучение глобального влияния ислама. В то время как тематика работ магистратуры БИА акцентирует внимание на социальных, правовых и межрелигиозных аспектах, ввиду с спецификой направленности подготовки компетенции, исследуя взаимодействие мусульман с государством и обществом на региональном и национальном уровнях. Сравнительный анализ показывает, что Болгарская исламская академия и Российский ис-

ламский институт дополняют друг друга в развитии исламской теологии в России: РИИ выступает как центр, ориентированный на историко-культурный контекст, в то время, как БИА фокусируется на интеграции теологии в современную социальную практику, межрелигиозный диалог и адаптацию исламских норм к Российскому законодательству и социокультурной среде. Таким образом, обе образовательные организации формируют комплексный подход к развитию исламской теологии, объединяющий традиционные и современные методологии, что способствует укреплению Российской исламской теологии и системе религиозного образования.

Литература и источники:

1. Адыгамов Р.К. Методология исламских богословских исследований / Р.К. Адыгамов. – Казань, 2020. – 200 с.
2. Мухаметшин Р.М. Введение в исламскую теологию: Учебное пособие / Р.М. Мухаметшин. – Казань: СИО, 2023. – 264 с.
3. Мухаметшин Р.М. Проблема методологии в исламской теологии / Р.М. мухаметшин // Minbar. Islamic Studies. – 2024. – №17(3). – С. 597–615.
4. Седанкина Т.Е. Исламская методологическая традиция: классические и современные подходы: монография / Т.Е. Седанкина. – Казань: РИИ, 2025. – 374 с.
5. Седанкина Т.Е. Критический анализ методологии научного исследования на примере авторефератов по теологии / Т.Е. Седанкина // Богословское наследие мусульман России. Сборник научных докладов VI Международного форума. Болгар, Т.І. Болгар: БИА, 2024. – С. 150–159.
6. Седанкина Т.Е. Методология теологии: монография / Т.Е. Седанкина. – Казань: РИИ, 2024. – 552 с.
7. Седанкина Т.Е. Рефлексия над методологическими основаниями в теологическом исследовании / Т.Е. Седанкина // Теология: теория и практика. – 2025. – Т. 4. – №5. – С. 33–48.
8. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

Сабитова Л.Х. (РИИ, Казань)

НЕПРЯМЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ К МОЛЧАНИЮ: АНАЛИЗ КОРАНИЧЕСКИХ АЯТОВ

(Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой исламской теологии РИИ; доцент кафедры теологии БИА Седанкина Т.Е.)

Аннотация: *Статья посвящена исследованию коранических аятов, в которых отсутствует прямое лексическое указание на молчание, однако контекстуально и семантически они содержат предписания, подразумевающие сдержанность речи, тишину, и внутреннее безмолвие. На материале избранных аятов выявляются три ключевых модуса имплицитного молчания: этико-коммуникативный (контроль речи, отказ от злословия, доброе слово), психо-духовный (смирение, поминание Аллаха в тишине) и поведенческий (сдерживание взора, неучастие в пересудах). Анализ показывает, что коранический дискурс формирует этику молчания не через прямые запреты, а через систему позитивных императивов, превращающих тишину в активную форму богопослушания и социальной гармонии.*

Ключевые слова: *Коран, молчание, имплицитные предписания, этика речи, тафсир, исламская этика, сдержанность, безмолвие.*

Феномен молчания в исламской традиции многомерен: от суфийской практики до нормативных предписаний, регулирующих повседневное общение. В кораническом тексте слово «молчание» (صمت) и его производные встречаются редко, однако идеал сдер-

жанной, осмысленной речи пронизывает многие аяты. Это порождает научную проблему: как интерпретировать те аяты Корана, где молчание не названо, но по сути предписывается?

В статье делается попытка выявления и систематизации «непрямых (косвенных) предписаний» к молчанию в Коране на основе анализа конкретных аятов, предложенных в рамках магистерского исследования «Теология тишины: феномены молчания и безмолвия в исламской традиции». Под «непрямыми предписаниями» понимаются повеления, которые логически требуют воздержания от речи, сдерживания языка, уклонения от словесных конфликтов, либо описывают состояния внутренней тишины и сосредоточения без употребления термина «молчание».

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, в современном исламском дискурсе молчание часто воспринимается упрощенно – лишь как отсутствие слов, тогда как кораническая этика наделяет его гораздо более глубоким содержанием, а обращение к кораническим основаниям сдержанной речи, внутренней тишины и безмолвия приобретает особую ценность для личностного роста и социальной гармонии.

Во-вторых, в русскоязычных переводах Священного Корана термины «молчание», «тишина» и «безмолвие» нередко используются как синонимы и взаимозаменяемы, что создает ложное впечатление тождественности этих понятий. Между тем в рамках магистерской работы мы делаем попытку разграничения этих концептов. Такое терминологическое смешение затрудняет адекватное восприятие коранических текстов и требует специального анализа: необходимо не только выявить случаи неразличения, но и показать, какие именно модусы «неговорения» (этическая сдержанность, акустическая тишина, духовное безмолвие) подразумеваются в конкретных аятах. Это позволит избежать «упрощения» и обогатить теологическое понимание молчания как многомерно-го явления.

В-третьих, сохраняется потребность в систематическом исследовании аятов, в которых концепция молчания выражена не через прямые лексические указатели, а имплицитно (скрыто) – через по-

веления о речи, взоре, поминании и межличностных отношениях. Именно такие «непрямые предписания» формируют костяк повседневной этики мусульманина, однако остаются менее изученными по сравнению с прямыми упоминаниями.

Таким образом, актуальность работы заключается в необходимости, с одной стороны, внести терминологическую ясность в понимание молчания, тишины и безмолвия в русскоязычном исламском дискурсе, а с другой – на материале избранных аятов Корана раскрыть имплицитный коранический императив молчания, что в совокупности послужит построению целостной «теологии тишины».

Методологически работа опирается на анализ аятов с использованием широко распространенного перевода Корана на русский язык [1] и классического тафсира [3]. Основное внимание уделяется семантике повелений, связанных с речью, взором и поминанием, которые «приводят» к состоянию молчания.

Избранные аяты можно объединить в три тематические группы:

1) регулирование речи и отказ от злословия: (сура «Ночной перенос», аят 53), (сура «Комнаты», аяты 11–12, (сура «Корова», аят 263), (сура «Разъяснены», аяты 34–35). Ряд этих аятов предписывают выбирать наилучшие слова или прямо запрещают насмешки, злословие, распространение слухов [2]. Эти запреты, по сути, очерчивают пространство, где единственной религиозно оправданной альтернативой является молчание, когда доброе слово невозможно.

2) сдерживание взора и уклонение от греховных разговоров: (сура «Свет», аят 30) переносит императив молчания с языка на взор и поведение, распространяя этику тишины на невербальную сферу.

3) внутреннее безмолвие и смиренное поминание: (сура «Ограды», аят 205), (сура «Корова», аят 148). Наиболее глубокая форма молчания – внутренняя тишина, сопутствующая поклонению – также находит в Коране непрямые предписания. Сура «Йа Син», аят 26 демонстрирует высший этический идеал: встреча с обидчиками «лучшим словом» или даже тишиной, заключающей в себе прощение.

Проведенный анализ показывает, что кораническая этика молчания не сводится к редким прямым упоминаниям слова «молчание». Напротив, через систему не прямых предписаний Коран формирует целостный идеал сдержанной, ответственной речи, который охватывает три уровня: вербальный (говорить только благое, избегать злословия, отвечать на зло добром); невербальный (потупление взоров как «молчание глаз»); духовно-интимный (тихое поминание Господа в душе).

Исследованные аяты (сура «Ночной перенос», аят 53), (сура «Комнаты», аяты 11–12, (сура «Корова», аят 263), (сура «Разъяснены», аяты 34–35), (сура «Свет», аят 30), (сура «Ограды», аят 205), (сура «Корова», аят 148), (сура «Йа Син», аят 26) имплицитно предписывают молчание как активный этический выбор, направленный на сохранение достоинства человека, укрепление социального мира и углубление поклонения.

Принципиально важным результатом работы является также подтверждение необходимости строгого различения понятий «молчание», «тишина» и «безмолвие», которые в русскоязычных переводах Корана нередко смешиваются. Проведенный анализ показал, что коранические предписания активизируют разные модусы «неговорения», соответствующие этим трем концептам. Так, повеления о сдерживании речи в ответ на агрессию (сура «Разъяснены», аяты 34–35) реализуют этическое молчание; предписание поминать Господа «в душе, не вслух» (сура «Ограды», аят 205) указывает на внутреннюю молитвенную тишину; а состояние, явленное в аяте (сура «Йа Син», аят 26) – отсутствие упреков и проклятий даже перед лицом смерти, приближается к духовному безмолвию сердца. Подобная попытка терминологического разграничения, предложенная в рамках магистерского исследования «Теология тишины», позволяет избежать некоего «упрощения» и точнее интерпретировать смысловую глубину коранического текста.

Таким образом, статья, с одной стороны, раскрывает имплицитный императив молчания в Коране, с другой – подтверждает научную ценность триады «молчание – тишина – безмолвие» для исламской теологии. Для современной мусульманской общины,

существующей в условиях информационного шума, такая непрямая теология тишины приобретает особую ценность: она учит не просто подавлять речь, но наполнять ее осознанным содержанием, а разные формы тишины делать пространством для богоприсутствия.

Литература и источники:

1. Коран. Смысловой перевод / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева. 2-е изд. – М.: Умма, 2023 – 532 с.
2. Сады праведных (краткое изложение) / Имам Яхья ибн Шарафан-Навави. 2-е изд. – Махачкала: Даруль-Фикр, 2022. – 312 с.
3. Ибн Касир. Тафсир аль-Кур'ан аль-Азым (Толкование Великого Корана). [Электронный ресурс]. URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 08.05.2026).

Садикова А.Р. (РИИ, Казань)

ВЛИЯНИЕ ПОСТА НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА

(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой исламской теологии Муфтахутдинова Д.Ш.)

Аннотация: *В последние годы наблюдается рост интереса к традиционным методам профилактики и лечения заболеваний. Одним из таких подходов является пищевой пост, включая интервальное голодание. Данный подход изучается в связи с его влиянием на различные хронические заболевания. К таким как: сахарный диабет, ожирение, сердечно-сосудистые заболевания, метаболический синдром. Пищевой пост, особенно в форме интервального голодания, представляет собой режим питания, при котором периоды приема пищи чередуются с периодами воздержания, вследствие чего влияет на организм человека. В статье анализируются последствия поста на организм человека. Цель работы – определить, как пост влияет на организм человека и может ли он использоваться как дополнительный метод профилактики и лечения. В статье написаны основные изменения, которые происходят в организме во время поста. Показано, что пост может снижать уровень сахара в крови, уменьшать вес и уменьшать воспаление.*

Ключевые слова: *пост, интервальное голодание, диабет, ожирение, здоровье, медицина.*

Пост – третий по порядку и значимости из «столпов» ислама. Обязательное исполнение которого приписано в Коране. Однако

это не только отказ от еды и воды, а также контроль над поведением, словами и поступками. Пост длится от рассвета до заката, а вечером и ночью человек может принимать пищу.

В Коране сказано: «О те, которые уверовали! Вам предписан пост, подобно тому, как он был предписан вашим предшественникам, – быть может, вы устрашитесь» (сура «Корова», аят 183).

Пророк Мухаммад ﷺ говорил: «Пост – это щит». Это значит, что пост защищает человека от плохих поступков. Также он говорил, что если человек не оставляет плохие дела, то Аллах не нуждается в его отказе от еды.

С медицинской точки зрения пост также изучается учеными. Сегодня исследования показывают, что пост и интервальное голодание влияют на здоровье человека. Например, в исследовании Гарвардской школы общественного здравоохранения отмечается, что интервальное голодание может помочь снизить вес и улучшить обмен веществ.

Также в Гарвардской медицинской школе было отмечено, что пост может улучшать чувствительность к инсулину и влиять на уровень сахара в крови. Однако ученые подчеркивают, что результаты зависят от режима питания и образа жизни человека, и эффект не одинаков у всех людей.

Одной из главных проблем современного человечества является ожирение. Оно связано с неправильным питанием и малой активностью. Исследования показывают, что при посте организм начинает использовать жир как источник энергии. Это приводит к снижению массы тела и уменьшению жировой ткани.

Также пост влияет на кровь. Снижается уровень сахара. Это особенно важно при диабете. Организм начинает лучше использовать инсулин и быстрее усваивать глюкозу [2, с. 68].

Кроме этого, улучшается уровень холестерина. Снижается «плохой» холестерин, который может откладываться в сосудах. Это уменьшает риск заболеваний сердца.

Некоторые исследования показывают, что пост снижает воспаление в организме. Это важно, потому что воспаление связано с диабетом, ожирением и другими болезнями.

Также рассматривается влияние поста вместе с лечением. Например, при диабете используют инъекции инсулина или другие препараты. Они помогают снижать сахар в крови. Пост может усиливать этот эффект, но только при правильном применении.

Важно понимать, что пост не заменяет лечение. Он может быть только дополнительным способом поддержки здоровья [1, с. 100].

Интервальное голодание влияет и на гормоны. Снижается уровень инсулина, и организм лучше реагирует на него. Во время голодания организм перестраивает свою работу, чтобы экономить энергию и поддерживать жизненно важные функции. Одним из первых реагирует инсулин. Его уровень снижается, потому что в кровь поступает меньше глюкозы. Это делает клетки более чувствительными к инсулину, что в долгосрочной перспективе может улучшать обмен веществ [1, с. 45].

Одновременно повышается уровень гормона роста. Он участвует в сохранении мышечной массы и ускорении восстановления тканей. Также меняется уровень грелина и лептина – гормонов, которые отвечают за чувство голода и насыщения. Сначала голод усиливается, но со временем организм адаптируется, и ощущения становятся более стабильными.

Кроме того, у некоторых людей во время голодания может немного повышаться уровень норадреналина. Это помогает оставаться более собранным и активным, даже без приема пищи.

Еще один важный момент – влияние на кишечник. Пищеварительная система тоже получает «перерыв» во время голодания [3, с. 180]. Это не просто отдых, а активное восстановление функций. Во время отсутствия пищи снижается нагрузка на желудок и кишечник. Улучшается моторика – кишечник начинает работать более ритмично, что помогает продвижению пищи и снижает застойные процессы.

Также меняется состав микрофлоры. Некоторые исследования показывают, что интервалы без еды могут способствовать росту более устойчивых и полезных бактерий, хотя этот процесс сильно зависит от питания человека в целом.

Еще один важный момент – слизистая оболочка кишечника получает время на восстановление. Это может быть полезно при пе-

регрузке пищей, особенно если рацион раньше был тяжелым или нерегулярным.

Таким образом, пост влияет не только на тело, но и на образ жизни человека. Он помогает снизить вес, улучшить показатели крови и уменьшить риск заболеваний. Во время поста тело перестраивается и меняется работа гормонов, снижается нагрузка на пищеварение и запускаются процессы восстановления клеток. Однако важно правильно соблюдать пост и учитывать состояние здоровья.

Пост также имеет духовное значение. В этот период человек старается больше молиться, читать Коран и делать добрые дела. Это помогает снизить стресс и улучшить психологическое состояние.

Литература и источники:

1. Брэгг П. Чудо голодания / П. Брэгг. – М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
2. Коран / Смысловой перевод и комментарии Кулиева Э.Р. – М.: Умма, 2012. – 816 с.
3. Николаев Ю.С. Голодание ради здоровья / Ю.С. Николаев. – М.: Советская Россия, 1988. – 192 с.

Сейтказинов А.Н. (РИИ, Казань)

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ XIX В. НА БОГОСЛОВСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ Ш. МАРДЖАНИ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
кафедры систематической теологии РИИ Иванов Ю.Н.).*

***Аннотация:** Статья посвящена анализу влияния научных достижений XIX в. на формирование богословского мировоззрения татарского мыслителя Шигабутдина Марджани. Автор рассматривает взаимодействие религиозной мысли и научных идей эпохи модернизации, а также влияние светского образования на исламское богословие.*

***Ключевые слова:** Шигабутдин Марджани, ислам, наука XIX в., богословие, рационализм, джадидизм, иджтихад.*

XIX в. стал переломным периодом в истории мусульманских народов Российской империи, включая татар. История татарского народа свидетельствует о периоде культурно-цивилизационного возрождения на рубеже XIX–XX вв., который пришелся на время смены традиционного мировоззрения новым миропониманием, основанным на рациональном переосмыслении всех сторон человеческой жизни, включая такую категорию сознания, как вера, и осознании истинной сути исламского учения, открывающего пути к гармоничному развитию человека и общества, толерантному сосуществованию в поликонфессиональном обществе, динамическому вхождению в процесс глобализации мирового сообщества. Этот век ознаменовался интенсивным развитием светских наук,

реформами в сфере образования, появлением новых форм публичной мысли.

Выдающийся татарский богослов и историк Шихабуддин Марджани (1818–1889) занимает особое место в истории татарской общественной мысли, являясь наиболее яркой фигурой реформаторского движения XIX столетия. Марджани стал одной из ключевых фигур, кто сумел соединить традиционное исламское богословие с новыми веяниями своего времени. Его мировоззрение сформировалось в контексте влияния, как классического исламского наследия, так и эпохи научных достижений.

Он оказал благотворное влияние на развитие исторической науки и богословско-философской мысли у татар, что наглядно прослеживается в трудах и идеях таких татарских мыслителей, как Муса Бигиев (1875–1949), Зия Камали (1873–1942) и Риза Фахретдинов (1859–1936). Шигабутдин Марджани – первый из татар, кто дал классификацию основных распространенных в его эпоху наук и искусств.

XIX в. в России характеризовался стремительным развитием науки и образования. 5 ноября 1804 г. император Александр I подписал Утвердительную грамоту и Устав Казанского императорского университета – одного из старейших университетов России.

В первые годы правления императора Александра I в ходе реформ в области просвещения разрабатывались новые принципы организации системы народного образования и новые типы учебных заведений.

Казанский университет в течение многих лет являлся самым восточным высшим учебным заведением России. Здесь был сформирован ряд научных направлений и школ: математическая, химическая, медицинская, лингвистическая, геологическая, геоботаническая и другие. Развивались естественные науки, медицина, история, филология. Появились научные общества, расширился доступ к переводной научной литературе. Это способствовало формированию нового типа мышления у многих представителей мусульманской интеллигенции, включая Марджани.

До Шихабуддина Марджани татарское исламское богословие сохраняло схоластический и традиционалистский характер. Учение

основывалось на авторитете мазхабов и фетв, преобладал «таклид» (слепое следование). Однако к XIX в. в татарском обществе появились признаки кризиса образования и потребность в обновлении. Г. Ибрагимов, который впервые дал научно-объективную оценку историческим трудам Ш. Марджани, а также определил место и роль ученого в развитии татарской общественной мысли, в частности, он сказал по поводу богословского трактата «Назурат ал-хакк» («Обозрение истины», 1870 г.) Марджани: «Здесь мы в лице Ш. Марджани видим выдающегося мыслителя, который отважился выступить с решительным протестом против фанатизма и застоя, окутавшего мусульманский мир, сковавшего человеческий разум, и открыто провозгласил, что свобода мысли и верований – естественное право любой личности». Влияние российских реформ и доступ к светским знаниям способствовали росту интереса к рационализму и историко-критическому подходу.

На втором этапе (1870–1880-е гг.) просветительские тенденции в мировоззрении Ш. Марджани начинают преобладать над религиозно-реформаторскими. Это время близкого знакомства Марджани с русской культурой, учеными-востоковедами Казанского университета. Он хорошо знал профессора И.Ф. Готвальда, академика В.В. Радлова, профессора А.К. Казембека, первого востоковеда среди женщин О.С. Лебедеву и многих других русских ученых. Он устанавливает сотрудничество с известными петербургскими востоковедами – В.В. Вельяминовым-Зерновым и шейхом Ат-Тантави.

Многим импонировало то, что Ш. Марджани прекрасно владел восточными языками, обладал обширными познаниями в области восточной культуры. Поэтому профессор И.Ф. Готвальд знакомил с Марджани иностранных ученых, посещавших Казань. В марте 1876 г. Марджани принял у себя дома всемирно известного ученого, автора труда «Жизнь животных» А.Э. Брема.

Шихабуддин Марджани призывал к обновлению мусульманского образования, внедрению светских наук в медресе. Он был сторонником иджтихада – самостоятельного суждения, противопоставляя его слепому подражанию. Марджани подчеркивал важность изучения истории, географии, логики, философии и других

наук. Он считал, что истинная вера укрепляется через разум и знание. Это было революционно для его времени.

Марджани стал предтечей джадидизма – реформаторского движения, которое пыталось совместить исламскую идентичность с прогрессом. Его богословское наследие доказывает, что ислам и наука не противоречат друг другу, а могут быть взаимодополняющими. Он доказал, что мусульманское мышление способно адаптироваться к вызовам времени без утраты аутентичности.

Таким образом, влияние научных достижений XIX в. на Марджани выразилось не только в его открытости к новому знанию, но и в переосмыслении роли религии в обществе. Он показал, что ислам может идти в ногу с прогрессом, сохраняя духовные и нравственные основы. Его наследие остается актуальным и сегодня, особенно в условиях поиска баланса между традицией и модернизацией.

Литература и источники:

1. Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара («Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар»); пер. на рус. язык; предисловие и пер. с араб., старотатар. Р.К. Адыгамова. – Казань: Магариф-Вақыт, 2022. – 216 с.

2. Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Сборник статей. – Казань: Алма-Лит, 2008. – 325 с.

3. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 192 с.

Ситдиков А.С. (РИИ, Казань)

ОБ ОДНОЙ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ И ЕЕ РЕШЕНИИ В РАМКАХ ТЕОРЕМ ГЕДЕЛЯ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук,
заведующий отделом социально-политических исследований
Центра исламоведческих исследований АН РТ, доцент кафедры
систематической теологии РИИ Гильмутдинов Д.Р.)*

Аннотация. В статье рассмотрена теологическая проблема обоснования необходимости веры в условиях господства научных взглядов на картину мира. В рамках теорем Геделя показывается, что любая аксиоматизируемая система, характеризующая объективную материальную реальность, не может быть описана полным и непротиворечивым образом в рамках суждений, присутствующих человеческому мышлению. Попытки усовершенствования системы суждений или выхода за пределы заданной аксиоматики, порождают цепочку переходов из заданной логики в более расширенную, которая замыкается в конце концов на «Дарующем бытии».

Ключевые слова: аяты Корана, научная картина мира, человеческое сознание, теоремы Геделя.

Во многих аятах Корана Всевышний призывает людей к размышлению. Например, в (сура «Семейство Имрана», аяты 190–191) Он говорит: «Они поминают Аллаха стоя, сидя и (лежа) на боку, а также размышляют о сотворении небес и земли (говоря): «Господь наш! Ты сотворил это (Вселенную) не просто так. Пречист Ты (от

любых недостатков)! Так защити же нас от наказания в Аду!». Комментарии (тафсиры) большинства ученых сводятся примерно к следующей мысли: обладатели разума – это те, кто помнит об Аллахе в любом состоянии: стоя, сидя или лежа. Все вокруг напоминает им о Всевышнем, служит доказательством того, что Он существует, Он один, Совершенный, Могущественный, Мудрый. Все это укрепляет их веру, ибо во всем этом они видят величие и совершенство Творца и все это призывает его к поклонению Творцу, чтобы обрести счастье в вечной жизни.

Отметим, что слово «аят», имеющий смысл «знамение», в Коране часто употребляется как в общем смысле, т.е. собственных слов Корана (сура «Корова», аят 99; сура «Юнус», аят 1; сура «Юсуф», аяты 1-2), так и в более узком – по отношению к творениям, историческим событиям и т.д. (сура «Ночной перенос», аят 12; сура «Ясин», аят 33; сура «Римляне», аят 30; сура «Рассеивающие», аяты 20–21). Когда под «знамением» подразумеваются аяты, относящиеся к творениям, вопрос о том, в какой степени люди могут познавать атрибуты Всевышнего путем их истолкования, порождает ряд теологических и философских проблем. Безусловно, мусульмане заранее убеждены в том, что знамения исходят от Всемогущего, и они лишь стараются понять, что Он говорит этим человечеству. Однако светская научная точка зрения, исходящая из определенных предпосылок, вопрос о Создателе намеренно выводит за скобки, считая его ненаучным. В итоге эти противоположные точки зрения сложно совмещать, и проблема лишь усугубляется благодаря сверхбыстрому прогрессу естественных наук. Благодаря этому, мировоззрение людей также кардинально изменилось, и большинство наших современников отличается секуляризацией мышления, отдавая предпочтение фактам и логическим выводам. Центр тяжести системы образования даже в мусульманских странах сместился в сторону рационализма и исламская система образования, которая главным образом сосредотачивалась на самопознании человека и духовном совершенстве, стала вытесняться новой системой путем дискредитации и уничтожения целей исламской религии. Более того, новая система образования стала частью идеологии и начала навязывать мысль, что челове-

ское совершенство следует искать в коллективной деятельности общества. Как и любая идеология, основанная на количественном измерении реальности (рационализме), новая система образования по своей природе отрицает фундаментальную роль религии, и, в конечном счете, приводит лишь к экспоненциальному росту информации, дисгармонии и потере центрального порядка.

Перечисленные обстоятельства, как уже отметили выше, породили ряд проблем, преимущественно теологического характера. В данной работе мы хотим выделить и обсудить одну из них – проблему обоснования необходимости веры в условиях господствующих рациональных научных взглядов и знаний. Безусловно, ответы на вопросы следует искать в самом Коране, положения которого не зависят от хронологического момента и степени развития цивилизации. Для того чтобы «вышибать клин с помощью клина», необходимо пересмотреть призыв Всевышнего с целью понимания причин узости рамок рационализма, и как следствие, прийти к пониманию необходимости внешнего вмешательства «Дарующего бытие» (Мухаддис). Другими словами, средствами самой же науки следует показать несостоятельность и неполноту рациональной картины мира: научные знания, сформированные благодаря отражению материальной действительности в нашем сознании, являются неполными. Человеческому сознанию, первичными составляющими которого являются сенсорные символы, порождающие «понятия», привязанные к чувственному опыту, присуща лишь неполная и противоречивая система суждений. Как следует из теорем Геделя, построение полных и непротиворечивых аксиоматизируемых систем с использованием классических логик первого (допускающую исчисление предикатов) и высших порядков, становится невозможным. В связи с этим, в данной работе будем рассматривать простую модель материальной действительности и сформулируем утверждение, что любая ее конкретная схема с необходимостью содержит аксиоматику Пеано для арифметики и, следовательно, имеет недоказуемые высказывания. Отметим, что доказательства теорем Геделя достаточно сложны [1], и требуют использования сложного математического аппарата. Поэтому рамки нашей статьи не позволяют провести полное математиче-

ское доказательство нашего утверждения. По этой причине ниже ограничимся лишь демонстрацией схемы доказательства. Также отметим, что теоремы Геделя остаются справедливыми и для всех формальных систем, прообразы которых могут быть сколь угодно сложными. Главная задача заключается в том, чтобы эту сколь угодно сложную систему реальности с ее собственными аксиомами, преобразовать в формальную систему, содержащую арифметику либо другую математическую структуру, содержащую ее. Поэтому во избежание нежелательных усложнений, в которых здесь нет необходимости, ограничимся простой схемой, продемонстрированной ниже.

Итак, рассмотрим часть нашей Вселенной, ограничиваясь макроскопическими масштабами и четырехмерным континуумом – универсальным образом плоского пространства и времени, называемым пространством Минковского \mathcal{M} , которое служит ареной всех физических явлений (процессов). Также сосредоточим свое внимание исключительно на квантовомеханических процессах. В современных аксиоматических построениях физической картины мира, особенно в алгебраическом подходе, они описываются на основе функториального сопоставления открытым и ограниченным областям Ω пространства Минковского, некоммутативных C^* -алгебр наблюдаемых $\mathcal{J}(\Omega)$ (то есть соответствия $\mathcal{F}: \Omega \rightarrow \mathcal{J}(\Omega)$). Вся физическая информация закодирована в сети таких локальных алгебр, а их индуктивный предел вместе с C^* -пополнением по норме, образует квазилокальную алгебру наблюдаемых всего пространства \mathcal{M} [2]. Класс всех таких функторов \mathcal{F} образует так называемую 2-категорию – одну из базовых понятий современной математики [3]. Морфизмами в этой категории являются так называемые естественные преобразования. Будем представлять 2-категорию функторов как аксиоматическую систему, где в качестве аксиом выберем естественные физические условия (локальность, условие микро-причинности и т.п.) – так называемые аксиомы Хаага-Кастлера. Для применения теорем Геделя необходимо предварительно трансформировать эту абстрактную 2-категорию в формальную систему, содержащую арифметику. Для этого необходимо сузить класс всех функторов до функторов между

вычислимыми категориями [4]. Их можно задать алгоритмически с помощью машины Тьюринга. Это позволяет ограничиться такими теориями, в которых наблюдаемые и законы эволюции представимы в виде алгоритмических процедур. Тем самым мы превращаем нашу физическую систему с ее собственными аксиомами в «геделевскую» систему. В связи со сказанным, сформулируем следующее утверждение. Логическое исчисление, описывающее 2-категорию вычислимых функторов из категории локальных пространств-времен в категорию локальных C^* -алгебр наблюдаемых, является формальной системой, содержащей арифметику с аксиоматикой Пеано. Согласно первой теореме Геделя, такая система неполна: в ней существуют истинные заключения об эквивалентности функторов физических теорий, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в рамках заданной аксиоматики. Согласно второй теореме Геделя, эта система не способна доказать собственную непротиворечивость.

Схема доказательства состоит из двух этапов. На первом этапе необходимо построить логическую систему и преобразовать аксиомы физической системы на язык логики первого порядка. На втором этапе, используя правила математической логики, эту преобразованную систему аксиом с помощью теорем Геделя мы превращаем в «машину» для вывода утверждений. Итак:

1. Приписываем объектам вычислимых категорий (областям \mathcal{M} и локальным алгебрам наблюдаемых) конечные формальные коды. В первой категории можно ввести структуру булеана, а вторая категория эти коды содержит естественным образом, поскольку объектами являются алгебры, где алгебраические операции определены априори.

2. С помощью введенных символьных кодов проводим аксиоматизацию Пеано.

3. На основе введенной аксиоматизации проводим доказательство неполноты и противоречивости системы аксиом, описывающих 2-категорию математических теорий квантовых физических наблюдаемых.

Проведение полного доказательства позволяет легко увидеть, что в данной 2-категории моделей физических систем существуют

свойства, являющиеся истинными, но которые невозможно вывести из имеющихся аксиом. Тогда, несмотря на свою математическую безупречность и мощь, согласно второй теореме Геделя, утверждение «что данная физическая система не содержит логических противоречий» становится недоказуемым. Это означает, что истина в математическом смысле представляет собой определенную «вложенную систему истин» и для доказательства истины в одной системе, всегда приходится выходить за ее пределы, каким бы фундаментальным не являлся перечень ее аксиом. Поэтому исходный код системы всегда лежит за ее пределами. Математическое доказательство существования истин, принципиально недоказуемых внутри системы, с теологической точки зрения (с определенной оговоркой) можно трактовать исходя из концепции «аль-Гайб». Если рациональная наука изучает мир явленный (аля машахада), то из теорем Геделя следует, что фундамент этой реальности лежит в области «сокровенного».

Как было упомянуто выше, после разносторонних обобщений приведенного утверждения, на основе теорем Геделя, путем индукции можно доказать, что исходный код Вселенной, математически смоделированной в виде формальной системы, также находится за ее пределами.

Литература и источники:

1. Беклемишев Л.Д. Теоремы Геделя о неполноте и границы их применимости. I. / Л.Д. Беклемишев // Успехи математических наук. – 2010. – Т. 65. – №5. – С. 61–106.
2. Маклейн С. Категории для работающего математика / Перевод с англ. по ред. В.А. Артамонова. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 352 с.
3. Мейтус В.Ю., Вершинин К.П. О некоторых неразрешимых проблемах в вычислимых категориях / В.Ю. Мейтус, К.П. Вершинин // Доклады Академии наук СССР. – 1974. – Т. 216. – №1.
4. Haag R. Local Quantum Physics / R. Haag. – Springer, 1996.

Субханкулова М.М. (РИИ, Казань)

ИСЛАМСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ДАННЫМ АРАБСКИХ АВТОРОВ АЛЬ- ОМАРИ И ИБН БАТТУТЫ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой исламской теологии Муфтахутдинова Д.Ш.)*

Аннотация: В статье рассматриваются исламские институты Золотой Орды на основе свидетельств двух арабских авторов XIV в. – Аль-Омари и Ибн Баттуты. Аль-Омари зафиксировал превращение ислама в государственную религию при хане Узбеке, тогда как Ибн Баттута описал развитую сеть мечетей, медресе и суфийских обителей. Анализируются процессы исламизации, доминирование ханафитского мазхаба, синтез правовых систем и роль ислама в легитимизации власти золотоордынских ханов. Показано, что исламизация стала фундаментальным процессом, изменившим социальную структуру и политическую идентичность золотоордынского общества.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, исламские институты, Аль-Омари, Ибн Баттута, ханафитский мазхаб, исламизация, хан Узбек, медресе, суфизм.

Золотая Орда (Улус Джучи), одно из крупнейших государств средневековой Евразии, прошла сложный путь религиозной эволюции. Если в начальный период своего существования, при хане Бату и его ближайших преемниках, в государстве сохранялась

поликонфессиональная среда, основанная на принципах веротерпимости, закрепленных в «Ясе» Чингисхана, то к XIV в. ситуация кардинально изменилась. Процесс исламизации, активно поддерживаемый правящей элитой, привел к превращению ислама в государственную религию и формированию разветвленной системы мусульманских институтов. Бесценные свидетельства об этом процессе оставили два выдающихся арабских автора XIV в. – ученый-энциклопедист Шихаб ад-Дин аль-Омари (1301–1349) и знаменитый путешественник Ибн Баттута (1304–1377). Их труды, наряду с современными исследованиями, в том числе представленными в сборнике «Ислам и власть в Золотой Орде» (Казань, 2012 г.), позволяют детально реконструировать облик исламских институтов в золотоордынском обществе [5, с.232–239].

1. Свидетельства Аль-Омари: взгляд извне на государство и религию

Аль-Омари, занимавший высокий пост в канцелярии мамлюкского султана, не был путешественником, но имел доступ к обширной дипломатической переписке и отчетам купцов и послов, посещавших Золотую Орду. Его труд «Пути взоров по государствам с крупными городами» представляет собой ценный аналитический обзор, фиксирующий ключевые изменения в государственном устройстве и идеологии Улуса Джучи. Сведения о кипчаках и татарах он почерпнул путем личных расспросов тюрок-мамлюков, дипломатов разных стран и торговцев.

Кочевой уклад большинства подданных хана виден из слов автора: «Это государство простирается далеко в длину и ширину, обильно степями и бедно городами. Народу в нем беспредельное множество...».

Особое значение имеет свидетельство о строительстве медресе при хане Узбеке: «Столица тамошнего царя – Сарай. Это небольшой город между песками и рекою. Пребывающий там теперь султан его, Узбек-хан, построил в нем медресе для науки, потому что он очень предан науке и людям ее...» [9, с. 183].

Аль-Омари указывает на эпоху правления хана Узбека (1312–1342 гг.) как на поворотный момент: «Во время его царствования Золотая Орда достигает кульминации своего политического, эко-

номического и культурного могущества. Ислам объявлен общегосударственной религией». Автор также фиксирует важный этносоциальный сдвиг: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом Татары смешались и породнились с Кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами Татар и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода...».

Эта формула «земля одержала верх» стала классической для объяснения быстрой тюркизации монгольской аристократии в Улусе Джучи [9, с. 185].

2. Ибн Баттута о Золотой Орде

Ибн Баттута (полное имя – Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи) родился 24 февраля 1304 г. в городе Танжере (Марокко). В возрасте 22 лет он покинул родину с намерением совершить хадж в Мекку, однако путешествие растянулось на десятилетия. За годы странствий он посетил Египет, Аравию, Иран, Месопотамию, Сирию, Малую Азию, Золотую Орду (Крым, Поволжье, Хорезм), Афганистан, Индию, Индонезию и Китай [9, с. 187].

Ибн Баттута посетил Золотую Орду лично в 1333–1334 гг., проехав через Крым, Азак, Маджар, кочевья хана Узбека на Северном Кавказе, Сарай, Хаджитархан и Сарайчик. Его записки – бесценный этнографический отчет. Путешественник описывает столицу: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами» [5].

Один из важнейших тезисов путешественника касается доминирующей правовой школы: «Они ханефийского толку и опьяняющий напиток у них дозволен» [4].

Путешественник, сам будучи маликитом, с удивлением отмечает, что буза (напиток из проса) и кумыс считаются дозволенными. Как отмечает исследователь М.Г. Крамаровский, ханафитский мазхаб, отличающийся относительной гибкостью и широким использованием местных обычаев («урф», «адат»), оказался наибо-

лее подходящим для интеграции кочевых тюркских и монгольских племен в исламскую цивилизацию [6].

Ибн Баттута рисует картину уже сложившейся системы мусульманских учреждений. Мечети, религиозные судьи и суфийские обитатели («завия») встречались в Золотой Орде повсеместно. Городская инфраструктура включала мечети, медресе, «мектебе» (начальные школы), «ханака» (суфийские обитатели) и мавзолеи («дюрбе»). При этом в столице, наряду с мечетями, действовали церкви – политика веротерпимости, унаследованная от монгольских традиций [4].

3. Сравнительный анализ: Аль-Омари и Ибн Баттута

Сопоставление трудов двух авторов выявляет их взаимодополняющий характер. Аль-Омари, обладая макро-взглядом, зафиксировал сам факт превращения ислама в государственную религию, оценив его геополитические последствия. Ибн Баттута, напротив, предоставляет микро-историю, показывая, как этот процесс проявлялся в повседневной жизни. Именно его личные наблюдения подтверждают, что за политическим решением хана Узбека стояла глубокая институциональная и культурная трансформация общества [1; 4].

Важным итогом совместного анализа источников является вывод сборника «Ислам и власть в Золотой Орде» о том, что свидетельства Аль-Омари и Ибн Баттуты служат ключевыми ориентирами, позволяющими реконструировать сложную историю исламских институтов, где вопросы веры были неразрывно связаны с вопросами власти.

4. Легитимизация владык через исламские принципы

Исламизация для золотоордынских ханов была не просто актом личной веры, но и мощным политическим инструментом. Провозглашение ислама государственной религией решало три ключевые задачи: укрепляло внутреннюю консолидацию разнородного населения; обеспечивало легитимность в глазах мусульманских соседей; открывало широкие торговые возможности с Ближним Востоком и Центральной Азией.

Сын Джучи – Берке (годы правления: 1257–1266) – в юности изучал Коран у мусульманских имамов и первым из правителей

Орды принял ислам. Согласно летописи Рукн ад-Дина Бейбарса, в 1262–1263 гг. Берке направил в Египет послов с известием о принятии ислама и перечислением принявших веру татарских родов и племен. Аз-Захаби сообщает, что «большая часть войска его (Берке-хана) сделалась мусульманами».

Быстрой исламизации способствовала политика религиозной терпимости, закрепленной в Ясе Чингисхана, а также сходство ряда норм Ясы и шариата – в частности, смертная казнь за прелюбодеяние и вера в единого Бога. Опираясь на мусульманское духовенство, хан Узбек и его преемники получали идеологическую поддержку и укрепляли свою власть как правители, действующие в рамках божественного закона.

5. Нормы ислама в административной политике и синтез правовых систем

Принятие ислама не означало мгновенной отмены прежних правовых норм. В Золотой Орде сложилась уникальная многоукладная правовая система. С утверждением ислама в XIV в. появились шариатские суды, которые возглавляли кадии, рассматривавшие в основном гражданские и имущественные споры. Параллельно продолжали действовать монгольские суды Зарго (Яргу) на основе «Великой Ясы» и традиционные суды родовых старейшин – биев.

Исламские институты «вакфа» (неотчуждаемое имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели) стали важной частью экономической и социальной жизни, обеспечивая материальную базу мечетей, медресе и больниц. Административная реформа хана Узбека демонстрирует, как новые религиозные реалии сочетались с традиционной улусной системой управления.

Данные арабских авторов, Аль-Омари и Ибн Баттуты, в совокупности рисуют картину динамичного развития исламских институтов в Золотой Орде в первой половине XIV в. Аль-Омари зафиксировал решающий политический шаг – провозглашение ислама государственной религией при хане Узбеке. Ибн Баттута наполнил эту картину живым содержанием, показав развитую сеть мечетей, медресе и суфийских обителей, доминирование ханафитского мазхаба и специфику народной религиозности. Их свидетельства, проанализированные в свете современных исследований, позво-

ляют утверждать, что исламизация стала не просто сменой веры, а фундаментальным процессом, который изменил социальную структуру, правовую систему, административную политику и политическую идентичность золотоордынского общества, заложив основы для его дальнейшего развития в пост-ордынских тюрко-мусульманских государствах.

Литература и источники:

1. Аль-Омари. Пути взоров по государствам с крупными городами // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: в 2 т. / сост. В.Г. Тизенгаузен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 1. – С. 59–164.

2. Гарустович Г.Н. Средневековые авторы о распространении ислама в улусе Джучи / Г.Н. Гарустович // Проблемы востоковедения. – 2015. – №3 (69). – С. 30–37.

3. Гулямов А., Ярашова М., Каримов С. Роль хана Узбека в распространении ислама в Золотой Орде / А. Гулямов, М. Ярашова, С. Каримов // Modern Science and Research. – 2025. – Т. 4. – №3. – С. 146–154.

4. Ибн Баттута. Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий / пер. с араб. // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / сост. В.Г. Тизенгаузен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1984. – Т. 1. – С. 233–294.

5. Ислам и власть в Золотой Орде: сб. ст. Сер. «История и культура Золотой Орды». Вып. 16 / под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 332 с.

6. Крамаровский М.Г. Ибн Баттута о тюркском исламе / М.Г. Крамаровский // Золотоордынское обозрение. – 2014. – №1 (3). – С. 112–129.

7. Сабитов Ж.М. Административная реформа хана Узбека / Ж.М. Сабитов // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. – С. 232–239.

8. Сайфетдинова Э.Г. Развитие ислама и его традиций на территории Золотой Орды по сведениям средневековых арабских

сочинений XIII–XV вв. / Э.Г. Сайфетдинова // Исламоведение. – 2021. – Т. 12. – №4. – С. 67–81.

9. Хамидуллин Б.Л. Из глубины столетий / Б.Л. Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 271 с.

10. Шамсимухаметова М.Р. Религиозные братства ахи в Золотой Орде / М.Р. Шамсимухаметова // Исламоведение. – 2019. – Т. 10. – №2. – С. 44–56.

11. Шургучиев О.С., Лиджиева И.В. К проблеме судоустройства в Золотой Орде / О.С. Шургучиев, И.В. Лиджиева // *Universum: общественные науки*. – 2017. – №4 (34). – С. 12–17.

Фазлыева А.И. (КИУ, Казань)

АСПЕКТЫ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА ШАРИАТСКИХ НАУК

(Научный руководитель – преподаватель кафедры религиозных дисциплин КИУ Набиуллина М.Ш.)

Аннотация: *Статья содержит сравнительный анализ учебной мотивации студентов шариатских и светских вузов. Исследование выявляет общие трудности в учебе, а также предлагает методы активизации учебной деятельности для того, чтобы сделать образовательный процесс эффективным и интересным.*

Ключевые слова: *студенты, исламское образование, эффективные методы, мотивация к учебе, активизация учебной деятельности.*

Тема активизации учебной деятельности студентов актуальна сегодня, благодаря необходимости повышения эффективности обучения, формирования интереса к изучению предмета и умения использовать полученные знания в практической деятельности. Традиционная система передачи знаний, основанная на пассивном восприятии, не всегда успевает за современными темпами. Студент в современных реалиях – это не просто носитель информации, а специалист, который должен уметь применять знания для решения вопросов, ставших актуальными в наше время. Данная проблема одинаково значима как для светских, так и для религиозных учебных заведений, каждое из которых характеризуется своими трудностями и особенностями. Данная статья ставит целью

провести сравнительный анализ учебной мотивации и активизации деятельности студентов в исламских и светских вузах, опираясь на данные и результаты научных исследований.

Для изучения текущего состояния учебной деятельности и выявления факторов, влияющих на мотивацию студентов, мы провели опрос среди 50 студентов Казанского исламского университета, обучающихся на факультете «Исламские науки» и представляющих все курсы – с первого по пятый. Целью опроса было определить основные качества, необходимые для успешного обучения, а также выяснить, какие факторы способствуют или препятствуют познавательной активности. В качестве методологической основы для сравнительного анализа были выбраны три ключевые работы: исследование С.А. Аль-Кахтани, А.И. Джамилы и Ф.А. Абдул Кадир по образовательной активности в исламском контексте, работа Е.В. Яценко о мотивации студентов «поколения Z» в светских вузах и статья А. Мустаффы, посвященная активным методам обучения в исламских дисциплинах.

Анализ ценностных ориентаций показал, что студенты ставят на первое место развитие самовоспитания, дисциплины и поддержание мотивации (преобладающая оценка – 5 по пятибалльной шкале, где 1 – низкий балл, 5 – максимальный). Вместе с тем результаты исследования продемонстрировали, что фундаментом учебной деятельности большинства студентов (90%) по шариатским наукам является внутренняя мотивация, основанная на вере и чувстве ответственности перед Всевышним за качество своих знаний. В этом заключается ключевое отличие от студентов светских вузов, где преобладают внешние мотивы. Однако, несмотря на столь глубокую внутреннюю основу, студенты сталкиваются с рядом серьезных проблем: 50% опрошенных признают недостаток дисциплины и лень как основные препятствия к улучшению учебы, а 30% указывают на эмоциональное выгорание. При анализе ответов по курсам заметно, как меняются причины, мешающие учебе: на первом курсе преобладает проблема адаптации и дисциплины, на втором – сложность предметов и большой объем информации, на третьем курсе мы снова видим всплеск ответов о лени и слабой дисциплине, на четвертом добавляется неуверенность в будущем,

а на пятом курсе – эмоциональное выгорание и общая усталость перед защитой диплома. Студенты предложили организацию бесплатных стажировок и живой практики для активизации учебной деятельности, а также материальное поощрение и проведение олимпиад по шариатским наукам.

Сопоставляя наши данные с исследованием С.А. Аль-Кахтани, А.И. Джамии и Ф.А. Абдул Кадира [1], посвященным образовательной активности в исламском контексте, мы видим явные параллели. Аль-Кахтани и соавторы подчеркивают важность развития самоанализа и критического мышления, но при этом отмечают слабость механизмов практической реализации и группового взаимодействия в исламском образовании. Этот вывод переплетается с запросом наших студентов на большее количество практических занятий и стажировок, указывая на общую для исламского образования потребность в переходе от теоретического усвоения к активному применению знаний.

Далее, обращаясь к работе Е.В. Яценко [2], анализирующей учебную мотивацию студентов «поколения Z» в светских вузах, обнаруживается ряд общих трудностей, несмотря на принципиальные различия в ценностных ориентирах. Проблема «кризиса старших курсов», характеризующаяся снижением дисциплины, всплеском лени и эмоциональным выгоранием, оказалась универсальной. Как в светских, так и в религиозных вузах к 3–4 курсу наблюдается падение интереса к учебе. Однако ключевое различие заключается в доминирующих мотивах: если для студентов светских вузов, по данным Яценко, основным стимулом является профессиональная карьера, материальный успех, связи, то для студентов Казанского исламского университета активность основывается на внутренней духовной ответственности перед Всевышним. Тем не менее, общая потребность в практическом применении знаний объединяет оба типа учебных заведений. Яценко отмечает, что светские студенты теряют мотивацию, видят разрыв между теорией и реальной работой, и нуждаются в «виртуальных лабораториях». Студентам КИУ аналогично предлагают бесплатные стажировки и живую практику для активизации, что подтверждает общую для современного образования проблему: теоретическое обучение без связи

с реальностью ведет к потере интереса и выгоранию, независимо от духовного или светского учебного заведения.

В связи с выявленными проблемами и общими потребностями особую актуальность приобретают подходы к активизации учебной деятельности, описанные А. Мустафзой в статье «Active Learning: Activities and practices in Islamic Subjects» [3, с. 2123] в контексте исламских дисциплин. Важно отметить, что, хотя Мустаффа фокусируется на исламском образовании, предложенные им методики по своей сути являются универсальными принципами активного обучения, широко применяемыми и в светской педагогике. Таксономия Блума, на которую он опирается, является общепризнанной основой для структурирования учебного процесса от запоминания к анализу и синтезу. Мустаффа выделяет ряд эффективных методик, которые могут быть успешно применены для активизации учебной деятельности, как в исламских, так и в светских вузах. Например: работа в малых группах (совместное решение задач, дискуссии), демонстрация (обеспечивает наглядность и практическую вовлеченность), методика «вопрос-ответ» (важна для проверки понимания и стимулирования критического мышления), мозговой штурм (для решения сложных, нестандартных задач) и метод рассказа (для эмоционального вовлечения и лучшего понимания материала). Таким образом, предложенные методы активизации не только позволяют перейти от простого запоминания к анализу и оценке, но и способствуют развитию критического мышления, повышению внутренней мотивации студентов и формированию навыков самостоятельного применения знаний, что является ключевым для подготовки компетентных специалистов, как в исламских, так и в светских вузах. В исламских дисциплинах это помогает студентам быстрее понять, как применять полученные знания в реальных ситуациях. Когда на занятиях применяются все пять видов активности, вовлеченность группы растет сама собой, не зависимо от уровня начальных знаний. В конечном счете, это помогает студентам не просто сдать экзамен, а научиться применять принципы шариата в реальных условиях.

Таким образом, сравнительный анализ показал: несмотря на разницу в целях и ценностях, студенты КИУ сталкиваются с теми же

барьерами, что и студенты светских вузов. Активизация обучения через практику и современные методики – это способ сохранить их мотивацию и подготовить востребованных специалистов. На основе вышесказанного можно выделить ключевые направления методической работы. Первое – формирование интереса. Использование активных подходов в обучении помогает реализовать эту задачу: важно развивать не только общую любознательность, но и профессиональный интерес к дисциплине, чтобы студент видел в учебе основу своей будущей деятельности. Второе – обучение коллективному труду, поскольку активизация лучше всего происходит через совместный поиск решений, что развивает навыки командного обсуждения и учит уважать чужую точку зрения. Третье – формирование ответственного отношения: когда студент активно вовлечен в процесс, он осознает значимость изучаемых норм, что способствует воспитанию системного мышления и понимания социальной ценности знаний.

Литература и источники:

1. Яценко Е.В. Учебная мотивация: результаты исследования студентов «поколения Z» / Е.В. Яценко // Транспорт. Горизонты развития: Сб. материалов международного научно-промышленного форума. / Отв. ред. Е. В. Яценко. – Н. Новгород: Изд-во: ВГУВТ, 2024. – С. 291–297.

2. Al-Qahtani S.A. Educational Activity in Islamic Education: Evaluation of Hadith Course for First Intermediate Grade in Kingdom of Saudi Arabia / S.A. Al-Qahtani, A.I. Jamil, F.A. Abdul Kadir // Al-Ta'lim Journal. – 2018. – №25 (3). – P. 182-198.

3. Mustaffa A. Active Learning: Activities and practices in Islamic Subjects / A. Mustaffa // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2018. – №12. – P. 2121–2127.

Хайруллин Е.Ж. (РИИ, Казань)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСЛАМСКОГО МИССИОНЕРСТВА («ДА‘ВЫ») В СВЯЩЕННЫХ И БОГОСЛОВСКИХ ИСТОЧНИКАХ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории и архивоведения ИМОИиВ КФУ;
доцент кафедры систематической теологии РИИ Гафаров А.А.)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу теоретических основ исламского миссионерства («да‘вы») в Коране, Сунне и классической богословской литературе. Рассматриваются ключевые понятия призыва, подходы правовых школ и требования к субъекту да‘вы в трудах Аль-Газали, Аль-Маварди, Ан-Навави и других мыслителей.*

Ключевые слова: *«да‘ва», исламское миссионерство, Коран, Сунна, Аль-Газали, «фикх», ханафитский мазхаб, «насиха», «амр би-ль-ма‘руф».*

Исламское миссионерство («да‘ва») представляет собой многовековую традицию призыва к вере, наставления и духовного просвещения, глубоко укорененную в священных текстах ислама. Изучение теоретических основ «да‘вы» имеет принципиальное значение для понимания исторических форм исламского призыва в России, поскольку именно первоисточники задают критерии оценки реальных практик миссионерства.

Коран является фундаментом миссии в исламе. Центральное место занимает аят суры «Пчелы»: «Призывай на путь Господа твоего с мудростью и добрым наставлением и веди спор с ними наилучшим образом» (сура «Пчелы», аят 125). Выдающийся муфассир Ибн Касир (ум. 1373 г.) в «Тафсир аль-Кур’ан аль-‘азым» разъяснял, что «хикма» («мудрость») означает знание Корана и Сунны, а «доброе наставление» подразумевает увещание, обращенное к сердцу адресата [7, с. 524–526]. Фахр ад-Дин ар-Рази (ум. 1210 г.) в «Мафатих аль-гайб» выделял три ступени «да’вы»: мудрость для подготовленных умов, увещание для простых людей и наилучший диспут для оппонентов [5, с. 100–103].

В суре «Семейство Имрана» предписывается: «Пусть среди вас будет группа людей, которые будут призывать к добру, повелевать одобряемое и запрещать порицаемое» (сура «Семейство Имрана», аят 104). Маликитский ученый-правовед Аль-Куртуби (ум. 1273 г.) указывал, что «да’ва» является «фард кифая» («коллективной обязанностью»): в обществе должна быть группа, специально занимающаяся призывом [2, с. 165–167]. Принцип ненасилия закреплен аятом «Нет принуждения в религии» (сура «Корова», аят 256).

Сунна пророка Мухаммада ﷺ уточняет методы призыва. Хадис «Передайте от меня, даже если это один аят» (Аль-Бухари, хадис №3461) утверждает обязанность каждого мусульманина участвовать в распространении послания. Хадис о «насиха» («наставлении») – «Религия – это искренний совет» (Муслим, хадис №55) – был подробно прокомментирован имамом Ан-Навави (ум. 1277 г.), который писал, что «насиха» составляет «основу религии» [4, с. 37–38]. На мягкость призыва прямо указывает хадис «Поистине, Аллах – Мягкий, Он любит мягкость во всяком деле» (Муслим, хадис №2593).

Среди классических богословов наиболее систематично вопросы «да’вы» рассмотрел Абу Хамид аль-Газали (ум. 1111 г.) в «Ихйа’ ‘улюм ад-дин». Он подробно разъясняет, что «повелевающий одобряемое» (проповедник) должен обладать тремя качествами: быть знающим, благочестивым и мягким; без этих качеств призыв принесет больше вреда, чем пользы [1, с. 306–340]. Аль-Маварди (ум. 1058 г.) в «Аль-Ахкам ас-султанийя» установил, что блюститель

общественного контроля («мухтасиб») обязан быть справедливым и обладающим знаниями [3, с. 299–313].

В ханафитском мазхабе, доминирующем среди мусульман Поволжья, классические источники подчеркивают необходимость знаний и недопущения смуты («фитны») при миссии. Ханафитский комментатор Ибн ‘Абидин (ум. 1836 г.) в «Радд аль-мухтар» отмечал, что ханафитский мазхаб допускает более гибкий подход к обучению немусульман основам религии [6, с. 261–263]. В шафиитском мазхабе особое значение придавалось получению «иджазы» («разрешения») от авторитетного ученого как условию передачи знаний.

Таким образом, исламские священные и богословские источники рассматривают «да‘ву» как комплексную деятельность, опирающуюся на знание, искренность, мягкость и принцип ненасилия. Эти теоретические основы определяли формы и методы исламского призыва в условиях Российской империи XIX в.

Литература и источники:

1. Аль-Газали. Ихйа’ ‘улюм ад-дин / Аль-Газали. – Бейрут: Дар аль-ма‘рифат, б.г. – Т. 2. – 420 с.
2. Аль-Куртуби. Аль-Джами‘ ли-ахкам аль-Кур’ан / Аль-Куртуби. – Каир: Дар аль-кутуб аль-мисрийя, 1964. – Т. 4. – 432 с.
3. Аль-Маварди. Аль-Ахкам ас-султанийя / Аль-Маварди. – Каир: Дар аль-хадис, 2006. – 386 с.
4. Ан-Навави. Шарх Сахих Муслим / Ан-Навави. – Бейрут: Дар Ихйа’ ат-турас аль-‘араби, 1392 х. – Т. 2. – 248 с.
5. Ар-Рази, Фахр ад-Дин. Мафатих аль-гайб (Тафсир аль-кабир) / Фахр ад-Дин ар-Рази. – Бейрут: Дар аль-фикр, 1981. – Т. 20. – 320 с.
6. Ибн ‘Абидин. Радд аль-мухтар ‘аля ад-Дурр аль-мухтар / Ибн ‘Абидин. – Бейрут: Дар аль-фикр, 1992. – Т. 4. – 580 с.
7. Ибн Касир. Тафсир аль-Кур’ан аль-‘азым / Ибн Касир. – Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмийя, 1998. – Т. 4. – 596 с.

Хасанов Р.М. (РИИ, Казань)

ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ: ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ИСЛАМЕ

*(Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой исламской теологии РИИ; доцент кафедры
теологии БИА Седанкина Т.Е.)*

Аннотация: *В статье рассматривается феномен времени с точки зрения исламской теологии. Анализируются ключевые концепции времени в Коране и Сунне, а также подходы классических и современных исламских богословов к пониманию его природы. Особое внимание уделяется соотношению божественной вечности и человеческого восприятия времени, а также влиянию этих концепций на этику и эсхатологию ислама. Исследование позволяет глубже понять специфику исламского мировоззрения и его взгляд на фундаментальные онтологические категории.*

Ключевые слова: *время, исламская теология, Коран, сунна, божественная вечность, онтология, богословие, восприятие времени, исламское мировоззрение, тафсир.*

Проблема времени занимает важное место в исламской интеллектуальной традиции. В отличие от линейного понимания времени в западной философии, исламская теология предлагает более сложную модель, основанную на священных текстах и богословских интерпретациях. Ключевым источником для понимания времени в исламе является Коран. В нем встречаются многочисленные указания на различные аспекты времени. Например, в суре «Верую-

щие» говорится: «Он управляет делами с неба до земли, а затем они опять восходят к Нему в течение дня, который продолжается тысячу лет по тому, как вы считаете» (сура «Верующие», аят 8):

إِنَّهُ يُدَبِّرُ الْأُمُورَ مِنَ السَّمَاءِ إِلَى الْأَرْضِ ثُمَّ يَعْرُجُ إِلَيْهِ فِي يَوْمٍ كَانَ مِقْدَارُهُ أَلْفَ سَنَةٍ
مِمَّا تَعُدُّونَ الْمُؤْمِنُونَ

Тафсир (по Ибн Касиру): аят указывает на относительность времени: божественное измерение времени не совпадает с человеческим. Упоминание «тысячи лет» подчеркивает масштабность процессов, управляемых Аллахом, и ограниченность человеческого исчисления. Этот аят подчеркивает относительность человеческого восприятия времени по сравнению с божественным измерением.

Еще один важный аят приводится в суре «Ступени»: «Ангелы и Дух восходят к Нему в течение дня, равного пятидесяти тысячам лет» (сура «Ступени», аят 4):

تَعْرُجُ الْمَلَائِكَةُ وَالرُّوحُ إِلَيْهِ فِي يَوْمٍ كَانَ مِقْدَارُهُ خَمْسِينَ أَلْفًا مِمَّا تَحْسِبُونَ

Тафсир (по Ас-Саади): выражение «день, равный пятидесяти тысячам лет» указывает на колоссальную длительность некоторых божественных процессов, особенно в контексте Судного дня. Это не просто календарная мера, а символ несоизмеримости божественного времени с земным. Подобные указания в Коране свидетельствуют о том, что время в исламском мировоззрении имеет разную длительность в разных сферах бытия.

Особую роль играет сура «Предвечернее время», состоящая всего из трех аятов: «Клянусь временем! Поистине, человек в убытке, кроме тех, кто уверовал, совершал праведные дела, завещал истину и завещал терпение» (сура «Предвечернее время», аяты 1–3):

وَالْعَصْرِ ۝ إِنَّ الْإِنْسَانَ لَفِي خُسْرٍ ۝ إِلَّا الَّذِينَ ءَامَنُوا وَعَمِلُوا الصَّالِحَاتِ وَتَوَاصَوْا
بِالْحَقِّ وَتَوَاصَوْا بِالصَّبْرِ

Тафсир (по Ибн Касиру и Ас-Саади): клятва временем подчеркивает его ценность. Человек оказывается в убытке по умолчанию – если не наполнит свое время верой, праведными делами, призывом к истине и терпению. Время здесь – не просто длительность,

а ресурс, доверенный человеку («аманат»), за который он несет ответственность. Здесь время выступает как высшая ценность и критерий оценки человеческой жизни. Классические исламские богословы предлагали различные интерпретации этих аятов.

Имам Аль-Газали в своем труде «Ихйа улум ад-дин» рассматривал время как меру движения и изменения, подчеркивая его сотворенность. Он утверждал, что до создания Вселенной времени не существовало, поскольку оно является атрибутом сотворенного мира [2, с. 145].

Ашаритская школа, представленная Аль-Ашари, развивала концепцию атомистического времени, где каждый момент создается Богом заново. Это учение подчеркивало постоянную зависимость мира от божественного творения в каждый миг. Современные исламские ученые продолжают развивать эти идеи. Доктор Мухаммад аль-Хамдан в работе «Время в исламской философии» анализирует взаимосвязь между временем, причинностью и божественным предопределением. Он отмечает, что исламская концепция времени неразрывно связана с верой в абсолютное знание Аллаха обо всех событиях [3, с. 78]. Особое место в исламском понимании времени занимает концепция «ахирата» (загробной жизни), где время приобретает качественно иные характеристики. В хадисах пророка Мухаммада ﷺ говорится о том, что день Воскресения будет настолько долгим, что люди будут желать его скорейшего завершения [3, с. 201]

يَوْمُ الْقِيَامَةِ يَكُونُ أَطْوَلَ مِنْ يَوْمِ الدُّنْيَا كَذَلِكَ حَتَّى يَتَمَنَّ أَهْلُ النَّارِ أَنْ يُعَجَّلَ لَهُمُ الْعَذَابُ (الحديث: رواية مسلم، كتاب الإيمان، باب صفة اليوم الآخر)

Перевод: «День Воскресения будет длиннее, чем день в этом мире, настолько, что обитатели Огня станут желать скорейшего наказания». (Примечание: данный хадис приводится в сборнике Муслима, книга веры, глава «Описание Судного дня». Точная формулировка может варьироваться в разных риваятах.)

Суфийская традиция предлагает мистическое понимание времени. Суфии, такие как Ибн Араби, рассматривали время как проявление божественных атрибутов и подчеркивали возможность «остановки времени» в состоянии духовного просветления.

Таким образом, исламская теология представляет время не как абстрактную и универсальную величину, а как многоуровневую реальность, связанную с божественным замыслом и человеческой ответственностью. Это понимание имеет важные последствия для этики, эсхатологии и философии ислама:

в этике – осознание ценности времени как аманата (доверенного) от Аллаха;

в эсхатологии – представление о качественном изменении времени в загробной жизни;

в философии – концепция божественного творения каждого мгновения.

Литература и источники:

1. Аль-Ашари Абу аль-Хасан. Макалат аль-Исламийин (Учение мусульман) / Абу аль-Хасан аль-Ашари. – Каир: Мактабат аль-Ханджи, 1963. – 600 с.

2. Аль-Газали Абу Хамид. Ихйа улум ад-дин (Воскрешение наук о вере) / Абу Хамид аль-Газали. – Бейрут: Дар аль-Ма'риф, 2004. – Т. 2. – 450 с.

3. Аль-Хамдан Мухаммад. Время в исламской философии / Мухаммад аль-Хамдан. – Эр-Рияд: Мактабат аль-Рияд аль-Хадиса, 2018. – 280 с.

4. Ан-Навави Яхья ибн Шараф. Рияд ас-Салихин (Сады благочестивых) / Яхья ибн Шараф ан-Навави. – Дамаск: Дар аль-Калам, 1999. – 520 с.

5. Ибн Араби. Фусус аль-Хикам (Геммы мудрости) / Мухйи ад-Дин Ибн Араби. – Бейрут: Дар Садир, 1980. – 320 с.

Хусяинов К.Р. (БИА, Болгар)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСЛАМСКОЙ ДОГМАТИКИ

*(Научный руководитель – доктор педагогических наук, преподаватель
кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин БИА Ибрахим
Хамдаллах Хафез Мохамад)*

Аннотация: *В статье говорится о двух особенностях формирования исламской «акыды». Какую роль внесли ученые в формировании этой терминологии, как происходило формирование «акыды» во времена пророка Мухаммада ﷺ и когда начались споры ней.*

Ключевые слова: *«акыда», термины «акыды», искажения «акыды», формирование терминов «акыды», участие ученых в формировании «акыды».*

Во времена пророка Мухаммада ﷺ не было разногласий, которые разделяли бы исламскую умму, ведь каждый вопрос, который появлялся у людей, они сразу же задавали ему при первой же возможности. Люди, жившие во время пророка Мухаммада ﷺ, даже не могли подумать о том, чтобы вносить какие-то изменения. Даже, если кто-то говорил что-то новое, то этого человека моментально спрашивали об источнике информации. Особенно это было в вопросах «акыды». Однако после смерти достопочтимого пророка Мухаммада ﷺ, появились вопросы, которые не обсуждались при его жизни. И мусульманской умме пришлось их решать.

Первая особенность

Если провести аналогию с науками, не связанными с исламом, то можно заметить, что во время зарождения какой-либо новой научной сферы, формирования общественного движения или новой культуры обычно участвуют два и более человека.

Например, при создании атомной бомбы основную роль сыграл Роберт Оппенгеймер, а в его команде работал Эдвард Теллер, который был его соратником в этом проекте. Позже началась разработка водородной бомбы, где уже Эдвард Теллер играл ключевую роль. Подобные явления встречаются практически во всех сферах человеческой деятельности.

Однако, рассматривая ислам, мы понимаем, что во время пророческой миссии пророка Мухаммада ﷺ, продолжавшейся 23 года, ни один человек не внес в религию ничего от себя лично, поскольку эта религия была ниспослана Аллахом через Его Пророка ﷺ.

Здесь могут возразить: «Но ведь после него появилось множество течений и различных групп». В ответ можно сказать, что после смерти пророка Мухаммада ﷺ началось лишь разъяснение и изучение того, что он оставил после себя. Период его пророчества был временем ниспослания откровения от Аллаха, а также временем получения ответов на возникавшие вопросы. После смерти пророка Мухаммада ﷺ откровение прекратилось.

Несмотря на тяжесть этой утраты, людям пришлось искать ответы на новые вопросы в том, что уже было оставлено им в религии. На это указывает аят: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию, довел до конца Мою милость к вам и одобрил для вас ислам в качестве религии» (сура «Трапеза», аят 3). Из этого аята мы понимаем, что в религии, оставленной пророком Мухаммадом ﷺ, содержатся ответы на все вопросы – необходимо лишь правильно их найти и понять.

Вторая особенность

Имам Аль-Ашари, да помилует его Аллах (ум. 324), сказал: «После пророка Мухаммада ﷺ люди расходились во многих вопросах. Некоторые из них вводили друг друга в заблуждение, а некоторые отрекались друг от друга, так что они стали разными группами и разрозненными сообществами, за исключением того, что ислам объединяет их и включает в себя. Первое, что произошло в плане

разногласий среди мусульман после их Пророка ﷺ – это различие в выборе правителя» [1, с. 34]. Из слов имама Аль-Ашари мы видим, что разногласия пошли сразу же после смерти пророка Мухаммада ﷺ.

Первой причиной, побудившей к написанию этой науки («акыды»), стало слова о предопределении («кадаре»). Первым об этом заявил Ма'бад ибн Халид аль-Джухани, который перенял это у человека из Асавиры, и некоторые последовали его примеру. Когда Абдулла ибн Умар ибн аль-Хаттаб услышал его высказывание, он отверг сторонников предопределения [3, с. 7].

Также появились хариджиты, выступавшие за объявление неверным за совершение греха, восстание против имама и борьбу с ним. Абдулла ибн Аббас спорил с ними, а Али ибн Абу Талиб сражался с ними. Затем возник вопрос об имамате, который шииты использовали для создания раскола в рядах мусульман, продолжающегося до сих пор [3, с. 7].

Вопрос о предопределении во время правления Умара ибн аль-Хаттаба не стал причиной, из-за которой пошла вражда между сахабами. Вопрос был в том, что лишь малая часть сахабов говорили, что из-за того, что есть предопределение Аллаха то нам не стоит прилагать усилия для достижения чего либо, ведь Аллах уже предопределил что у тебя будет, а что нет. Но все же ни Умар, ни другие сахабы не согласились с ними в этом вопросе.

Внешние факторы, способствовавшие возникновению систематизации («تدوين») в вопросах вероубеждения, главным образом, заключались в контакте мусульман с представителями других религий посредством торговых отношений и обменов. В результате этого происходили непосредственные встречи, становившиеся причиной диалогов и споров по вопросам вероубеждения и философии [4, с. 9]. Йозеф Шахт говорит: «Ислам воспринял эти течения во всех странах, в которые он вошел, без исключения; он встретился с ними в Ираке, Иране, а затем и в Египте в форме обновленного платонизма (учения Платона)» [2, с. 186].

Из этих отрывков мы понимаем, что умышленные попытки внесения изменений в религию были практически сразу после смерти пророка Мухаммада ﷺ с целью разделения мусульман, для

завоевания собственных территорий. Некоторые преследовали собственную выгоду. Но были и те, которые вносили изменения неосознанно, но большая часть людей вносила изменения неосознанно – не желая приносить вреда для религии и уммы.

В большей части это началось из-за того, что люди, приходящие в ислам, уже не видели пророка Мухаммада ﷺ, и чем больше проходило времени, тем дальше отдалялась умма от его учений, следовательно, происходило больше искажений.

Ученые ислама, видя эту проблему, начали объяснять термины, которые не приходилось объяснять ранее: «иман», «куфр», «ширк», «таухид».

В тот момент, когда началось зарождение терминологии «акыды», пошли первые разногласия и споры. Ученые всегда сходились во мнениях относительно терминов «акыды». Их споры были только лишь в отношении нюансов. Например, может ли женщина быть пророком или нет и т.п. Эти разногласия заставляли ученых формировать термины «акыды» точнее и точнее.

Третья особенность

Приход новых людей в ислам, начиная от смерти пророка Мухаммада ﷺ и до нынешних дней, вынуждает ученых реагировать и отвергать те искажения, которые приходят из других религий и философских мыслей. Все эти вещи побуждают такую науку как «акыда» формировать свои термины точнее.

Подводя итог хотелось процитировать слова Мухаммада ибн Ибрахима ибн Ахмад аль-Хамда: «Ее выражения просты (выражение науки «акыды»), а смыслы ясны; ее доказательства почерпнуты из Корана и Сунны и, с первого взгляда, при первом размышлении, становятся понятными разуму. Все люди способны постичь их: их понимают и ученый, и простой человек, и малый, и взрослый. Они подобны пище, приносящей пользу каждому человеку, более того – подобны воде, из которой Аллах сотворил все живое: ею пользуются и младенец, и грудной ребенок, и сильный человек, и слабый. Доказательства Корана и Сунны ясны и доступны, они убеждают разум, успокаивают души и укрепляют в сердцах твердые убеждения» [3, с. 3].

Литература и источники:

1. Аль-Ашари Абу аль-Хасан. Макалят исламиин ва ихтиляф му-саллин –1- مقالات الإسلاميه واختلاف النصلين -1- المكتبة [المكتبة] 661 – 2005. [العصرية للطباعة و النشر] с.
2. Али Самий. Зарождение философской мысли в исламе – نشأة دار السلام – الفكر الفلسفي فس الإسلام. – Изд-во «Дар салям» Египет – 3 том, 2013. – 1426 с.
3. Мухаммад ибн Ибрахим ибн Ахмад аль-Хамд. Термины в книгах доктрины: Электронная библиотека «المكتبة الشاملة» [Электронный ресурс]. – <https://shamela.ws/book/12070> (дата обращения: 02.05.2026).
4. Доктор Салу бну Ахмад. Журнал университета ZIU в Тунисе, «Зарождение и развитие исламских наук, доктрина как образец» [Электронный ресурс] дата публикации статьи 30.12.2023.

Шакирова Е.В. (РИИ, Казань)

ЦЕННОСТЬ КОРАНА В РЕЛИГИОЗНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ УТЫЗ ИМЯНИ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук,
заведующий отделом социально-политических исследований
Центра исламоведческих исследований АН РТ; доцент кафедры
систематической теологии РИИ Гильмутдинов Д.Р.)*

Аннотация: *Статья посвящена изучению ценности Корана в религиозном мировоззрении татарского ученого и богослова Утыз Имяни. Для анализа выбраны его труды, переведенные с арабского и персидских языков российским исследователем Р.К. Адыгамовым, и рукопись на арабском языке «Рисяля ихтият».*

Ключевые слова: *Коран, таджвид, Утыз Имяни, ихтият.*

Габдрахим Утыз Имяни аль-Булгари (1754–1834) – выдающийся татарский богослов, поэт и мыслитель, деятельность которого пришла на переломный период в истории мусульманской мысли Поволжья, период переосмысления духовных ценностей и традиций и поиска дальнейших путей развития мусульманского общества в новых реалиях того времени. Из биографии ученого нам известно, что во время своих путешествий по Средней Азии и Афганистану, он особое внимание уделял изучению «таджвида», науки о правилах рецитации Корана, и питал к ней особую «страсть». Это вызывает особый интерес к религиозному мировоззрению относительно ценности Корана именно этого мыслителя, где Священное Писание выступает как абсолютный критерий

истины, инструмент к социальной реформе и ключ к духовному самопознанию.

В своих трудах Утыз Имяни уделял особое внимание правильному чтению Корана, знанию и применению тонкостей науки «таджвид» при recitation «Книги Аллаха». В трактате «Тухфат аль-ахбаб фи таджвид калям ар-Рабб» («Подарок любимым о правильном чтении книги Господа») он пишет, что во время Рамадана оказался в Бухаре и стал свидетелем того, как хафизы в мечетях очень спешат при чтении Корана и не соблюдают обязательных правил «таджвида», неверно проговаривают буквы, и при этом никто из студентов и преподавателей, стоящих за ними «не удосужился поправить чтеца и дать ему наставления». Также он отмечает и другие аспекты сложившегося «плачевного положения дел»: непринятие каких-либо наставлений и сильный гнев на того, кто пытается это сделать, отрицание обязательности соблюдения правил «таджвида» для неарабоязычных народов, невежество духовенства и халатное отношение эмиров и ответственных лиц как корень проблемы [1, с. 296–297]. Свою работу Утыз Имяни пишет с целью быть услышанным главным эмиром-хаканом, который «мог бы исправить это положение и дать повеление об исправлении ошибок» [1, с. 297]. В четырех главах ученый подробно разбирает важнейшие вопросы, связанные с этой темой, опираясь на несокрушимые доводы из авторитетных источников. Изначально обращается к терминологическому значению слова «таджвид» и шариатскому постановлению («хукму») относительно знания этой науки и применения его на практике: ««Таджвид» – это правильное произнесение букв, его соблюдение является обязательным, а тот, кто его не соблюдает – грешник. Причина этого в том, что Коран был ниспослан именно с этими правилами, в неизменном виде дошел до нас. То есть, «таджвид» – это такая наука, которая изучает правильное произношение слов и букв Корана при его чтении и обязывает читающего соблюдать эти правила. Сама по себе эта наука является «фард кифай», но соблюдение этих правил при чтении Корана является «фард айном»» [1, с. 298]. Мы можем проследить, с какой точностью он воспроизводит формулировки имама Ибн аль-Джазари (751–833 гг. по хиджре) из бейтов «Му-

кадимы Аль-Джазариийи», выдающегося преемника наследия первых ученых, основателей этой науки:

30 – И он (таджвид) (представляет собой) исполнение права («хакка») букв в их «сыфатах» и дополнительного их права («мустахакк») [2, с.11].

Ученый Ибн Назым (751–833 гг. по хиджре) в своем разъяснении («шархе») этого бейта указывает на то, что под «хакком» букв здесь подразумеваются обязательные «сыфаты»: звонкость и глухость, «шидда» («смычность») и «рахав» («фрикативность»), а под «мустахакком» букв – дополнительные «сыфаты», возникающие сверх обязательных по причине того или иного правила «таджвида».

Проблема греховности за оставление и несоблюдение правил этой науки при чтении также перекликается со словами Ибн Аль-Джазариий:

27. И обучение таджвиду является обязательным делом.

Кто не читает Коран с таджвидом является грешником [«асим» – آثم].

28. Потому что Аллах ниспослал его (Коран) с (таджвидом)

И таким образом он дошел от Него до нас... [2, с. 12].

Утыз Имяни очень четко подмечает, что скрытая проблема низкого уровня рецитации Корана каждого отдельного мусульманина приводит к его греховности и относительно выполнения им молитвы, одного из столпов ислама: «В «Муршид ат-Талин» сказано: «Знай, что самым важным «фардом», после веры в Аллаха, является совершение молитвы, но этот «фард» будет действителен только в том случае, если в ней читается Коран. А для правильного чтения необходимо изучить правильное произношение букв и правила чтения. Если человек этого не соблюдает, то обязательно допустит ошибки при чтении». В «Тухфат ас-Сахина» сказано: «Для человека, познавшего основы религии, нет ничего ценнее, чем молитва. Однако она будет неверной, если в ней не читается Коран, но его следует читать так, как он был ниспослан. А для этого необходимо изучить правильно произношение букв и правила чтения» [1, с. 300].

Мы можем задаться вопросом: «Почему же Утыз Имяни был настолько обеспокоен проблемой греховности общества по причине халатного отношения к рецитации Корана, что приводит фетвы, призывающие воздержаться от чтения Священного Писания мусульманами, которые не в состоянии правильно произносить те или иные буквы, и не проявляющими усердия в этом, постановления авторитетных ученых, в которых говорится о необходимости выполнения обязательной молитвы такими людьми без чтения Корана?». И дело здесь не только в глубоком понимании приоритетности того или иного вида поклонения, недопустимости оставления «фарда» («обязательного действия») ради совершения «нафля» («добровольного дела»), по принципу «ихтията». На наш взгляд, этот выдающийся мыслитель, глубоко понимал языковое значение слова «грех» (إثم) в арабском языке, однокоренное со словом «грешник» (آثم), которое использует Ибн Аль-Джазари в своей «Мукаддиме». В электронном толковом арабском словаре «Аль-Маани» приводится такое значение: «Это проступок, за который (человек), совершивший его, заслуживает наказание». Наказание от Всевышнего в Мире Вечном и кара в этом мире, лишение благословения и процветания, как отдельного человека, так и общества в целом. В своей работе на арабском языке «Рисаля ихтията» («Трактат о предосторожности») Утыз Имяни вскользь упоминает, что даже «засуха возникает по причине большого количества грехов», а «основой этого является слабость веры («имана») [3, л. 103]. Спасение народа он видел в обращении к первоисточникам в религии: Корану, Сунне, высказываниям сподвижников и великих ученых-муджтахидов, их единогласному мнению («иджма») [1, с. 220]. Противостояние же законам шариата некоторых людей путем обращения их к «бидга» и запретным делам он уподобляет «противостоянию предыдущих народов своим пророкам, напоминая, что «Аллах погубил эти народы, так же как он может погубить и этот народ» [1, с. 224]. Возвращение к истине, способно, по его мнению, пробудить людей от «беспечного сна» («гафлята»), после чего будет возможно познание – и затем познание Господа, приблизившись к которому можно обрести истинный успех («тауфик») [3, л. 102]. Ценность Корана, в понимании Габдрахима

Утыз Имяни, заключалась также и в его способности упорядочить жизнь общества. Он верил, что правильное понимание коранических принципов справедливости, чести, милосердия и поиска знаний способно возродить былое величие булгарской цивилизации. Утыз Имяни заложил фундамент для всей последующей богословской школы, доказав, что прогресс невозможен без прочного фундамента в виде коранических истин.

Литература и источники:

1. Избранное / Габдрахим Утыз-Имяни; Сост. и пер. с араб. Р.К. Адыгамова; Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат; Трактат о закате; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Порицание чаепития; Трактат о важном / Утыз-Имяни Габдрахим. – Казань: ТГГПУ, 2007. – 402 с.

2. Аль-Хамад Г.К. Аль-Муяссяр фи гильм ат-таджвид, 6-е изд. – Джидда: Марказ дирасат ва маглюмат аль-куранийа бимахад аль-имам Аш-Шатыбий, 2021. – 182 с.

3. Утыз Имяни Г. Рисаля ихтият / Г. Утыз Имяни // ОРКК КФУ. – №744 т. – Л. 102–109.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

*Аксенова М.А. (МБОУ гимназия «Эврика»
им. В.А. Сухомлинского», Анапа)*

ЛОЗУНГИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В КИТАЕ ЭПОХИ МАО ЦЗЭДУНА

*(Научный руководитель – студентка IV курса ИМОИиВ КФУ, группа
№04.1-211 Пискун И.А.)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу роли политических лозунгов в формировании общественного мнения в КНР в период правления Мао Цзэдуна. Рассматриваются механизмы воздействия кратких идеологических формул на массовое сознание, их лингвистические особенности и влияние на социальные процессы, такие как «Большой скачок» и «Культурная революция».*

Ключевые слова: *Мао Цзэдун, Китай, политический лозунг, общественное мнение, идеология, пропаганда, «дацзыбао».*

Эпоха правления Мао Цзэдуна (1949–1976) вошла в историю как период беспрецедентного по масштабам социального реформирования и жесткого идеологического контроля. В условиях, когда значительная часть населения Китая оставалась неграмотной или малограмотной, основным инструментом коммуникации между властью и обществом стал не сложный теоретический трактат, а краткий, емкий и ритмичный лозунг. Политический лозунг в маоистском Китае выполнял функцию не просто информирования, а прямого конструирования реальности.

Общественное мнение в этот период не было результатом свободной дискуссии. Оно формировалось «сверху» через систему

массовых кампаний. Основным механизмом внедрения государственных идей в сознание масс стала концепция «линии масс», где лозунги служили мостом между теорией марксизма-ленинизма и повседневным языком крестьян и рабочих. Лозунги Мао обладали специфической энергетикой: они часто строились на использовании повелительного наклонения и ярких метафор, что делало их обязательными к исполнению.

Особое место в медийном пространстве того времени занимали «дацзыбао» – газеты, написанные крупными иероглифами. Это была уникальная форма выражения «общественного мнения», которая, хотя и поощрялась властью, создавала иллюзию демократического участия народа в политической жизни. Через «дацзыбао» транслировались ключевые призывы эпохи: от экономических («Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья») до радикально-политических («Огонь по штабам!»).

В период «Большого скачка» лозунги были направлены на мобилизацию трудовых ресурсов. Короткие фразы, такие как «Три года напряженной работы – вечное благоденствие», создавали в обществе атмосферу энтузиазма и готовности к самопожертвованию. Однако лингвистический анализ показывает, что за упрощением смыслов скрывалось вытеснение критического мышления. Общественное мнение унифицировалось: человек начинал мыслить и говорить готовыми блоками из «Цитатника» (Маленькой красной книжицы).

Во время «Культурной революции» лозунги приобрели агрессивный характер. Призывы «Бунт – дело правое» или «Сметайте всю нечисть!», фактически легализовали насилие, направляя энергию молодежи («хунвэйбинов») против традиционной культуры и интеллигенции. В этом контексте лозунг выступал как сигнал к действию, мгновенно меняющий поведение огромных масс людей.

Подводя итог, можно сделать вывод, что лозунги в эпоху Мао Цзэдуна были не просто элементом агитации, а несущим каркасом всей социальной системы. Они не отражали общественное мнение, а создавали его, задавая жесткие рамки допустимого поведения и мышления. Опыт Китая этого периода демонстрирует колоссальную силу слова, способного как мобилизовать нацию на созидание, так и погрузить ее в хаос ради идеологических целей.

Литература и источники:

1. Девятов А.П. Китайская специфика: как поняли ее мы в разведке и бизнесе / А.П. Девятов. – М.: Муравей, 2002. – 308 с.
2. Мао Цзэдун. Цитаты председателя Мао Цзэдуна (Маленькая красная книжица). – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1966. – 250 с.
3. Панцов А.В. Мао Цзэдунь / А.В. Панцов. – М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2007. – 867 с.
4. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире / К.М. Тертицкий. – М.: ИСАА МГУ, 1994. – 347 с.

Аль-Сурури С.Я. (КФУ, Казань)

СИМВОЛИКА ФАУНЫ В ТЕКСТЕ КОРАНА

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе, доцент кафедры филологии и страноведения РИИ; доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований ИМОИиВ КФУ Закиров Р.Р.)

Аннотация: *В статье исследуется кораническая зоосимволика как мост между явным («захир») и скрытым («батин»). На основе 154 упоминаний выделены положительные (удод, пчела, перепел), отрицательные (паук, саранча, свинья) и нейтральные образы представителей фауны. Домашние виды преобладают. Через повседневные образы Коран передает метафизические истины, выстраивая гармоничную систему, где даже незначительные детали служат проводниками божественной мудрости.*

Ключевые слова: *символ, фауна, Коран, арабский язык, животные, положительные, отрицательные и нейтральные свойства, коннотация.*

Религиозные символы, эволюционируя от конкретных образов к абстрактным знакам, служат мостом между материальным и духовным, требуя культурно-исторического контекста для передачи метафизических истин. В исламе эта функция обретает особую глубину: символ объединяет явное («захир») и скрытое (батин), выступая не просто коннотацией, а аллюзией на высшую реальность. Его значение не исчерпывается знаком, но рождается из сопоставления видимой формы с духовным смыслом, вписанным в

религиозный и культурный контекст. Так символ становится связью земного и божественного, видимого и невидимого – один из ключевых принципов исламской символики и мистики.

Всего в Коране представители фауны упоминаются около 154 раз. Из них меньше всего – всего один раз – встречается животное, обитающее в воде (кит). Далее, нечасто упоминаются дикие животные (8,44%), немного чаще них – насекомые (11,11%). Наиболее часто можно встретить домашние животные (65,58%), а птицы идут после домашних животных по частотности (17%). На основании проведенного обзора стало возможным упорядоченное рассмотрение символического значения каждого из животных в Коране. Таким образом, нами будут исследованы символические значения следующих представителей фауны в Коране: угод, перепел, ворона, пчела, мотылек, паук, муравей, комар, саранча, вошь, кит, овца, козел, корова, телец, верблюд (самка, самец), лошадь, мул, осел, свинья, слон, собака, волк, обезьяна. Также, на основе анализа статистических данных можно будет сделать вывод о том, какие существа и в каком проявлении играют большую роль в Коране.

На основании изучения «тафсиров» (толкований) к кораническим аятам и анализа их символического значения нами были выделены следующие положительные образы представителей фауны, которые упоминаются в Коране в исключительно благоприятном контексте.

Говоря о видах птиц, стоит отметить, что практически во всех случаях их упоминание имеет позитивный аспект.

Так, в суре «Муравьи» упоминается эпизод, в котором пророк Сулейман осматривал свое войско и заметил в нем отсутствие удода:

И он стал разыскивать птиц и сказал: «Почему это я не вижу удода? Или он отсутствует?». (сура «Муравьи», аят 20).

Удод воспринимался как подчиненный, выполнявший определенные задания, и его отсутствие не осталось незамеченным.

Другая птица, которая в Коране обозначается как «блага» (طَيِّبَاتٍ) – это перепел. Все три раза перепел упоминается в одинаковом контексте, где речь идет о ниспослании Аллахом манны и перепелов для народа Израиля.

Мы разделили их на двенадцать колен – поколений. А когда его народ попросил его напоить их, Мы внушили Мусе: «Ударь своим посохом по камню!». И изверзлись из него двенадцать ключей, и узнал каждый род свое место для питья. И осенили Мы их облаком и низвели им манну и перепелов: «Вкушайте блага, которыми Мы вас наделили!». Они не обидели Нас, но самих себя обидели (сура «Преграды», аят 160).

В данном контексте очевидно, что перепел, как и манна, ассоциируется с благами Аллаха, которые были посланы Им для пропитания.

Далее, среди насекомых особым символизмом обладает пчела. В суре «Пчелы» ей уделено особое внимание:

И твой Господь вменил пчеле: «Устраивай себе жилище в горах, в деревьях и в людских постройках; питайся всякими плодами, летай смиренно по путям, (проложенным) твоим Владыкой». Из внутренностей их питье выходит, что различается по цвету, – в котором врачеванье для людей, и здесь, поистине, знамение для тех, кто размышленьям предается (сура «Пчелы», аят 68). Пчела олицетворяет идеал покорности воле Творца, трудолюбия и исцеления.

Также положительными свойствами обладают вьючные животные (верблюды (сура «Преграды» аят 73), мулы-ослы (сура «Пчелы», аят 8) и лошади (сура «Добыча», аят 60).

Отрицательными же свойствами обладают следующие представители фауны: насекомые, в т.ч. мотылек (сура «Женщины», аят 101) – воплощение хрупкости, уязвимости, паники; паук (сура «Паук», аят 41) – используется для сравнения его со слабыми людьми-многобожниками; саранча и вши (сура «Преграды», аят 113) – Божественная кара; млекопитающие: Золотой телец (сура «Корова», аят 93) – символом поклонения денег и ложным богам; свинья (сура «Трапеза», аят 3) – харамное животное, волк (сура «Йусуф», аят 13) – хищник, по легенде убивший Иосифа, обезьяна (сура «Преграды», аят 166) – жалкое и презренное животное.

В Коране также можно выделить представителей фауны, которые имеют нейтральный смысл. Например, ворона (сура «Трапеза», аят 31) – способствовала раскаянию человека; комар (сура

«Корова», аят 26) – демонстрация совершенства даже мельчайших творений Аллаха; муха (сура «Закутавшийся», 78) – олицетворяет маленькое, но совершенное творение; муравей (сура «Муравьи», аят 18) – история с Сулейманом показывает внимание Аллаха ко всем созданиям; слон (сура «Слон», аят 1) и рыба/кит – часть сюжета; овца и коза (сура «Скот», аят 143) – объяснение принципов халяля; корова (сура «Корова», аят 68) – история с израильянами демонстрирует важность следования указаниям Бога; собака – отрицательное сравнение (сура «Преграды», аят 173) и положительный образ верного стража (сура «Пещера», аят 18).

В коранической картине мира животные с положительной коннотацией воплощают божественную мудрость, милость и порядок. Удод и перепел символизируют покорность и попечение Творца, пчела – трудолюбие и исцеление, а верблюдица выступает прямым знаменем Аллаха. Лошади и вьючный скот подчеркивают заботу о нуждах человека. Эти образы полифункциональны: они демонстрируют совершенство творения, подают пример для подражания (покорность пчелы) и напоминают о благодарности за дары. Характерно, что позитивная символика сопряжена с практической пользой животного или его ролью в сакральных событиях.

Отрицательная символика выполняет предостерегающую функцию. Мотыльки олицетворяют беспомощность в Судный день, паук – тщету многобожия, а саранча, вши и жабы предстают орудиями кары. Свинья маркирует скверну, золотой телец – идолопоклонство. Эти образы предупреждают о духовных угрозах: гордыне, служении ложным ценностям и нарушении сакральных запретов. Примечательно, что нейтральные в иных контекстах существа (та же саранча) внутри назидательных историй обретают резко негативный смысл.

Представители фауны с нейтральной коннотацией (ворон, муравей, слон, собака) раскрывают многогранность коранического нарратива. Их семантика сугубо контекстуальна: ворон учит покаянию, комар и муха акцентируют всемогущество Аллаха, корова испытывает веру. Особый интерес представляет амбивалентность: собака воплощает как низменные инстинкты (сура «Преграды», аят 174), так и преданность (сура «Пещера», аят 18). Нейтральные

образы часто функционируют как инструменты божественного провидения, элементы сравнения или религиозной регламентации.

Исламская традиция выстроила многоуровневую систему символов, где каждое существо занимает свое уникальное место. Доминирование домашних видов (65,58 %) не отменяет духовной глубины: напротив, именно через повседневные, знакомые образы Коран доносит важнейшие религиозные истины. Кораническая зоосимволика предстает гармоничной системой, в которой количественное распределение (от 65,58 % до 0,65 %) идеально соотносено и с практическими нуждами человека, и с духовными задачами Откровения. Даже, казалось бы, незначительные детали оказываются элементами единой божественной мудрости, подтверждая глубину и продуманность коранического текста.

Литература и источники:

1. Ан-Нахль. Тафсир ас-Саади. – URL: <https://xn----8sbemuhsaeiwd9h5a9c.xn--p1ai/chitat-koran-na-arabskom/an-nahl/> (дата обращения: 29.06.2025).
2. Козлов В.В. Религиозные символы и их функции / В.В. Козлов. – М.: Наука, 2010. – 45 с.
3. Коран: перевод смыслов И.Ю. Крачковского / пер. с араб. И.Ю. Крачковский. – М.: Эксмо, 2024. – 576 с.

Атяков М.С. (РИИ, Казань)

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ВОЕННОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА (НА ОСНОВЕ
МАТЕРИАЛОВ ИНТЕРНЕТ-САЙТА «ARABIC.
RT.COM»)**

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент,
проректор по научной работе, доцент кафедры филологии и
страноведения РИИ; доцент кафедры арабистики, исламоведения и
афро-азиатских исследований ИМОИиВ КФУ Закиров Р.Р.)*

Аннотация: *В статье рассматриваются основные лексико-семантические группы военной терминологии современного арабского языка (на материале публикаций сайта «arabic.rt.com»). Анализ показывает, что военно-политический новостной дискурс формирует относительно устойчивый состав терминов, связанных с наименованием военных институтов, видов вооружений, боевых действий, оборонительных мероприятий и учебно-тренировочной деятельности. Установлено, что для языка арабских СМИ характерно сочетание собственно терминологической лексики с общеупотребительными словами, которые в военном контексте получают специализированное значение. Отдельное внимание уделяется высокой частотности словосочетаний с компонентами «عملية عسكرية», «صاروخ», «الدفاع», «الجيش», а также тенденции к детализации военного сообщения через уточняющие определения.*

Ключевые слова: арабский язык, военная терминология, лексико-семантические группы, язык СМИ, «arabic.rt.com», военно-политический дискурс, арабская лексика.

Военная терминология современного арабского языка представляет собой динамичную и внутренне организованную систему, особенно отчетливо проявляющуюся в новостных текстах [1, с. 46].

Материалы сайта «arabic.rt.com» показывают, что в арабском медиадискурсе военная лексика используется не только для передачи фактов, но и для структурирования самого сообщения: через термин обозначаются участники конфликта, характер действия, степень угрозы и предполагаемый результат. Именно поэтому анализ лексико-семантических групп позволяет увидеть не отдельные слова, а принципы организации военной картины мира в арабоязычных СМИ.

Первая и наиболее устойчивая группа – это номинации военных институтов, структур и субъектов. В публикациях регулярно встречаются слова «الجيش» – «армия», «وزارة الدفاع» – «министерство обороны», «الحرس» – «гвардия», «قوات عسكرية» – «военные силы», «مقر أركان الجيش» – «штаб армии» [5].

Эти единицы выполняют базовую идентифицирующую функцию и, как правило, входят в состав развернутых синтагм. Так, слово «الجيش» на сайте употребляется не изолированно, а в сочетаниях типа «الجيش المصري», «الجيش الإسرائيلي», что отражает типичную для новостного стиля модель точной институциональной конкретизации. В результате, термин становится не просто названием, а маркером политико-географической принадлежности [6].

Вторая значимая группа включает наименования боевых действий и оперативных процессов. К ней относятся слова «هجوم» – «атака», «нападение», «إطلاق» – «запуск», «пуск», «اعتراض» – «перехват», «تدمير» – «уничтожение», «رصد» – «обнаружение», «фиксирование», «حشد» – «стягивание», «концентрация»,

«نفيذ عملية عسكرية» – «осуществил военную операцию». Эта группа особенно показательна с точки зрения семантической подвижности: часть единиц принадлежит общезыковому словарю, однако в военном контексте получает терминологическую точность. Например, глагольное существительное «إطلاق» в обычной речи может обозначать любой «запуск», но в сообщениях о конфликте оно устойчиво соотносится с пуском ракеты. Аналогично «رصد» в медиатексте становится термином оперативного наблюдения и фиксации угрозы [2, с. 567].

Третью группу образуют наименования вооружения, техники и средств поражения. Среди наиболее частотных единиц в материалах «arabic.rt.com» выделяются «صاروخ» – «ракета», «صاروخ باليستي» – «баллистическая ракета», «صاروخ فرط صوتي» – «гиперзвуковая ракета», «منصات إطلاق الصواريخ» – «пусковые установки ракет», «قنابل» – «бомбы», «الذخيرة الحية» – «боевые патроны», «боеприпасы». Для данной группы характерна высокая степень терминологической детализации. Если слово «صاروخ» выступает как обобщенное наименование, то определения «باليستي» и «فرط صوتي» уточняют тип оружия и повышают информативную плотность текста. Это свидетельствует о стремлении новостного дискурса сочетать доступность изложения с признаками экспертности [2, с. 389].

Отдельно следует выделить лексику обороны и противодействия: «الدفاع» – оборона, «دفاعات» – «оборонительные средства», «اعتراض وتدمير» – «перехват и уничтожение», «هدف حساس» – «чувствительная/важная цель», «الرقابة العسكرية» – «военная цензура». Эта группа демонстрирует, что военная терминология в арабских СМИ описывает не только наступательное действие, но и механизмы защиты, контроля и сдерживания. Показательно, что слова со значением обороны часто сопровождаются оценочными или уточняющими компонентами, усиливающими прагматический эффект

сообщения. Например, выражение «هدف إسرائيلي حساس» не просто называет объект, но и маркирует его стратегическую значимость.

Еще одна важная группа – лексика учений, подготовки и боеготовности. В проанализированных публикациях встречаются «مناورة عسكرية» – «военные маневры», «تدريبات» – «учения», «тренировки», «بالذخيرة الحية» – «с боевыми боеприпасами», «جهزت دفاعاتها» – «подготовила свою оборону». Эти единицы занимают промежуточное положение между собственно военной и административно-организационной лексикой. Их функция состоит в том, чтобы показать состояние готовности, степень мобилизации и способность субъекта к реагированию. В новостном тексте подобная лексика часто создает фон потенциальной угрозы даже при отсутствии непосредственного боевого столкновения [3, с. 78].

Материалы сайта «arabic.rt.com» также позволяют отметить важную особенность арабской военной терминологии – активное образование устойчивых словосочетаний. Наиболее продуктивны модели типа существительное + определение «صاروخ باليستي, عملية» и «عسكرية نوعية» и изафетная конструкция «مقر أركان الجيش». Именно словосочетание, а не отдельное слово, нередко выступает полноценной терминологической единицей. Это объясняется потребностью в максимальной точности при описании военных событий, где значение каждого компонента влияет на интерпретацию сообщения [4, с. 157].

Таким образом, военная терминология арабского языка в материалах сайта «arabic.rt.com» организуется вокруг нескольких ключевых лексико-семантических групп: наименований военных структур, обозначений боевых действий, названий вооружения, лексики обороны и единиц, связанных с учениями и подготовкой. Анализ показывает, что язык арабских СМИ сочетает терминологическую точность, политическую маркированность и синтаксическую компактность. Это делает военный новостной текст не только информативным, но и лингвистически показательным материалом для изучения современной арабской специальной лексики.

Литература и источники:

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В.В. Акуленко. – Харьков: ХГУ, 1972. – 215 с.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К. Баранов // под ред. В.А. Костина. – М.: Валерий Костин, 2007. – 944 с.
3. Ковыршина Н.Б. Лексикология арабского языка: учебное пособие / Н.Б. Ковыршина, Л.В. Самоделкина. – М.: РУДН, 2008. – 150 с.
4. Лейчик, В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. М.: Либроком, 2012. – 264 с.
5. Arabic.rt.com. الرقابة العسكرية الإسرائيلية: قنابل من صاروخ انشطاري. <https://arabic.rt.com/press/1751818>
6. Arabic.rt.com. الولايات المتحدة تحشد قوات عسكرية قرب حدود إيران. <https://arabic.rt.com/world/1774847>.

Галимов А.А. (РИИ, Казань)

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧАСТИЙ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В СУРЕ «КОРОВА» КОРАНА

(Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ИФМК КФУ; профессор кафедры филологии и страноведения РИИ Фаттахова Н.Н.)

Аннотация: *Статья посвящена синтаксическому анализу причастий страдательного залога в суре «Корова» Корана. Рассматриваются их функции в структуре коранического текста, особенности употребления в роли определения, сказуемого и других синтаксических элементов. Анализ показывает, что причастия страдательного залога преимущественно выполняют атрибутивную функцию, уточняя и конкретизируя значение существительных в составе именных конструкций.*

Ключевые слова: *арабский язык, Коран, сура «Корова», причастие страдательного залога, синтаксис, именная группа, определение, предикативная конструкция, арабская грамматика.*

Синтаксический анализ причастий страдательного залога позволяет определить их функции в структуре коранического текста и установить характер их связи с другими компонентами предложения. В отличие от морфологического исследования, которое сосредоточено на строении слова и его словообразовательной модели, синтаксический подход направлен на изучение роли причастия в

составе высказывания, его позиции в аяте и особенностей функционирования в различных типах конструкций [4, с.100].

Причастия страдательного залога в арабском языке обладают широкими синтаксическими возможностями. Они могут выступать в роли определения (نعت), сказуемого, подлежащего или элемента обстоятельственной конструкции. Однако в кораническом тексте их функционирование отличается высокой степенью встроенности в именную структуру предложения, что особенно заметно в суре «Корова».

В 25-м аяте слово «مُطَهَّرَةٌ» выполняет функцию согласованного определения (نعت) при существительном «أَزْوَاجٌ» и образует с ним словосочетание «أَزْوَاجٌ مُطَهَّرَةٌ». Причастие находится в полной синтаксической зависимости от определяемого слова и не образует самостоятельного центра высказывания. Его функция заключается в уточнении признака существительного внутри именной группы. За счет этого описание развивается не через отдельную предикативную конструкцию, а посредством расширения именной структуры [1, с. 25].

В 71-м аяте слово «مُسَلَّمَةٌ» также выступает в роли согласованного определения при слове «بَقْرَةٌ». Оно входит в состав конструкции «بَقْرَةٌ مُسَلَّمَةٌ» и функционирует исключительно внутри данной именной группы. Причастие участвует в последовательном раскрытии характеристик объекта, входя в ряд однородных описательных элементов. Таким образом, синтаксическая структура сохраняет единство, а детализация достигается средствами внутреннего описания [1, с. 60].

В 80-м аяте форма «مَعْدُودَةٌ» употребляется как определение при существительном «أَيَّامًا» в словосочетании «أَيَّامًا مَّعْدُودَةٌ». С синтаксической точки зрения причастие остается зависимым компонентом внутри именной конструкции и не участвует в формировании предикативной основы предложения. Особенность данного употребления заключается в передаче значения ограниченности количества через внутреннюю структуру словосочетания [1, с. 70].

В 85-м аяте слово «مَحْرَمٌ» занимает позицию именной части сказуемого в конструкции «وَهُوَ مُحْرَمٌ عَلَيْكُمْ». Здесь причастие страдательного залога уже не является зависимым определением, а выполняет функцию центрального элемента предикативной структуры. Оно связано с местоимением «هُوَ» и формирует законченное высказывание, выражающее состояние запрета. Дополнение «عَلَيْكُمْ» реализует значение направленности данного состояния [1, с. 75].

В 164-м аяте форма «الْمُسْحَرِ» выступает как определение при слове «السَّحَابِ» в словосочетании «السَّحَابِ الْمُسْحَرِ». Причастие включено в развернутую перечислительную конструкцию, связанную с выражением «إِنَّ فِي... لآيَاتٍ». Оно функционирует внутри именной группы и входит в систему однородных элементов, раскрывающих признаки божественных знамений [1, с. 130].

В 184-м и 203-м аятах слово «مَعْدُودَاتٍ» употребляется как согласованное определение при существительном «أَيَّامٍ». В обоих случаях причастие выполняет функцию уточнения временного ограничения внутри предложно-именной конструкции. При этом оно остается зависимым компонентом и не образует самостоятельного синтаксического центра [1, с.155].

В 197-м аяте слово «مَعْلُومَاتٌ» входит в состав словосочетания «أَشْهُرٌ مَعْلُومَاتٌ» и функционирует как определение при существительном «أَشْهُرٌ». Особенность данной конструкции заключается в том, что причастие участвует в формировании характеристики внутри составного сказуемого, сохраняя зависимое положение по отношению к имени [1, с.165].

В 228-м аяте слово «الْمُطَلَّقاتُ» занимает позицию подлежащего в предложении «وَالْمُطَلَّقاتُ يَتَرَبَّصْنَ». В данном случае причастие страдательного залога функционирует как самостоятельное имя существительное, обозначающее категорию лиц, над которыми совершено действие. Оно управляет всей последующей предикативной частью и становится основой синтаксической структуры аята [1, с.180].

В 282-м аяте форма «**مُسَمَّى**» входит в состав предложно-именной конструкции «**إِلَى أَجَلٍ مُّسَمًّى**» и выполняет функцию определения при слове «**أَجَلٍ**». Вся конструкция выступает обстоятельством времени, связанным с глаголом «**تَدَايَنْتُمْ**». Причастие участвует в уточнении временного значения, оставаясь внутренним компонентом обстоятельственного оборота [1, с. 320].

В 283-м аяте слово «**مَقْبُوضَةٌ**» употребляется в конструкции «**رِهَانٌ مَّقْبُوضَةٌ**» и выполняет функцию согласованного определения при существительном «**رِهَانٌ**». Причастие находится внутри условно-результативной конструкции и не образует самостоятельного предикативного центра. Его синтаксическая роль ограничивается характеристикой предмета в рамках именной группы [1, с.321].

Проведенный анализ показывает, что причастия страдательного залога в суре «Корова» преимущественно функционируют как зависимые элементы именной структуры. В большинстве случаев они выступают в роли согласованных определений, уточняющих значение существительных и обеспечивающих детализированность описания [2, с.190].

Значительно реже причастия страдательного залога выполняют предикативные функции, занимая позицию сказуемого или подлежащего. Однако даже в этих случаях они сохраняют тесную связь с именной системой предложения и демонстрируют высокую степень синтаксической интеграции [3, с.100].

Таким образом, причастия страдательного залога в суре «Корова» являются важным средством синтаксической организации коранического текста. Они обеспечивают компактность выражения, способствуют уточнению значения и позволяют развивать описание внутри именной конструкции без перехода к отдельным предикативным предложениям.

Литература и источники:

1. Коран / Перевод смыслов и комментарии И.Ю. Крачковского. – М.: Восточная литература, 1990. – 727 с.

2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М.: Восточная литература, 1998. – 592 с.

3. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г.Ш. Шарбатов. – М.: Восточная литература, 2000. – 751 с.

4. Хайбуллин И.Р. Синтаксис арабского литературного языка / И.Р. Хайбуллин. – Казань: КФУ, 2015. – 214 с.

*Губайдуллина Р.А. (Школа №42 имени
Героя России Д.Р. Гилемханова, Казань)*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООНИМОВ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

*(Научный руководитель – учитель английского языка высшей
квалификационной категории Школы №42 имени Героя России
Д.Р. Гилемханова Шорина С.В.)*

***Аннотация:** Статья посвящена употреблению зоонимов (названий животных) в русском, татарском и английском языках. Исследование сосредоточено на названиях животных, выражающих человеческие характеристики, которые основаны на ассоциациях с животными. Также рассматривается взаимодействие языка и культуры.*

***Ключевые слова:** паремия, зоонимы, фразеологическая единица.*

Приоритетным направлением современной лингвистики является изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. Фундаментальная задача данного направления – выявление взаимосвязи между языком и ментальностью индивида и этноса.

Зоонимы обычно используются, чтобы дать характеристику человеку. Они могут быть использованы, чтобы выразить такие чувства, как негодование, ненависть, неприятие и привязанность. Большинство англичан, русских и татар используют их, когда разговаривают друг с другом, и поэтому они составляют важную

часть их языка. Они также могут отражать традиции, менталитет и культуру каждого народа. Исследование сосредоточено на названиях животных, выражающих человеческие характеристики, основанные на ассоциациях с животным миром. Эти слова рассчитаны, главным образом, на общих аспектах поведения животного и человека. Автор проанализировал их видовую природу, что дало возможным рассмотреть отношения между яркой семантикой названий животных и характером их составляющих.

Главная мысль исследования – зоонимы в любом языке способствуют более разнообразному описанию человека, вынося на первый план множество его характеристик. Они также служат для выражения, как абстрактных понятий, так и личностных ценностей. Зоонимические названия приписывают различные качества человеку и отражают очень важную часть человеческого мышления. Согласно фактам, наиболее часто используются такие неодобрительные характеристики, как хвастун и болтун. В качестве одобрения чаще всего можно услышать слова со значением «осторожность» и «смелость».

Анималистический компонент ярче, чем в любой другой области языка, отражает особенности осмысления внеязыковой реальности, когда образы животных в разных языках наделяются, на первый взгляд, совершенно немотивированными свойствами. Зоохарактеристика человека, возникая на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко и непосредственно отражает национальную самобытность языков через систему оценочных образов, характерных для данного этноса. В пословично-поговорочном пространстве подобных оценок важная роль принадлежит интегральному компоненту «трудолюбивый». В языках и национальных культурах содержательный признак «отношение человека к труду» входит в ряд основополагающих абстрактных понятий, имеющих непосредственное отношение к жизни людей.

В английском и татарском языках встречаются названия целого ряда животных, с именами которых ассоциируется такая черта человека, как «трудолюбивый» в лексических парах horse – ат (лошадь), dog – эт (собака), и wolf – буре (волк), например, в английском языке: «A horse that will not carry a saddle must have no

oats» – «Кто не работает, тот не ест»; «The wolf that wants to find the meat must trot all day on his own feet» – «Волка зубы (ноги) кормят». В татарском языке, например: «Азыклы ат арымас» – букв. «Сытая лошадь не устанет»; «Ат тартмый, азык тарта» – букв. «Не лошадь тянет, а еда».

Следует отметить также, что большое количество идиоматических выражений с именами животных выражают одобрение приобретению положительного жизненного опыта, побуждают молодых брать пример с более старших, бывалых и компетентных в какой-либо области, тех, кого «не проведешь», например, в английском языке: «You cannot catch an old bird with chaff» – «Воробья на мякине не проведешь». В татарском языке данной пословице соответствует следующая: «Карт чыпчык кипкән ипигә алданмас» – «Старого воробья на мякине не проведешь»; «An old dog barks not in vain» – «Карт эт жилгә өрми» – «Старый пес на ветер не лает»; «Old fox wants no tutors» – «Карт төлке юлны таба» – букв. «Старая лиса дорогу найдет» («Старой лисе учителя не нужны»). Дескрипция «опытный» в английском и татарском языках выражена посредством прилагательного (англ.) – old, (тат.) – карт. В данном случае это вполне оправдано, так как с возрастом человек становится мудрее, опыт позволяет ему быстрее ориентироваться в ситуации, а, следовательно, с прагматической точки зрения он более успешен, приспособлен к жизни.

В целом, традиционный выбор анималистического компонента в паремиологическом фонде русского, английского и татарского языков имеет много общего, как в теоретическом аспекте, так и с точки зрения оценочной характеристики. Исследования показывают, что своеобразие языковых традиций употребления анималистического компонента в качестве компонентов пословиц и поговорок есть яркое проявление национального лингвистического своеобразия.

Таким образом, пословицы и поговорки имеют цель оценить отрицательные / положительные качества человека посредством сравнения его с предметом, имеющим подобные свойства. Народные сказки, пословицы, поговорки с ранних пор формируют в сознании людей отношение к объектам живой природы через их

сравнение с людьми. Переносно-образное значение «животное – человек» оказывается неотъемлемым элементом национальной картины мира, сформировавшимся на протяжении веков.

Литература и источники:

1. Арсеньева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц: на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках / Е.Ф. Арсеньева. – М. Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.
2. Бичурина Г.И. Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках / Г.И. Бичурина. – Казань, 1987.
3. Дубровин М.И. A book of Russian Idioms Illustrated. – М.: Русский язык, 1987. – 328 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М. Русский язык, 1984. – 944 с.
4. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1989. – 352 с.
5. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений / [Сост. А.А. Хазан]. – Смоленск: Русич, 2001. – 555 с.

Даянова Н.Р. (РИИ, Казань)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АРАБСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СВЯЩЕННОГО КОРАНА)

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков в сфере международных отношений
ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры филологии и страноведения РИИ
Муллагалиев Н.К.)*

Аннотация: *В статье рассматривается проблема передачи деонтической модальности (предписаний, запретов и долженствования) при переводе Священного Корана с арабского языка на английский язык. Проводится сопоставительный анализ грамматических средств выражения модальности в арабском оригинале (أمر، نهي، جزم) и их английских эквивалентов (императив, модальные глаголы *must, should, ought to*). На материале избранных аятов демонстрируется, как прямая грамматическая замена может приводить к утрате сакрального регистра и теологической точности религиозно-правовых норм.*

Ключевые слова: деонтическая модальность, перевод Корана, арабский язык, английский язык, религиозный дискурс, повелительное наклонение, запрет, лингвистический анализ.

В условиях мультиконфессионального пространства точность передачи религиозных текстов играет ключевую роль в межрели-

гиозном диалоге. Особую сложность представляет перевод деонтической модальности – категории, выражающей волеизъявление говорящего в форме предписания, запрета, разрешения или долженствования. В Священном Коране деонтическая модальность является фундаментальной, так как текст выступает источником исламского права (Шариата) и духовного наставления.

Цель данной работы – выявить лингвистические особенности выражения предписаний и запретов в арабском оригинале Корана и проанализировать адекватность их передачи в англоязычных переводах.

В арабском языке деонтическая модальность обладает богатой морфологической базой. Основные средства выражения предписания включают:

Повелительное наклонение (فعل أمر): например, اَفْعَلْ («сделай»).

Отглагольное существительное (مصدر): часто используется для выражения категоричного приказа.

Имя действия: передает необходимость или обязательность.

Для выражения запрета (نهي) используется частица لَا («нет») с глаголом в форме جزم (усеченное наклонение).

В английском языке система деонтической модальности опирается преимущественно на вспомогательные глаголы (must, should, ought to) и повелительное наклонение (Imperative Mood). Однако здесь возникает системная асимметрия: английские модальные глаголы градуируют степень обязательства (от строгого must до рекомендательного should), тогда как в арабском тексте модальность часто задается не только формой глагола, но и контекстом, статусом говорящего (Аллах) и наличием сопутствующих частиц усиления.

Рассмотрим примеры передачи повелительного наклонения (предписания).

Пример 1: В Священном Коране сказано وَأَقِيمُوا الصَّلَاةَ – «И выстаивайте молитву» (сура «Корова», аят 43).

В данном аяте используется повелительное наклонение глагола أَقِيمُوا во множественном числе. В исламской герменевтике это предписание понимается как обязательное (фард).

Перевод М.А.С. Абдель Халима: «And establish prayer...»

Перевод А.Ю. Али: «And be steadfast in prayer...»

Перевод Абдель Халима использует нейтральный императив «establish», который точно передает действие, но не маркирует степень обязательности. Англоязычный читатель может воспринять это как общее наставление. Перевод Юсуфа Али добавляет усиление «be steadfast» («будьте стойкими/постоянными»), что семантически ближе к духовному смыслу арабского корня قوم («стоять прямо, выстаивать»), но также не использует грамматических маркеров строгости закона.

Ситуация усложняется при передаче запретов (نهى), где важно передать не просто «не делай», а «строго запрещено».

Пример 2: Так же в Священном Коране приводится аят لَا تَقْرَبُوا الزَّيْنَةَ – «Не приближайтесь к прелюбодеянию» (сура «Ночной перенос», аят 32).

Здесь используется конструкция запрета: частица لَا + глагол в جزم. Особенность данного аята в том, что запрет наложен не на сам акт, а на приближение к нему (превентивный запрет).

Перевод Абдель Халима: «Do not approach unlawful sexual intercourse.»

Перевод Юсуфа Али: «Come not nigh unto adultery...»

В переводе Абдель Халима используется стандартная конструкция «Do not». В современном английском языке это универсальный маркер запрета, который используется как в юридических текстах, так и в бытовых инструкциях. Из-за этой универсальности теряется сакральная «тяжесть» запрета.

Юсуф Али использует инверсию «Come not nigh» и архаичное наречие «nigh» («близко»). Стилистически этот вариант звучит более торжественно и ближе к религиозному дискурсу, создавая ощущение древнего закона, что лучше соответствует статусу Корана.

Пример 3: Передача долженствования через модальные глаголы.

Часто переводчики вынуждены вводить модальные глаголы там, где в арабском тексте стоит безглагольное предложение или имя действия, подразумевающее обязанность.

Так, например, в аяте Священного Корана говорится:...**فَمَنْ شَهِدَ** **مِنْكُمُ الشَّهْرَ فَلْيَصُمْهُ** – «...то пусть постится его» (сура «Корова», аят 185).

Здесь используется частица **فل** (так называемый «**لام الأمر – لام**» приказа), которая придает глаголу значение строгого повеления.

Перевод Абдель Халима: «...anyone of you who sees the new moon of that month should fast...»

Перевод Юсуфа Али: «...if any of you are present in his home-country during the month, he should fast...»

В обоих случаях переводчики выбрали модальный глагол «should». С точки зрения строгой грамматики английского языка, «should» выражает рекомендацию или мягкий совет, тогда как «must» – жесткую обязанность. Использование «should» для перевода религиозного поста (который является обязательным в исламе) является семантическим сдвигом, ослабляющим нормативный статус предписания. Более точным с точки зрения «фикха» (исламского права) было бы использование «must», однако переводчики, вероятно, руководствовались стилистическими соображениями, чтобы избежать чрезмерной жесткости тона.

Анализ показывает, что при переводе деонтической модальности Корана на английский язык возникают следующие проблемы:

Нивелирование градации строгости: Арабский язык различает предписание (**أمر**), запрет (**نهي**) и рекомендацию через тонкие морфологические изменения и контекст. Английский язык часто сводит их к стандартным «Do / Don't» или «Should», что размывает границы между религиозным законом и этическим советом.

Проблема сакрального регистра: Прямые императивы в современном английском («Do not») воспринимаются как бытовые команды. Для передачи величия Божественного повеления переводчикам приходится прибегать к стилизации (архаизмы у Юсуфа Али) или экспликации смысла.

Искажение правовых норм: Использование модального глагола «should» (рекомендация) вместо «must» (обязанность) в контексте религиозных предписаний может вводить немусульманского читателя в заблуждение относительно обязательности тех или иных норм ислама.

В условиях мультиконфессиональной академической среды рекомендуется при переводе религиозных текстов отдавать предпочтение стратегиям, сохраняющим нормативную силу оригинала (использование «must», «shall» в юридических контекстах), либо сопровождать переводы пояснительными комментариями, разъясняющими статус предписания в исламском праве.

Литература и источники:

1. Бекиров Р.А. Средства выражения модальности в английском и арабском языках / Р.А. Бекиров // Современное педагогическое образование. – 2022. – №4.

2. Фролова Л.Н. Лексико-семантические особенности перевода Корана / Л.Н. Фролова // Вестник Адыгейского государственного университета. –2009. – №2. – С. 208–211.

3. Abdel Haleem M.A.S. The Qur'an: A New Translation. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

4. Palmer F.R. Mood and Modality / F.R. Palmer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

5. Yusuf Ali A. The Holy Qur'an: Text, Translation and Commentary. – Lahore: Sh. Muhammad Ashraf, 1938.

Зиякаев Р.Ш. (КФУ, Казань)

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРАБСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ КОРАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ (611–661 ГГ.): АНАЛИЗ КАСЫДЫ ХАССАНА ИБН САБИТА

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе, доцент кафедры филологии и страноведения РИИ; доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований ИМОИиВ КФУ Закиров Р.Р.)

Аннотация: *В статье анализируется касыда Хассана ибн Сабита как образец трансформации доисламского поэтического дискурса под влиянием коранического откровения. Рассматриваются коранические лексические заимствования, аллюзии и смыслы, формирующие новый религиозно-поэтический синтез раннеисламской литературы.*

Ключевые слова: *касыда, Хассан ибн Сабит, Коран, коранический дискурс, арабская поэзия, исламская литература, аллюзия, религиозная лексика, раннеисламский период, поэтический дискурс.*

Период 611–661 гг. ознаменован радикальной трансформацией арабской литературной традиции под воздействием коранического откровения. Доисламская касыда, ориентированная на прославление племенных ценностей, претерпевает глубокое переосмысление: пространство поэтического текста заполняется новой

религиозной лексикой, смыслами и аллюзиями [2, с. 10]. Ярким примером этого процесса служит творчество Хассана ибн Сабита (563–674) – официального поэта пророка Мухаммада, ﷺ, чья касыда «‘Афат зату ль-асаби‘» (عَفَّتْ ذَاتُ الْأَصَابِعِ) демонстрирует органичное соединение традиционной поэтики с кораническим мировоззрением.

Анализ лексического состава касыды выявляет ряд терминов и словосочетаний, восходящих непосредственно к тексту Корана. Коранический язык проникает в поэзию не как внешнее украшение, но как органическая часть нового исламского мировоззрения [4, с. 129]. Наиболее показательна строфа: «/ وَقَالَ اللَّهُ قَدْ يَسَّرْتُ جُنْدًا / هُمُ الْأَنْصَارُ عُرَضَتْهَا اللَّقَاءُ» – «И сказал Аллах: Я снарядил войско, – / они Ансары, назначение которых – сражение» [3, с. 20]. Термин «الْأَنْصَارُ» («ансары», «помощники») приобрел в Коране статус почетного звания (сура «Покаяние», аят 100), и поэт сознательно воспроизводит его, включая своих соратников в сакральное пространство коранического текста [2, с. 156].

Не менее значима строка: «وَرُوحُ الْقُدْسِ لَيْسَ لَهُ كِفَاءٌ» – «и Дух Святой, которому нет равных» [3, с. 20]. Словосочетание «رُوحُ الْقُدْسِ» («Дух Святой») встречается в Коране в нескольких местах, в том числе в суре «Корова», аят 87 и суре «Пчела», аят 102. Характерно, что в данном бейте Джабраил и «Рух аль-Кудус» поставлены рядом – что соответствует коранической идентификации. Хассан использует оба наименования, подчеркивая сакральную поддержку пророческой миссии.

Касыда насыщена имплицитными отсылками к кораническому тексту, функционирующими на уровне образа и мотива. Строфа «وَاللَّيْلُ فَاصْبِرُوا لِحَلَالِ يَوْمٍ / يُعِينُ اللَّهُ فِيهِ مَنْ يَشَاءُ» – «Иначе терпите сражение дня, / в котором Аллах помогает, кому пожелает» – отражает коранический мотив Божественного избрания и помощи [3, с. 20]. Словосочетание «يُعِينُ اللَّهُ ... مَنْ يَشَاءُ» («Аллах помогает, кому пожелает») отсылает к коранической формуле о всемогуществе и избирательности Божьей воли, пронизывающей весь Коран (сура «Корова», аят 90; сура «Семейство Имрана», аят 13). Характерно, что в

доисламской поэзии помощь в бою приписывалась богам-идолам, удаче («бахт») или собственной доблести («мурувва»). Здесь же поэт полностью переходит к монотеистической теологии Корана.

Строфа «وَقَالَ اللَّهُ قَدْ أَرْسَلْتُ عَبْدًا / يَقُولُ الْحَقَّ إِنْ نَفَعَ الْبَلَاءُ» – «И сказал Аллах: Я послал раба, / который говорит истину, если полезно испытание» – представляет собой развернутую аллюзию на аяты о миссии пророка Мухаммада 3] ﷺ, с. 20]. Слово «‘абд» («عبد») в применении к пророку Мухаммаду ﷺ является глубоко кораническим: «Хвала Тому, Кто перенес ночью Своего раба» (сура «Ночной перенос», аят 1). Назвать пророка Мухаммада ﷺ «рабом Аллаха» – значит употребить высший коранический титул, указывающий на близость к Богу. В джахилийской поэзии «‘абд» нередко имело уничижительный оттенок. В коранической системе ценностей быть «‘абд Аллаха» – это наивысший статус. Хассан переосмысляет традиционное слово в свете коранического ценностного переворота.

На уровне смысловых структур касыда воспроизводит ключевые теологические концепции Корана. Прежде всего, это идея воздаяния: «هَجَوْتُ مُحَمَّدًا فَأَجَبْتُ عَنْهُ / وَعِنْدَ اللَّهِ فِي ذَاكَ الْجَزَاءُ» – «Ты поносил Мухаммада, и я ответил за него, / и у Аллаха за это воздаяние» [3, с. 20]. Понятие «الْجَزَاءُ» («воздаяние») является одним из центральных в коранической этике и эсхатологии (сура «Корова», аят 85; сура «Семейство Имрана», аят 182). В доисламской поэзии слово «джаза’» означало мирское возмездие, месть или благодарность. Хассан помещает поэтическую полемику в контекст Божественного суда, перенося ее из племенного в эсхатологическое измерение – что является характерной чертой исламского мировоззрения.

Стих «هَجَوْتُ مُبَارَكًا بَرًّا حَنِيفًا / أَمِينَ اللَّهِ شَيْمَتُهُ الْوَفَاءُ» – «Ты поносил благословенного, праведного, ханифа, / верного Аллаха, чья природа – верность» [3, с. 20]. Эпитеты «مُبَارَكًا» («благословенный»), «بَرًّا» («праведный»), «حَنِيفًا» («ханиф – чистый монотеист») и «أَمِينَ» («доверенный Аллаха») восходят к кораническому словарю описания пророков. Последний термин является исключительно кораническим: «Ханифом» в Коране называется Ибрахим как об-

разец чистого монотеизма (сура «Корова», аят 135; сура «Семейство Имрана», аят 67; сура «Скот», аят 161), а «ханифийа» – его религия. Назвать пророк Мухаммада ﷺ «ханифом» – значит вписать его в коранический нарратив о преемственности пророческой миссии от Ибрахима. Это не могло быть случайным словоупотреблением: слово «ханиф» появилось в поэтическом словаре исключительно под влиянием Корана.

Касыда Хассана ибн Сабита представляет собой уникальный литературный феномен, в котором традиционная форма доисламской касыды наполнена кораническим содержанием на трех уровнях: лексическом (прямые заимствования терминов), интертекстуальном (аллюзии на конкретные аяты) и смысловом (воспроизведение теологических концепций). Этот синтез ознаменовал рождение новой исламской поэтической традиции, в которой поэтическое слово обретает сакральное измерение [2, с. 158].

Литература и источники:

1. Коран / Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М.: Раритет, 1990. – 528 с.
2. Фильштинский И.М. История арабской литературы V – начало X века / И.М. Фильштинский. – М.: Наука, 1985. – 529 с.
3. Хассан ибн Сабит. Диван. 2-е изд. / Хассан ибн Сабит. – Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийя, 1994. – 260 с.
4. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.) / Б.Я. Шидфар. – М.: Издательский дом Марджани, 2011. – 320 с.

Искандяров А.Р. (РИИ, Казань)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ В АРАБСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой филологии и страноведения РИИ; доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований ИМОИиВ КФУ Омри А.Ю.).

***Аннотация:** Статья посвящена сопоставительному анализу лексики традиционных промыслов и ремесел в арабском, русском и английском языках. Рассматриваются ее национально-культурная специфика, связь с историей и материальной культурой, а также трудности перевода ремесленных терминов как носителей культурно значимых смыслов.*

***Ключевые слова:** ремесло, лексика, промысел, традиция, культура, перевод.*

Лексика традиционных промыслов и ремесел представляет собой значимый пласт национально маркированного словаря, в котором особенно наглядно проявляется связь языка с материальной культурой, историей народа и его представлениями о труде, мастерстве и красоте. Данный слой лексики формируется на протяжении длительного исторического периода и фиксирует не только названия предметов, материалов, инструментов и технологий, но

и культурные смыслы, сопровождающие ремесленную деятельность. Поэтому ремесленная лексика может рассматриваться не как узкоспециальная терминология, а как важный источник сведений о национальной картине мира.

Национально-культурная специфика такой лексики проявляется в том, что сходные тематические группы слов в разных языках обладают неодинаковой степенью детализации, различной семантической глубиной и разной культурной нагрузкой. В арабском, русском и английском языках присутствуют наименования мастеров, видов ручного труда, изделий и инструментов, однако их содержание и ассоциативный фон не совпадают. Эти различия обусловлены особенностями исторического развития обществ, природной средой, хозяйственным укладом и преобладающими формами ремесленной специализации.

В арабском языковом пространстве ремесленная лексика тесно связана с городской культурой, торгово-ремесленными традициями и декоративно-художественным производством. Особенно значимыми оказываются наименования, относящиеся к керамике, металлообработке, ткачеству, ювелирному делу и плотничеству. Подобные единицы обозначают не только род занятий, но и целую сферу художественного и бытового опыта. Их культурная специфика проявляется в том, что слово часто отсылает не просто к предмету или процессу, а к локальной школе, орнаментальной традиции, семейной передаче мастерства и исторически сложившемуся стилю. В связи с этим арабская ремесленная лексика нередко требует не буквального, а интерпретационного перевода, поскольку при передаче только предметного значения утрачивается художественный и культурный контекст. Существенной особенностью является также региональная вариативность: одни и те же реалии в разных частях арабского мира могут обозначаться по-разному, что указывает на зависимость лексики от локальных ремесленных центров.

Русская лексика традиционных промыслов и ремесел формировалась в иных культурно-исторических условиях и поэтому связана, прежде всего, с народным бытом, сельским и посадским укладом, сезонным трудом и обработкой природных материалов.

Для русского языкового сознания ремесло – это не только профессиональная деятельность, но и важная часть повседневной жизни, сочетающая хозяйственную, эстетическую и символическую функции. Наименования мастеров и орудий труда отражают устойчивые формы традиционного уклада и сохраняют прочную историко-культурную укорененность.

Особенно ярко национальная специфика русского материала проявляется в названиях народных художественных промыслов. Такие единицы, как гжель, хохлома, палех, жостово, дымковская игрушка, обозначают не просто изделия или техники, а целые культурные явления. В них заключена информация о регионе происхождения, художественном стиле, колористике, технологии и исторической преемственности. Подобные названия практически не имеют однословных эквивалентов в других языках и обычно передаются путем транслитерации или описательного перевода. Кроме того, многие русские слова ремесленной сферы обладают образными и оценочными значениями. Так, лексемы мастер, кузница, резьба, роспись могут использоваться метафорически, что свидетельствует о восприятии ремесла как формы творческого преобразования материала.

Английская ремесленная лексика демонстрирует иной тип культурной организации. Она в значительной степени строится вокруг понятий craft, handicraft, artisan, craftsmanship, что указывает на осмысление ремесла, прежде всего как навыка, мастерства и профессиональной техники. В английской языковой традиции заметно противопоставление ручного, индивидуального производства и массового промышленного изготовления. Поэтому многие наименования акцентируют не столько связь с локальной народной традицией, сколько качество исполнения, технологию и профессиональную специализацию. Вместе с тем в английском языке также существуют культурно значимые единицы, связанные с историческими и региональными традициями, однако в целом для него характерны большая лексическая стандартизация и более выраженная описательность номинации.

Сопоставление арабского, русского и английского языков показывает, что во всех трех системах ремесленная лексика орга-

низуется вокруг общих тематических центров: материал, мастер, изделие. На уровне общей понятийной структуры между языками существуют соответствия, однако на уровне культурного содержания они оказываются неполными. За формально близкими словами скрываются различные исторические формы ремесленной практики, различные ассоциации и разные способы включения ремесла в культурную память народа.

Особую сложность представляет перевод ремесленной лексики. Значительная часть таких единиц относится к сфере культурных реалий, то есть обозначает предметы и явления, характерные для одной культуры и не имеющие полного соответствия в другой. Именно поэтому названия промыслов, техник, орнаментальных форм, элементов традиционного быта и локальных изделий часто не поддаются точному однословному переводу. При передаче подобных единиц переводчик вынужден выбирать между краткостью и полнотой: использовать приблизительный эквивалент либо сопровождать слово дополнительным пояснением. В противном случае неизбежна утрата важных компонентов значения – исторических, локальных, символических и оценочных.

Сопоставительный анализ также показывает, что степень детализации ремесленного словаря зависит от культурных приоритетов конкретного общества. Язык особенно подробно разрабатывает те сферы практической деятельности, которые имели историческую значимость для данной культуры. В арабском языке сильнее выражена связь ремесленной лексики с декоративностью и городской художественной традицией; в русском – с народным бытом, локальными промыслами и символическим осмыслением труда; в английском – с профессиональным мастерством и технологической стороной ремесла. Эти различия не отменяют универсальности ручного труда, но свидетельствуют о том, что каждый язык по-своему распределяет акценты между предметной номинацией и культурной памятью.

Литература и источники:

1. Белова А.Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики (Выпуск 1) / А.Г. Белова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 284 с.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 199 с.
3. Лангландс А. Ремесло: исследование истоков и истинного значения традиционных ремесел / А. Лангландс. – Уэльс: W.W. Norton & Company, 2018. – 336 с.
4. Мельникова Е.А Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Е.А. Мельникова. – М.: Ладомир, 2014. – 992 с.
5. Мруэ Зейиаб Эль-Шейх Хассан Комбинаторика ассоциативных портретов (на материале арабского и русского языков) / Мруэ Зейиаб Эль-Шейх Хассан. – М.: Языкознание, 1998. – 135 с.
6. Раджки А. Арабский Этимологический словарь / А. Раджки. – Лос-Анджелес: Gorgias Press 2005. – 148 с.
7. Шарифиан Ф. Прикладная культурная лингвистика / Ф. Шарифиан, Г. Палмер. – Лас-Вегас: John Benjamins Publishing Company, 2008. – 170 с.

Мирзобеков Ф.У. (РИИ, Казань)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЩЕДРОСТИ И СКУПОСТИ В АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ)

(Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков ИФМК КФУ; профессор кафедры филологии и страноведения РИИ Садыкова А.Г.)

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная специфика концептуализации щедрости и скупости в арабском языке. На материале лексикографических источников (Арабско-русский словарь Х.К. Баранова) и паремиологического фонда (сборники пословиц Аль-Майдани и Е.В. Кухаревой) проводится анализ ключевых лексем, метафорических моделей и ценностных коннотаций, формирующих бинарную оппозицию «щедрость / скупость». Выявляется структурная асимметрия поля, где щедрость предстает как сложный, многоаспектный концепт, связанный с благородством, изобилием и сакральными смыслами, а скупость осмысляется через образы физической и моральной деградации, выступая в роли культурного анти-идеала. Делается вывод о высокой аксиологической значимости данных концептов в арабской языковой картине мира.

Ключевые слова: арабский язык, лингвокультурология, семантическое поле, концепт, щедрость, скупость, метафора, паремиология, языковая картина мира.

В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики особую значимость приобретает изучение языка как зеркала культуры и сознания этноса. Лексика, описывающая морально-этические качества человека, представляет собой оптимальный материал для реконструкции ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов, закрепленных в языковой картине мира. Арабский язык, в силу своей тесной связи с исламской религиозной и культурной традицией, предоставляет богатейший материал для подобных исследований.

Цель данной статьи – выявить лингвокультурную специфику ключевых для арабского этического сознания концептов «щедрость» («карам») и «скупость» («бухль») на основе комплексного анализа лексикографических и паремиологических источников.

Щедрость (карам) как интегральный лингвокультурный концепт

В арабском языковом сознании понятие щедрости не сводится к простому акту дарения. Ядерные лексемы микрополя, такие как [جُودٌ] («джудун»), [كَرْمٌ] («карамун») и [سَخَاءٌ] («саха'ун»), формируют сложный семантический комплекс, интегрирующий значения «великодушие», «благородство», «честь» и «достоинство» [2, с. 506, 633, 822]. Как отмечает Е.В. Кухарева, эти лексемы «несут в себе также значения «достоинство, благородство, честь, престиж» [3, с. 16]. Таким образом, щедрый человек ([كَرِيمٌ], «каримун»; [جَوَادٌ], «джавадун») – это не просто тот, кто делится имуществом, но личность, обладающая высокими моральными качествами и социальным статусом.

Уникальной особенностью данного концепта является его сакральная маркированность. В ядро поля входят лексемы, являющиеся эпитетами Аллаха: [وَهَّابٌ] («ваххабун» – «щедрый, одаривающий») и [مَنَّانٌ] («маннанун» – «милостивый, щедрый») [2, с. 527, 792]. Это возводит качество щедрости в ранг абсолютной, божественной добродетели. Кроме того, наличие историко-культурного эталона – имени доисламского поэта Хатима ат-Таи ([حَاتِمٌ], «хатимун») – превращает абстрактное понятие в измеряемую величину. Фразеологизм [أَجُودٌ مِنْ حَاتِمٍ] («аджду мина хатимин») – «щедрее,

чем Хатим») и термин [الكَرْمُ الْحَاتِمِيُّ] («аль-караму-ль-хатимиййу» – «хатимская щедрость») закрепляют в языке персонифицированный максимум этого качества [1, с. 179; 3, с. 4].

Лексикографический анализ (по данным Арабско-русского словаря Х.К. Баранова) выявляет богатую метафорическую систему осмысления щедрости [1]. Ключевой моделью является соматическая метафора «руки» ([يَدٌ], «йадун»), где щедрость кодируется через ее физическое состояние: открытость ([يَدٌ مَفْتُوحَةٌ], «йадун мафтúхатун»), влажность ([نَدِيٌّ الْيَدَيْنِ], «надиййу-ль-йадайн»), широта ([رَحْبُ الْبَاعِ], «рахбу-ль-ба'и»), длина ([صَاحِبُ الْيَدِ الطُّوْلِ], «сахибу-ль-йади-т-туля»). Параллельно развивается метафора изобилия и жизненной силы: щедрость осмысляется как проливной дождь ([فَيْضٌ], «файдун»), животворящая влага и роса ([نَدَى], «надан»), а также как чистота и незапятнанность ([الْيَدُ الْبَيْضَاءُ], «аль-йаду-ль-байдá'у» – «белая рука»).

Скупость (бухль) как анти-идеал: образная система деградации

В противоположность щедрости, концепт скупости репрезентирован менее разнообразно и осмыляется через призму отрицательных образов. Его ядро составляют лексемы от корней [ب خ ل] ([بَخِيلٌ]), «бахилун» – «скупой»), [ش ح ح] ([شَحِيحٌ], «шахихун» – «скупой, скудный») и [ل م] ([لَيْمٌ], «ла'имун» – «подлый, низкий») [2, с. 71, 355, 724]. Последняя связь особенно показательна: скупость здесь напрямую сопрягается с моральной деградацией, что подчеркивает ее однозначно осуждаемый характер.

Соматическая метафора «руки» здесь также доминирует, но образует зеркальную оппозицию щедрости. Скупость – это рука закрытая ([مُفْقَلُ الْيَدَيْنِ], «муфқалу-ль-йадайн»), сухая и застывшая ([نَاشِفُ الْيَدَيْنِ], «нашифу-ль-йадайн»); [ج ا م د] ([جَامِدُ الْيَدِ], «джамиду-ль-йади»), сжатая ([كَرْزُ الْيَدَيْنِ], «каззу-ль-йадайн»), узкая ([ضَيْقُ الْبَاعِ], «даййику-ль-ба'и») [2, с. 204, 228, 494, 605, 654]. Эта образность дополняется метафорами физиологического дефекта и болезни: скупость ассоциируется с сухостью и омертвлением ([كَرَازَةٌ], «казá-

затун»), патологическим удержанием ([إِمْسَاكٌ], «имса́кун» – также имеет медицинское значение «запор») и даже зловонием ([نَتْنٌ], «натинун») [2, с. 532, 608, 652].

Количественный анализ демонстрирует аксиологическую асимметрию: объем абстрактных номинаций щедрости (20 единиц) превышает объем номинаций скупости (14 единиц), что косвенно указывает на более высокую культурную разработанность положительного концепта.

Паремиологическая репрезентация этических ценностей

Паремиологический фонд арабского языка служит надежным верификатором выводов, полученных в ходе лексикографического анализа, и фиксирует народную этику в лаконичных образных формулах. В сборнике Абу-ль-Фадля аль-Майдани «Арабские пословицы и поговорки» щедрость предстает как качество, связанное с риском и даже бедностью: «Любой голодранец – щедр» ([كُلُّ صُغْلُوكٍ جَوَادٌ], «куллю су'лу́кин джавáдун») [1, с. 97]. Другая пословица предупреждает: «Слушание музыки (доводит до) острого плеврита» ([سَمَاعُ الْغِنَاءِ بِرِسَامٍ حَادٍ], «самá'у-ль-гинá' и бирисáмин хáдин»), поскольку веселье и щедрость, вызванные музыкой, могут привести к разорению [1, с. 68].

Скупость, напротив, подвергается уничижительной образной характеристике. Скупой сравнивается с перистым облаком, не дающим дождя: «Он – всего лишь облако без дождя» ([مَا هُوَ إِلَّا سَحَابَةٌ], «мá хува иллá сахáбатун нáсихатун») [1, с. 109; 3, с. 109]. Его приравнивают к пустоте: «Он и пустота – равны друг другу» ([سَوَاءٌ هُوَ وَالْعَدَمُ], «савá'ун хува ва-ль-'адаму») [4, с. 61]. Паремии фиксируют и поведенческие реакции скупца: «Когда ты говоришь ему: «Взвесь», он опускает голову и печалится» ([إِذَا قُلْتَ لَهُ زَنْ، طَأْطَأَ], «изá культа ляху зин тáэтá'а раэсяху ва хазина») [3, с. 19].

Современный лингвострановедческий словарь Е.В. Кухаревой подтверждает актуальность этих оценок в различных ареалах арабоязычного мира. В иорданском и иракском диалектах бытует по-

словица «Щедрость покрывает недостатки» ([إِلْكَرَمٌ مُعْطِي الْعُيُوبِ], «иль-карам мугатти ль-'уйуб»), а в тунисском – «Ради роз мы поливаем и колючки» ([عَلَى خَاطِرِ الْوَرْدِ نُسْقِي الْعَلَيْقَ], «'аля хāтиру-ль-уа-рад нуски ль-'алейк»), подчеркивающая, что уважение к благородному человеку распространяется и на его окружение [3, с. 87, 90]. Образ скупца в живой речи также кодируется через соматическую метафору: «Рука у него заперта» ([يَدُهُ مَقْفَلَةٌ], «йиду мукфаля») [3, с. 104].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепты «щедрость» и «скупость» формируют в арабском языке аксиологически поляризованную и структурно асимметричную бинарную оппозицию. Щедрость («карам») предстает как центральный, сложно организованный лингвокультурный концепт, глубоко укорененный в религиозной и социальной этике. Его ядерные лексемы связаны с понятиями благородства и чести, а богатая метафорика (открытая рука, вода, изобилие) и наличие культурных эталонов («Хатим ат-Таи», эпитеты Аллаха) возводят его в ранг абсолютной добродетели.

Скупость («бухль»), оставаясь четко обозначенным пороком, обладает менее разработанной структурой и часто осмысливается через призму конкретных негативных действий и состояний. Доминирующие образы закрытой, сухой, узкой руки, а также связь с семантикой моральной низости и физиологической дефектности, закрепляют за ней статус культурного анти-идеала. Паремиологический фонд не только подтверждает эти выводы, но и демонстрирует, как данные этические категории функционируют в живой народной речи, выступая инструментом трансляции ценностных ориентаций арабо-мусульманской культуры.

Литература и источники:

1. Аль-Майдани Абу-ль-Фадль. Арабские пословицы и поговорки / сост. Абу-ль-Фадль аль-Майдани; пер. с араб. И. Сарбулатова. – [Б. м.], [б. г.]. – 135 с.

2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов / Х.К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.

3. Кухарева Е.В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическими комментариями) / Е.В. Кухарева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 303 с.

Мулюкова Л.М. (РИИ, Казань)

ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологии и страноведения РИИ Мухаметзянов И.М.)*

Аннотация: *Суть исследуемой темы заключается в том, что, несмотря на существование множества эффективных способов обучения языкам, методика обучения иностранным языкам (далее ИЯ) всегда находится в поисках новых путей решения данного вопроса. Относительно арабского языка, этот вопрос еще малоизучен.*

Ключевые слова: *инновационные технологии, TBTL, иммерсионные технологии, AI персонализация, CLIL, Edutainment, комплексный подход.*

XXI в. – эпоха коренных перемен и инноваций, время сотрудничества наций и так называемой глобализации, век новой культуры и внедрения новых технологий... [1, с. 22].

Обучение арабскому литературному языку, как и любому иностранному языку, представляет собой сложный процесс, развивающийся в двух направлениях:

1. Обучению языку с опорой на методику обучения, разработанную в течение длительного периода преподавания языка, класси-

ческие дидактические принципы, апробированные учебные материалы и формы преподавания.

2. Обучение языку с использованием передовых методических разработок и образовательных технологий, экспериментирование новейшими возможностями, предоставляемыми в результате научно-технического прогресса и информатизации современного общества [2, с. 6].

В условиях постоянных изменений в современном языковом образовании любое достижение в области инновационных технологий очень важно. Это и является причиной изучения этой темы.

Современные эффективные технологии обучения ИЯ, применимые при обучении английскому и арабскому языкам:

1. TBTL (Task-Based Language Teaching, задачно-ориентированное обучение иностранным языкам) – это подход, при котором обучение строится вокруг выполнения реальных коммуникативных задач, а не вокруг отдельных грамматических правил или лексических блоков.

2. Иммерсивные технологии в обучении языкам – это методы и инструменты, которые создают искусственно смоделированную среду, погружающую учащихся в языковую и культурную атмосферу изучаемого языка. Такой подход позволяет имитировать реальные коммуникативные ситуации, повысить мотивацию и ускорить усвоение материала.

Виды иммерсивных технологий:

Виртуальная реальность (VR). Создает полностью цифровую среду с помощью VR-очков, 3D-дисплеев или мониторов. Позволяет «посетить» другие страны, столицы, достопримечательности, участвовать в симуляционных играх и виртуальных турах.

Дополненная реальность (AR). Накладывает цифровые элементы (тексты, изображения, 3D-объекты) на реальный мир. Для работы достаточно мобильного телефона или планшета с AR-приложениями.

Смешанная реальность (MR). Комбинирует элементы VR и AR, позволяя физическим и виртуальным объектам взаимодействовать в реальном времени.

3. AI -персонализация

Персонализация в обучении языкам с помощью ИИ означает адаптацию контента, темпа, типов заданий и обратной связи под конкретного ученика (его уровень, ошибки, цели, стиль обучения).

CLIL (Content and Language Integrated Learning) – это подход, при котором обучение ИЯ интегрируется с изучением содержания какого-либо учебного предмета: на уроке дети одновременно получают предметные знания и развивают языковые навыки.

Основные типы CLIL:

Hard CLIL – обучение значительной части школьного предмета (физика, биология, искусство и др.) полностью на иностранном языке; требует у учащихся уже достаточно высокого уровня владения языком.

Soft CLIL – использование тематик из других предметов (экология, география, математика) в рамках уроков иностранного языка для расширения лексики и контекстуализации речевых ситуаций.

Edutainment

Edutainment – это подход к обучению, сочетающий образование (education) и развлечение (entertainment), особенно эффективный при изучении ИЯ. Он помогает повысить мотивацию студентов через игровые элементы, мультимедиа и интерактив.

По мнению Т.А. Дмитренко, наиболее перспективные технологии обучения иностранному языку в условиях обновления иноязычного образования способствуют как интенсификации образовательного процесса, так и активизации учебной деятельности на занятиях по иностранному языку [1, с. 5].

Таким образом, универсальным способом эффективного развития иноязычной коммуникации (на примере арабского и английского языков) будет использование комплексного подхода. Именно он развивает все навыки взаимосвязанно, повышая коммуникативную компетенцию, увеличивает мотивацию через культурное погружение и разнообразие методов, а также создает реальное общение.

Литература и источники:

1. Дмитренко Т.А. Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего иноязычного образования учебное пособие / Т.А. Дмитренко. 2-е изд., доп. – М: ИНФРА-М, 2024. – 188 с.

2. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г. Интерактивные методы обучения арабскому языку / Р.Р. Закиров, Н.Г. Мингазова. – Казань: РИИ, 2020. – 194 с.

3. Ибрагимов И.Д., Пасиева О.В., Ибрагимова М.М. Современные технологии обучения арабскому языку и исламским дисциплинам / И.Д. Ибрагимов, О.В. Пасиева, М.М. Ибрагимова. – Нальчик: СКИУ, 2020. – 253 с.

Нафисуллин Р.Т. (БИА, Болгар)

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИСЛАМСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ДУХОВНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

(Научный руководитель – доктор арабской филологии, преподаватель кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин БИА Шейх Мустафа Ахмад)

***Аннотация:** В статье рассматривается татарский язык как средство исламского просвещения, духовной и семейной преемственности и патриотического воспитания детей и молодежи Республики Татарстан. Обосновывается переход от простого размещения татароязычного медиаконтента к цифровой педагогической системе, которая доводит материал до конкретного ребенка, организует регулярную языковую практику и позволяет фиксировать образовательный результат.*

***Ключевые слова:** татарский язык, исламское просвещение, дети и молодежь, цифровой контент, искусственный интеллект, семья, патриотизм, Республика Татарстан.*

Татарский язык для детей и молодежи мусульманской общины Республики Татарстан является не только средством бытового общения. Через него передаются религиозное воспитание, семейная память, нормы адаба, связь с религиозной общиной и мечетью, любовь к родной земле и чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу. Родной язык в такой системе

выступает каналом духовной преемственности. Для ребенка он становится не набором слов, а средой воспитания, где через семейное общение, благопожелания, наставления и рассказы о религиозной жизни формируются уважение к родителям, доброта и ответственность перед близкими.

Исламское просвещение здесь понимается не как замена системного религиозного образования и не как автоматическое придание любому татароязычному контенту религиозного статуса. Речь идет о языковой и воспитательной среде, через которую ребенок усваивает уважение к родителям, благодарность, скромность, добрососедство, связь с мечетью и нравственные нормы, совместимые с исламской традицией. Поэтому татарский язык рассматривается как практический канал передачи не только культурной, но и духовно-нравственной памяти.

Родной язык укрепляет связь молодого человека с историей семьи, народа и малой родины. Через эту связь формируется историческая укорененность: человек понимает свое происхождение, осознает принадлежность к многовековой традиции и увереннее определяет свое место в обществе. При утрате языка и исторической памяти идентичность может становиться поверхностной: молодой человек сохраняет внешнее название своей принадлежности, но теряет ее культурное и духовное содержание. Такая неопределенность может повышать восприимчивость к случайным или деструктивным трактовкам идентичности. Поэтому сохранение татарского языка, семейной памяти и исламской духовной традиции является фактором не только культурного развития, но и гражданской устойчивости, общественного единства и патриотического воспитания. Этот подход соответствует государственной политике Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков и других языков в республике [2].

В Республике Татарстан уже создан значительный массив татароязычного цифрового контента для детей. На сайте Министерства образования и науки РТ размещен перечень онлайн-ресурсов: книга и мультфильм «Семь жемчужин», сериал «Стрела наследия», «Татармультфильм», ресурс «Зеленый Татарстан», путеводитель «Минем Казан», мультсериал «Иржан мажаралары» и

другие материалы [5]. Государственная линия поддержки родного языка уже вышла за пределы обычного учебника: татарский язык вводится в детскую медиасреду через мультфильмы, сказки, приложения, переводы и оригинальную анимацию.

Эта работа имеет системный характер. В 2017 г. Министерство образования и науки РТ сообщило о переводе 60 серий мультсериала «Фиксики» на татарский язык; просмотр мультфильма рассматривался как удобная форма обучения детей родному языку [3]. В 2021 г. был представлен проект «Учим татарский с Ак Буре», направленный на повышение интереса детей к татарскому языку и татарской культуре [1]. В 2025 г. в СМИ со ссылкой на тендерную документацию появилась информация о заказе на дубляж не менее 52 отечественных мультфильмов на татарский язык [4].

Перечисленные проекты показывают, что в республике уже сформирована основа татароязычной цифровой среды для детей. Однако следующий этап требует не только сохранения и пополнения этой базы, но и ее связи с ежедневной языковой практикой ребенка. Иначе мультфильм остается культурным продуктом. При наличии педагогически выстроенной цепочки он становится элементом языкового воспитания: ребенок смотрит материал, слышит татарские слова, повторяет их, понимает смысл, произносит короткую фразу и применяет ее дома и в социальной среде.

Такую цепочку можно обозначить как цифровую педагогическую воронку. Под ней понимается управляемая последовательность действий: просмотр татароязычного материала, выделение ключевой лексики, повторение, проверка понимания, попытка произнесения короткой фразы и последующее применение слова или фразы в семейной среде. Например, после серии о помощи родителям ребенок может получить шесть слов: эти, эни, рәхмәт, ярдәм, яхшылык, гаилә; затем выбрать соответствующие картинки, ответить на простой вопрос и произнести дома короткую фразу: «Эти, эни, рәхмәт».

Искусственный интеллект может стать инструментом такого перехода, если он используется не как самостоятельный воспитатель, а как вспомогательная образовательная технология. Его задача – связать контент, задание, повторение, речевую практику и

оценку результата в единый педагогический маршрут. UNESCO рассматривает генеративный ИИ в образовании в логике человекоцентричного, безопасного и педагогически обоснованного применения [6]. OECD относит искусственный интеллект, образовательную аналитику, персонализированное обучение, интеллектуальные тьюторские системы и адаптивную оценку к важным направлениям цифровизации образования [7].

Под ИИ-системой в данной статье понимается цифровая образовательная среда с модулями рекомендательной системы, автоматического выделения лексики, генерации упражнений, распознавания попытки произнесения фразы и образовательной аналитики. Такая система может собрать разрозненные татароязычные материалы в единый каталог, учитывать возраст и уровень ребенка на основе данных, внесенных родителем или педагогом, предложить короткий маршрут занятия, автоматически выделить лексику из серии, создать упражнения и зафиксировать образовательные действия: просмотр, повторение, выполнение задания и попытку произнесения короткой фразы. Родитель получает понятный отчет, а методист – обобщенную картину того, какие материалы удерживают внимание, какие слова усваиваются и на каком этапе ребенок теряет интерес.

При разработке такой системы необходимо учитывать не только педагогическую эффективность, но и религиозно-этическую безопасность. Предлагаемая татароязычная ИИ-система должна строиться по принципу человеческой ответственности, проверки религиозного содержания, защиты приватности, предотвращения вредного контента и экспертного контроля.

В методологическом отношении такой подход связан с образовательной аналитикой, поскольку система фиксирует не только наличие материала, но и действия ребенка в процессе обучения. Поэтому показателями становятся не только количество размещенных материалов и потенциальный охват, но и число начатых занятий, доля завершенных заданий, количество повторенных слов, число фраз, произнесенных в рамках задания, возвращение к материалу через 1–3 дня, участие родителей, а также употребление татарских слов дома и в социальной среде.

Перспективным направлением может стать использование агентных ИИ-систем, то есть программных модулей, способных выполнять последовательность педагогически заданных действий: анализировать материал, предлагать задания, формировать маршрут и готовить отчет для эксперта. Научно-методическая группа в этом случае выполняет роль кураторского, верификационного и религиозно-этического контура: специалисты задают критерии, проверяют результаты и корректируют систему. Такой подход позволяет избежать как чрезмерной ручной нагрузки на специалистов, так и неконтролируемого использования автоматических решений.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в том, что татароязычный медиаконтент рассматривается не как отдельный культурный продукт, а как элемент измеряемой языково-воспитательной экосистемы. В центре оценки оказывается не сам факт размещения мультфильма или количество просмотров, а переход ребенка от восприятия татарской речи к пониманию, повторению и самостоятельному употреблению слов и фраз в своей повседневной речи.

Татарский язык сохраняется не только через наличие учебников и медиаархивов, но и через ежедневное употребление. Если цифровой контент помогает ребенку сказать татарское слово матери, понять нравственный смысл поступка героя, связать родной язык с семьей, мечетью и малой родиной, то он становится инструментом исламского просвещения и патриотического воспитания. Следующий этап государственной и общественной работы состоит не только в производстве новых материалов, но и в создании системы, которая помогает этим материалам дойти до конкретного ребенка, стать частью регулярной речевой практики и показать измеримый образовательный результат.

Литература и источники:

1. Вышли первые выпуски анимационного проекта «Учим татарский с Ак Буре» // Министерство образования и науки Респу-

блики Татарстан. 2021. URL: <https://mon.tatarstan.ru/index.htm/news/1902946.htm> (дата обращения: 11.05.2026).

2. Государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» // Министерство образования и науки Республики Татарстан. URL: <https://mon.tatarstan.ru/gosudarstvennaya-programma-sohranenie-izuchenie-i.htm> (дата обращения: 11.05.2026).

3. Минобрнауки РТ перевело мультсериал «Фиксики» на татарский язык // Министерство образования и науки Республики Татарстан. 2017. URL: <https://mon.tatarstan.ru/index.htm/news/820432.htm> (дата обращения: 11.05.2026).

4. Минобрнауки Татарстана потратит 2,2 млн рублей на дубляж мультфильмов на татарский // Реальное время. 2025. URL: <https://realnoevremya.ru/news/337993-minobrnauki-rt-potratit-22-mln-rublej-na-dublyazh-multfilmov-na-tatarskiy> (дата обращения: 11.05.2026).

5. Онлайн-ресурсы // Министерство образования и науки Республики Татарстан. URL: <https://mon.tatarstan.ru/multfilmi-na-tatarskom-yazike.htm> (дата обращения: 11.05.2026).

6. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research> (дата обращения: 11.05.2026).

7. Smart Data and Digital Technology in Education: Artificial Intelligence, Learning Analytics and Beyond // OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/about/projects/smart-data-and-digital-technology-in-education--artificial-intelligence%2C-learning-analytics-and-beyond.html> (дата обращения: 11.05.2026).

Ревина А.Ю. (КФУ, Казань)

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОМАНСКИХ ПОСЛОВИЦ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук; доцент;
заведующий кафедрой арабистики, исламоведения и афро-азиатских
исследований ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры филологии и
страноведения РИИ Мингазова Н.Г.)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу грамматических особенностей оманских пословиц в сопоставлении с общеарабской паремиологической традицией. На материале двух корпусов – сборников А. S. G. Jayakar и Z. Al-Salti – рассматриваются структурные модели пословиц, выявляются диалектные грамматические маркеры.*

Ключевые слова: *пословицы, арабский язык, диалект, Оман, грамматика, синтаксис, паремиология.*

Пословицы в современной лингвистике рассматриваются как особые языковые единицы, отражающие культурный опыт и языковую картину мира [3, с. 18]. Паремии представляют собой устойчивые формы, закрепленные в языковой практике и передающие типичные модели поведения и коллективные представления [4, с. 178]. Как отмечает А.Х.М. Аттия, различия между пословицами проявляются, в том числе, на уровне грамматических конструкций, что указывает на их структурную и языковую организованность [1, с. 147].

Анализ материала словаря Е.В. Кухаревой показывает, что общеарабская паремиологическая традиция характеризуется использованием устойчивых синтаксических моделей, включающих номинативные, императивные и обобщенные конструкции. Так, номинативные структуры представлены пословицами типа «الجار قبل الدار» («Не купи двора, а купи соседа») [2, с. 114], а также 2] «الصراحة راحة», с. 119], («Правда глаза не колет») реализующими модель $\text{خير} + \text{مبتدأ}$. Императивные конструкции, такие как «اعمل البحر والطيب وإرميه البحر» и 2] «ابعد عن الشر وأرقص له», с. 23; с.30], выполняют директивную функцию и передают нормативные установки поведения. Обобщенные модели реализуются с использованием относительных элементов من/الذي , а также разговорной формы إلي , например: 2] «إلي ما يخاف الله خف منه», с. 44].

Для общеарабской традиции характерна синтаксическая компрессия, проявляющаяся в краткости и формульности высказывания. Пословицы часто представлены в виде минимальных конструкций без глагольного предиката или с редуцированной логической связью, однако при этом сохраняют синтаксическую завершенность и прозрачность структуры.

Сопоставительный анализ оманских пословиц на материале двух корпусов, показывает, что при сохранении базовых синтаксических моделей оманская традиция демонстрирует ряд специфических грамматических особенностей. Первый корпус включает 320 пословиц из сборника A.S.G. Jayakar «Omani Proverbs» (1987 г.; первое издание – 1900 г.), фиксирующего паремиологический материал конца XIX – начала XX вв. Пословицы были записаны автором в условиях сохранявшейся племенной и преимущественно сельской структуры общества, а сопровождающие комментарии позволяют реконструировать контексты их употребления.

Второй корпус представлен 86 пословицами из сборника Z. Al-Salti и I. Al-Yahmadai «Omani Proverbs: A Collection of Sayings and Proverbs from Oman with English Equivalents» (2025 г.), отражающего функционирование пословиц в живой речи XXI в. Данное издание фиксирует диалектные формы и их английские эквива-

ленты, что позволяет учитывать языковые и прагматические особенности современного употребления. Сопоставление данных корпусов дает возможность выявить грамматические особенности оманских пословиц.

Особого внимания заслуживает частица **بو**, являющаяся одним из ключевых грамматических маркеров оманских пословиц. Как показал количественный анализ, именно эта частица выступает наиболее частотным диалектным элементом. С точки зрения этимологии, **بو** восходит к классическому арабскому **أبو** (обладатель чего-либо) и в диалекте функционирует как показатель носителя определенного качества. В пословичной речи **بو** выполняет функцию обобщения, формируя универсальный субъект высказывания. Так, в пословице «**بو يصبر ويتأني يلقي ما يتمنى**» («Терпение и труд все перетрут») [2, с. 24] частица **بو** вводит обобщенного субъекта, характеризующегося определенными качествами, а в пословице «**بو يجي بدون داعي، يجلس بدون فراش**» («Незванный гость хуже волка») [5, с. 42] В обоих случаях **بو** функционально соответствует конструкциям с **من** или **الذي/الي**. Количественные данные подтверждают системный характер данного явления. В сборнике A.S.G. Jayakar (320 пословиц) частица **بو** зафиксирована примерно в 27 единицах. В сборнике Al-Salti Z., Al Yahmadai I. (86 пословиц) она встречается примерно в 3 единицах, при этом в ряде случаев она заменяется более распространенной в арабском разговорном употреблении формой **الي**.

Для корпуса оманских пословиц в сборнике A.S.G. Jayakar характерна высокая степень диалектной маркированности. Кроме того, наряду с общеарабскими номинативными, императивными и обобщенными конструкциями встречаются более свободные синтаксические структуры, нередко приближающиеся к афористическим высказываниям и представляющие собой концентрированное выражение народной мудрости. В пословице «**المستعجل ماكل «شوبه ني**»» («Спешащий ест недопеченный хлеб») обращает на себя

внимание форма **ماكل**, представляющая собой причастие активного залога (**اسم الفاعل**) от глагола **أكل**. В данном случае причастие функционирует не как именная форма, а как предикат со значением настоящего времени, выполняя функцию глагола. Подобное употребление отражает характерную для арабских диалектов тенденцию к использованию причастий в глагольной функции, что связано с упрощением временной системы и смещением границ между глагольными и именными формами. Таким образом, форма **ماكل** выступает как грамматический маркер разговорной и диалектной речи.

В современном корпусе, представленном сборником Z. Al-Salti, в отличие от более вариативного и диалектно насыщенного корпуса A. S. G. Jaуakaг синтаксическая организация пословиц в большей степени соответствует общеарабской паремиологической традиции – отчетливо представлены номинативные, императивные и обобщенные конструкции, а также характерная для пословиц синтаксическая компрессия. Пословица «**الطول طول نخلة والعقل عقل صخلة**» («Вырасти вырос, а ума не вынес») [6, с. 54] демонстрирует параллелизм и антитезу, а пословица «**سير بعيد وتعال سام**» («Иди с миром и возвращайся целым») [6, с. 28] – императивную структуру.

Примером синтаксической компрессии в современном корпусе оманских пословиц являются условные конструкции, оформленные по модели **ف ... إذا...** с опущением связки **ف**. Так, в пословице «**إذا طاح الجمل كثرت سكاكينه**» («Легко того бить, кто не обороняется»)

[6, с. 52] сохраняется только маркер **إذا**, тогда как связка **ف** отсутствует.

Таким образом, оманские пословицы сохраняют базовые модели арабской паремиологии (номинативные, императивные, обобщенные конструкции и синтаксическую компрессию), но при этом демонстрируют большую вариативность и менее формализованы.

К их специфическим особенностям относятся частица **بو** как показатель обобщенного субъекта и использование причастий в гла-

гольной функции. Это позволяет рассматривать оманские пословицы как самостоятельный и значимый объект грамматического анализа.

Литература и источники:

1. Аття А.Х.М. Русские и арабские пословицы: культурные различия в мудрости слов / Аття А.Х.М. // Русский тест: теория и практика. – 2025. – Т. 11. – №2. – С. 140–148.

2. Кухарева Е.В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическими комментариями) / Е.В. Кухарева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 303 с.

3. Омри А. Лингвокультурологическое исследование компонента «дом» в сопоставительной паремиологии (на материале арабского, французского и русского языков) / А. Омри. – Казань: РИИ, 2025. – 174 с.

4. Шайхуллин Т.А. Особенности арабских устойчивых конструкций с религиозным компонентом. / Т.А. Шайхуллин // Minbar. Islamic Studies. – 2022. – Т. 15. – №1. – С. 177–194.

5. Jayakar A.S.G. Omani Proverbs / A.S.G. Jayakar. – Arabia Past and Present, Vol. 20. – 1987. – 72 p.

6. Al-Salti Z., Al Yahmadai I. Omani Proverbs: A Collection of Sayings and Preverbs from Oman with English Equivalents First Edition / Z. Al-Salti, I. Al Yahmadai. – Muscat, 2025. – 128 p.

Сафиумин Н.Х. (РИИ, Казань)

ПРЕПЯТСТВИЯ В ЛЮБВИ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Х. ХАЙКАЛА И АТ- ТАЙИБА САЛИХА)

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ КФУ, доцент кафедры филологии и страноведения РИИ Ахметзянов И.Г.)

Аннотация: *В статье предпринята попытка анализа художественных средств, используемых М.Х. Хайкалом и Ат-Тайибом Салихом для отражения типичных проявлений трагизма в отношении влюбленных. Для анализа выбраны четыре известных произведения этих писателей.*

Ключевые слова: *брак как коммерческая сделка, бесправие женщин как тормоз развития, великодушие как ключ к развитию, цивилизационный конфликт Запада и Юга, трагедии из-за архаичности отношений арабского сельского общества, целеустремленность сельских тружеников как условие их успеха.*

В предисловии к роману «Рюи Блаз» Виктор Гюго делит всех зрителей на три вида: женщин, мыслителей и толпу. Толпа обычно увлечена исключительно действием, женщины хотят видеть в произведении страсть, мыслители ищут в нем характеры, то есть размышления. Эти три рода источника наслаждений приводят к созданию трех типов разных произведений: «для толпы – мелод-

рамы; для женщин – трагедии, анализирующей страсть; для мыслителей – комедии, изображающей человеческую природу» [1, с. 294]. Рассмотрим ряд произведений арабских писателей, проанализировав их, исходя из приведенной классификации.

Зейнаб / Мелодрама + драма со страстью /

Повесть Мухаммеда Хусейна Хайкала «Зейнаб» опубликована в 1914 г. и считается первым египетским произведением в стиле критического реализма. Зейнаб, выросшая в деревне, «...стремилась встретить родственную, близкую душу и достигнуть полного слияния с нею» [3, с. 51]. Первое время она отвечает на ухаживания студента Хамида, но классовые преграды ясно осознаются ею. Вскоре в ней зарождается любовь к соседу Ибрахиму, который трудится рядом с ней, живет одними с ней интересами. Эта любовь взаимна. Ибрахим, мечтая о Зейнаб, прикидывает в уме, как материально умиловить ее отца. Однако родители договариваются о браке Зейнаб с богатым селянином Хасаном, а Ибрагима забирают в армию служить захватническим планам колонизаторов-англичан. Тоскуя о любимом, Зейнаб простужается и умирает от чахотки. Лейтмотивом произведения можно считать строки, написанные студентом Хамидом в дневнике: «Я убежден, что брак без любви унижен и постыден для человека» [3, с.199].

Свадьба Зейна / Комедия. Преодоление невзгод народным героем /

В первом романе своей трилогии «Свадьба Зейна» Ат-Тайиб Салех представляет читателю образ суданского национального героя. Обладая непривлекательной внешностью и необычным поведением, наш герой вместе с тем народный любимец, желанный гость в каждом доме. Постоянно влюбляясь, Зейн обладает отменным вкусом: делает предложения руки и сердца самым красивым и интересным девушкам. Шутки ради родные якобы соглашаются на брак, толкая нашего героя на трудовые подвиги. При этом Зейн без умолку болтает о девушке. В итоге к этой девушке сватается подходящий жених. Дружба с отверженными, а также с праведным отшельником Аль-Хунейном также приводит к поразительным результатам. После вмешательства этого праведника в отношения сельчан чудесным образом меняется отношение

правительства к делам деревни. Наконец сбывается пророчество праведника Аль-Хунейна о том, что Зейн женится на лучшей девушке в деревне. Сама Нуама, дочь хаджи Ибрагима дяди Зейна, дала согласие на брак с ним.

Сезон паломничества на север / Противоборство мира арабского с европейскими ценностями + семейная трагедия как следствие архаичных обычаев арабов/

Написанный в 1966 г. Ат-Тайибом Салихом второй роман его трилогии «Сезон паломничества на север» произвел фурор в литературном мире не только арабских стран, но и на культурном Западе. В романе затронута тема взаимоотношений коллективно-цивилизационного Запада и ранее колонизированного, позже освободившегося, но отсталого Юга. В данном романе суданец Мустафа Сагид едет в Европу, в Англию. При этом он видит себя завоевателем Европы: «Я завоеватель, пришедший с юга, и это – ледяное поле битвы, откуда я не вернусь живым» [2, с. 204]. Запад с напряженным вниманием следит за «третьим миром». В ответ на европоцентризм вполне логично ждать появления афроцентризма или азиоцентризма. Учитывая традиционно высокую рождаемость этих стран, коллективный Запад может получить в ответ сполна. Какой же вид агрессии по отношению к Западу избрал наш герой? Он избрал путь рокового соблазителя. Вооружившись знаниями в самых разных отраслях культуры и истории, он придумывал невероятные истории, сводя европейских женщин с ума. Мир грез, сотворенный Мустафой Сагидом, настолько прекрасен, что, лишившись его, бедняги накладывали на себя руки. Список самоубийц внушительен. Одной из них по имени Джейн Моррис Мустафа был околдован: «...она встала передо мной как злой дух из преисподней, и в глазах ее был дразнящий вызов, пробудивший в моем сердце жгучую страсть...» [2, с. 202]. Ни укротить ее, ни порвать с ней не было возможности. Наконец кинжал в руках нашего героя разорвал порочный круг их связи. Но даже умирая, Джейн шептала: «Уйди со мной. Уйдем вместе. Не дай мне уйти одной» [2, с. 208]. Отсидев в тюрьме 7 лет, данные в суде за убийство, Мустафа Сагид наконец вернулся в милый его сердцу Судан и устроился в небольшой деревушке на берегу Нила. На новом ме-

сте наш герой пустил корни: купил дом, участок земли и женился на местной девушке. После смерти Мустафы Сагида с его семьей произошла трагедия. Молодящийся старик Вад ар-Раис положил глаз на хорошенькую вдову Хасану. Он начал добиваться ее руки сначала у ее отца, потом у попечителя. Вдова Мустафы в ответ грозила убить его и себя. Наконец после заключения брака Хасана совершила обещанное.

Бендер-шах / Трудовые подвиги сельчан ради любимых. Истории династий /

В третьей книге трилогии Ат-Тайиба Салиха «Бендер-шах» («Властелин города») автор приводит множество людских судеб, любовных историй, в том числе и свою. Вышеназванный персонаж для жителей селения имеет мистическое значение. Якобы в стародавние времена этим краем правил царь с таким именем, и столица его государства находилась как раз на месте их поселения. Арабские армии наголову разбили его войско, пленив людей и захватив богатства. Молва проецировала красивые легенды на реальную жизнь жителей Вад Хамида. Таких историй в романе несколько. Приведем историю рода Михаймида. С ранних лет в жизни героя появилась любовь к Марьям. Марьям строила планы будущей семейной жизни с Михаймидом-Марьюдом. В браке с ним она собиралась родить 10 мальчиков, и столько же девочек. Марьям мечтала, что первый из сыновей станет директором, второй адвокатом, третий врачом, четвертый инженером, пятый инспектором школы... Ее любимый удивлялся: когда же она родит 20 детей? Потом, передразнивая ее, говорил, что все они станут крестьянами. Девочка выросла, стала девушкой. Между Марьям и Марьюдом вспыхнуло чувство, но их браку воспрепятствовал его дед. Он настоял на том, чтобы внук уехал в Хартум для получения образования.

Таким образом, рассмотрев только четыре из известных произведений арабских писателей, наблюдаем значительное разнообразие как затронутой любовной тематики, так и подходов к решению разнообразных конфликтов на пути к гармонизации отношений общества.

Литература и источники:

1. Гюго В. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2, пер. с французского Т. Щепкиной-Куперник. – М.: Правда, 1972. – 293 с.
2. Салих ат-Тайиб. Свадьба Зейна. Сезон паломничества на Север. Бендер-шах. Пер. с араб. и вступ. статья Л. Степанова. – М.: Радуга, 1982. – 336 с.
3. Хайкал М.Х. Зейнаб. Картины сельской жизни и нравов Египта. Пер. с араб. и вступ. статья О. Фроловой. – Л.: Художественная литература, 1973. – 240 с.

Тулуюк Н.С. (КФУ, Казань)

ПЕРСИДСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА ИРАНСКОГО НАРОДА

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований
ИМОИиВ КФУ Юзмухаметов Р.Т.)*

Аннотация: В статье рассматриваются персидские пословицы и поговорки как зеркало иранского менталитета. Через анализ ключевых тематических групп (семья, дружба, богатство, труд, природа) раскрываются фундаментальные черты национального характера: фатализм и прагматизм, гостеприимство, приоритет семьи, ценность знания и эстетика смирения.

Ключевые слова: пословица и поговорка, менталитет, иранский народ, персидский язык, паремиология.

Язык – это зеркало души народа. Пословицы и поговорки – не просто чеканные формулы, а духовный код нации, записанный не на пергаменте, а в толще векового опыта, передаваемого из уст в уста. В этой уникальной призме преломляется судьба поколений, образуя спектр национального характера: отношение к труду, богатству, любви и смерти кристаллизуется здесь точнее, чем в многотомных трактатах. Пословица – квинтэссенция житейской философии, голос народа, свободный от цензуры времени.

Персидская паремиология – подлинная сокровищница духа, вобрав изысканную метафоричность классической поэзии и суровую откровенность базарной площади. За бытовым советом скры-

та многослойная мудрость, восходящая к зороастрийским заповедям суфийской философии. Это искусство, в котором назидание облечено в тончайшие одежды поэзии, а функциональность неотделима от эстетики.

Цель данной статьи – не просто каталогизировать корпус персидских пословиц, но предпринять лингвокультурологическое погружение в зеркало иранского менталитета. Мы постараемся проследить, как сквозь вербальные формулы проступают контуры архетипа иранца: его фатализм, соседствующий с прагматизмом, его знаменитый «таароф» («этикетная учтивость»), его гедонистическая любовь к «мигу бытия» и одновременно глубинная склонность к рефлексии. Через анализ пословиц и поговорок, мельчайших, но ярчайших единиц культурного текста, мы попытаемся расшифровать тот уникальный алгоритм мышления, который позволяет персидской цивилизации сохранять свое лицо на протяжении тысячелетий.

Иранцы жили в разных социальных и природных условиях, имели свою историю, религию, нравы, принципы морали, психологию и т.д. Именно они оказали основное влияние на формирование национального менталитета, а также пословиц и поговорок иранских народов, в которых ярко отражен данный менталитет и картина мира. Иранские народы проживали в разных климатических условиях, было развито сельское хозяйство. Выход в море способствовал развитию торговли и обширных культурных связей с другими народами. Через Иран проходил знаменитый Шелковый путь. Также на формирование культуры иранских народов оказало огромное влияние ислам и зороастризм. Религия и религиозные традиции были отчетливо отражены в устном народном творчестве, в пословицах, поговорках и былинах народов. Все это в совокупности наложило свой отпечаток на развитие культуры [1, с. 404–405].

В персидском языке есть небольшие различия между пословицей «ضرب المثل» и поговоркой «اصطلاح»: пословица всегда представляет собой синтаксически и семантически завершенное предложение, выражающее законченную мысль, мудрость или назидание. Поговорка является лишь частью предложения, устойчивым словосочетанием или оборотом, который встраивается в речь для придания

ей образности, но без явного нравоучения. В персидской традиции такие устойчивые, но незавершенные выражения часто относят к сфере «کنایه» («иносказание», «идиома»).

К основным темам персидской паремииологии относятся: 1) семья и родственные отношения, 2) гостеприимство и дружба, 3) труд, терпение и мудрость, 4) отношение к богатству и бедности, 5) природа и земледелие.

1) Семья – самая маленькая, но самая важная ячейка общества; семейные связи в пословицах и поговорках отражают разнообразие взаимоотношений. Например, «سیب پای درختش میافتد» – «Яблоко падает у подножия дерева»: выражение о преемственности черт от родителей. «چراغی که به خانه رواست، به مسجد حرام است» – «Свеча, что дозволена (нужна) для дома, для мечети – запретна»: означает приоритет нужд собственной семьи над всеми остальными делами и помощью чужим людям. «پسر بیادب، ششمین انگشت دست است؛ نه به» – «Невоспитанный сын – что шестой палец на руке: ни на что не годен, а отрезать больно»: она говорит о том, что даже никчемный, «неправильный» ребенок остается для родителя родной плотью и кровью. Избавиться от него так же невозможно, как и продолжать его терпеть – мучительно. Эта метафора показывает глубину родительской привязанности, несмотря на страдания.

2) Важной частью жизни любого человека является дружба, верная и преданная. В иранском менталитете, как и везде, это ценится. Например, «دوست آن است که گیرد دست دوست / به پریشان حالی و» – «Друг – тот, кто берет друга за руку в час смятения и беспомощности», а также «دوست خوب از برادر بهتر است» – «Хороший друг лучше брата»: показывают важность дружбы. Также иранцы очень гостеприимны: «در خانه هر چه مهمان هر که» – «В доме есть все, что угодно, гость – кто угодно». Но гостеприимством не стоит злоупотреблять: «مهمان سه روز عزیز است» – «Гость дорог три дня».

3) Огромный пласт пословиц составляют выражения о труде, терпении и мудрости. Например, «از تو حرکت از خدا برکت» – «От тебя

усилия, от Бога – благословение». «درخت پر بار سنگ می خوره» – «Плодоносное дерево ест камни»: результатов без тяжелого труда не будет. «آب که یک جا مونه می گنده», – «Вода, которая остается на одном месте, гниет»: говорит о важности постоянного развития. «دانا داند و پرسد نادان نداند و نپرسد» – «Умный знает и спрашивает, невежда не знает и не спрашивает». «از گهواره تا گور دانش بجوی» – «От колыбели до гроба ищи знаний»: пословица показывает важность приобретения мудрости.

4) Отношение народной мудрости персов к бедности прагматично и по-философски. «کاجی بهتر از هیچی» – «Качи (дешевая похlebка) лучше, чем ничего». «باد آورده را باد می برد» – «Принесенное ветром ветер уносит» (Бог дал, Бог взял). «خربزه شیرین مال شغاله» – «Сладкая дыня принадлежит шакалу»: ничего в жизни не дается (в плане богатства) просто так. «پول پیدا کردن آسونه، اما نگهداریش» – «Найти деньги легко, но сохранить их – проблема»: пословица вскрывает драматичный зазор между удачей (или трудом по добыванию) и дисциплиной обладания, между дарами судьбы и личной ответственностью. Для иранца это напоминание: твое испытание не в бедности, а в богатстве, которое нужно суметь не растратить впустую. «هر که را زر در ترازوست، زور در بازوست» – «У кого золото на весах, у того – сила в руках»: богатство дает не только комфорт, но и власть, влияние и безнаказанность. Деньги в этом мире – главный аргумент и рычаг давления. «پولدارها به کباب» – «Богатым кебаб, бедным – запах от кебаба». Пословица подчеркивает неравенство: пока богатые наслаждаются жизнью, бедные вынуждены довольствоваться лишь малым. Однако, ясно, что обладание богатством – не главное, это завершают эти пословицы: «مرگ به فقیر و غنی نگاه نمی کند» – «Смерть не различает богатого и бедного», «ادب به از دولت است» – «Воспитание лучше, чем богатство».

5) В менталитете персов сложилось почтительное отношение к природе, особенно к урожаю и воде в виду засушливого климата.

Это отразилось и в устном народном творчестве. Например, «ابر و باد و مه و خورشید و فلک در کارند / تا تو نانی به کف آری و به غفلت نخوری» – это знаменитое двустипное Саади, ставшее пословицей. Оно дарит ощущение космической важности простого куска хлеба. Вся вселенная приходит в движение, чтобы человек мог насытиться, но он должен осознавать эту грандиозную заботу и не быть беспечным. Это учит благоговению перед мирозданием и уважению к каждому зернышку. «آب آبادانی آورد» – «Вода приносит благоустроенность». Вода – источник жизни и цивилизации. Но чаще пословицы и поговорки, имеющие лексемы природы и с/х, метафорично говорят о других вещах (обществе, труде, личности и т.д.): «هر که در تخم کاشت، گندم برمی دارد» – «Кто посеял зерно, пожнет пшеницу», или «درخت هرچه بارش بیشتر، سرش فروتر» – «Чем больше у дерева плодов, тем ниже его верхушка»: говорит о скромности человека.

Таким образом, пословицы и поговорки – это синтез практических наблюдений, обобщение жизненных ситуаций, охватывающие все аспекты бытия. Они обнаруживаются в большом количестве в сочинениях поэтов и писателей [2, с. 45]. Ни в каком другом жанре фольклора народная жизнь не отражена так широко и многогранно, как в пословицах. Их вполне можно назвать энциклопедией народной жизни, автобиографией народа, зеркалом культуры [3, с. 82]. Персидские паремии предстают перед нами не просто как фольклорные единицы, а как подлинное зеркало иранской культуры, в котором синтезированы практические наблюдения, религиозно-философские воззрения и многовековой исторический опыт народа.

Литература и источники:

1. Мехтиханлы С.Г., Захраи С.Х. О пословицах и поговорках персидского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/journal/2013/3083/o_poslovicah_i_pogovorkah_persidskogo_yazyka.htm (дата обращения: 08.05.2026).

2. Мохаммад-заде, Ш.Г. Национальные, культурные и исторические общности в персидских и русских пословицах и поговорках / Ш.Г. Мохаммад-заде // Молодой ученый. – 2015. – №1 (81). – С. 404–407.

3. Шайхуллин Т.А. Отражение арабского мировоззрения в пословицах и поговорках / Т.А. Шайхуллин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Лингвистика», – 2011. – №1 (2). –С. 79–83.

Увайдуллаев А.Ф. (КФУ, Казань)

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАЛАМБУРОВ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований
ИМОИиВ КФУ Салахова И.И.)*

Аннотация: В статье рассматриваются когнитивные механизмы образования каламбуров в арабском медиадискурсе. Особое внимание уделяется фонетической, лексической и словообразовательной игре слов, а также роли контекста, ассоциаций и культурных знаний в понимании каламбура. Материалом послужили примеры из арабской медиаречи, прежде всего из сатирического дискурса телеканала «الجزيرة».

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, арабский язык, джиганас, таурия, медиадискурс, когнитивный механизм, игра слов.

Каламбур представляет собой один из наиболее ярких видов языковой игры, так как в нем слово перестает восприниматься только в своем прямом значении и начинает работать сразу в нескольких смысловых направлениях. Для понимания каламбура недостаточно просто знать перевод слова. Необходимо распознать звуковое сходство, увидеть скрытое значение, понять культурный намек и соотнести высказывание с конкретной ситуацией. По этой причине каламбур можно рассматривать не только как стилистический

прием, но и как особый когнитивный механизм, связанный с тем, как человек обрабатывает языковую информацию.

В арабской риторической традиции наиболее близкими к понятию каламбура являются «джинас» и «таурия». «Джинас» обычно строится на звуковом сходстве слов, а «таурия» – на наличии у слова близкого и далекого значений. В классической арабской поэзии и прозе эти приемы выполняли эстетическую функцию, украшали речь и показывали мастерство автора. Однако в современных арабских СМИ они получают новую роль. Каламбур становится средством сатиры, критики, политической оценки и эмоционального воздействия на аудиторию. Особенно это заметно в сатирических программах, где языковая игра помогает не только рассмешить зрителя, но и сформировать у него определенное отношение к событию.

Первым когнитивным механизмом образования каламбура является фонетическое сближение. Оно основано на том, что два слова звучат почти одинаково, но имеют разные значения. Например, в арабской медиаречи может обыгрываться пара «ضمان / ضمان», где первое слово связано со «стельками», а второе означает «гарантия». Ведущий как будто делает оговорку, но на самом деле эта оговорка является намеренной. Слушатель сначала воспринимает одно слово, затем слышит «исправление» и вынужден удерживать в сознании оба значения. Именно в этот момент и появляется комический или сатирический эффект.

Похожий механизм действует в примерах, где различие между словами связано всего с одной буквой. Так, «النبوي» и «النووي» создают игру между «пророческим» и «ядерным» оружием. Эти слова близки по звучанию, но отсылают к совершенно разным смысловым сферам. В результате возникает резкий контраст, который делает высказывание более выразительным. Здесь важно, что каламбур строится не на случайном совпадении, а на способности слушателя быстро сопоставить два звуковых образа и понять их различие. Иначе говоря, когнитивная работа адресата заключается в том, чтобы заметить минимальную фонетическую разницу и одновременно уловить максимальное смысловое расхождение.

Вторым механизмом можно считать семантическое раздвоение. Оно особенно характерно для «таурии», когда одно слово имеет два смысловых слоя. Один смысл является очевидным, а другой – скрытым, но именно он оказывается главным. Например, выражение «البيت الأبيض» может восприниматься как «Белый дом», т.е. политический центр США, а затем слово «الأبيض» может использоваться уже в буквальном значении в выражении «الخيط الأبيض». В таком случае читатель или зритель должен перейти от политического контекста к культурной или религиозной аллюзии. Если он не распознает оба значения, каламбур остается неполным.

«Таурия» в этом смысле требует от адресата более активного участия, чем обычное понимание текста. Слушатель должен не только понять ближайшее значение, но и догадаться, что автор специально оставил в слове второй смысловой путь. Такой механизм делает каламбур многослойным. Внешне фраза может выглядеть простой, но внутри нее скрывается дополнительный уровень оценки. Именно поэтому «таурия» часто используется в политическом и сатирическом дискурсе: она позволяет говорить косвенно, намекать, иронизировать и одновременно сохранять выразительность.

Третий когнитивный механизм связан с переключением фреймов. Под фреймом здесь можно понимать определенную ситуацию или набор ассоциаций, который возникает вокруг слова. Например, в предложении «هل جاء الشرع ليطبق الشرع في حكم سوريا؟» обыгрывается совпадение фамилии «الشرع» и слова «الشرع» со значением «шариат». С одной стороны, это собственное имя, с другой – религиозно-правовое понятие. Эффект появляется за счет того, что одно и то же слово переводит восприятие из политического фрейма в религиозный. Такой прием особенно продуктивен в арабском языке, потому что многие имена и фамилии имеют прозрачную внутреннюю форму и могут восприниматься как обычные нарицательные слова.

Каламбур такого типа не может быть понят вне контекста. Если адресат не знает, что «الشرع» является фамилией политического

деятеля, он увидит только религиозно-правовое значение. Если же он не знает значения слова «الشرع» как «шариат», то исчезнет сама языковая игра. Следовательно, когнитивный механизм каламбура связан не только с языком, но и с фоновыми знаниями. В арабских СМИ это особенно важно, потому что каламбур часто опирается на политические имена, религиозные формулы, названия стран, исторические ассоциации и устойчивые выражения.

Четвертый механизм – морфологическая переинтерпретация. Он проявляется тогда, когда слово начинает восприниматься так, будто оно подчиняется арабским словообразовательным моделям. Например, слово «المتهتلر» образовано от фамилии «Гитлер» по арабской модели причастия и может пониматься как «гитлерствующий» или «ведущий себя как Гитлер». В данном случае иностранное имя включается в арабскую грамматическую систему и превращается в сатирическую характеристику. Подобный прием показывает, что каламбур может возникать не только на уровне звука или значения, но и на уровне грамматической формы.

Похожий процесс наблюдается в образовании новых глаголов типа «تستأسد» и «تتأرنب». В выражении «اسرائيل تستأسد على غزة ولبنان» используются корни «أسد» – «лев» и «أرنب» – «кролик». В результате создается образ субъекта, который «ведет себя как лев» по отношению к одним и «как кролик» по отношению к другим. Здесь работает метафорическое мышление: свойства животных переносятся на политическое поведение. Такой каламбур легко воспринимается, потому что образы льва и кролика культурно понятны и вызывают устойчивые ассоциации с силой и трусостью.

Морфологическая игра особенно важна для арабского языка, так как его корневая система сама по себе создает широкие возможности для смысловых преобразований. Один и тот же корень может давать разные слова, а изменение породы глагола способно менять оттенок значения. Поэтому автор каламбура может не просто подобрать созвучные слова, а буквально создать новое слово, которое будет понятно носителю языка благодаря знакомой модели. В этом и проявляется когнитивная особенность арабского калам-

бура – новое слово воспринимается как необычное, но не как совершенно непонятное.

Пятый механизм – концептуальное смешение, или блендинг. Он проявляется в создании новых слов путем соединения частей разных слов. Например, «هتريياهو» объединяет образ Гитлера и фамилию «Нетаньяху». Такое слово невозможно понять только через словарь. Для его понимания нужно распознать оба исходных элемента и увидеть, какую оценку дает автор через их соединение. В результате возникает новая сатирическая номинация, где имя политика сразу получает отрицательную историческую ассоциацию.

Концептуальное смешение позволяет автору сжать сложную оценку до одного слова. Вместо длинного объяснения, почему тот или иной политик сравнивается с историческим образом зла, создается одно новое слово, в котором уже заключена нужная ассоциация. Адресат, распознавший обе части, самостоятельно достраивает смысл. Поэтому такой каламбур действует быстро и эмоционально. Он не просто сообщает оценку, а заставляет слушателя самому участвовать в ее формировании.

Таким образом, когнитивные механизмы образования каламбуров включают фонетическое сближение, семантическое раздвоение, переключение фреймов, морфологическую переинтерпретацию, концептуальное смешение и актуализацию культурной памяти. В арабских СМИ эти механизмы работают особенно активно, так как медиадискурс стремится к краткости, выразительности и сильному воздействию на аудиторию. Каламбур позволяет автору соединить юмор, критику и культурный намек в одной фразе. Благодаря корневой системе, богатой риторической традиции и открытости к новым словообразовательным моделям арабский язык обладает широкими возможностями для создания подобных языковых игр.

Шабат Р.Р. (РИИ, Казань)

КАЮМ НАСЫЙРИ НӘСЫЙХӘТЛӘРЕ – МӘЧЕТТӘГЕ ТАТАР ТЕЛЕ ДӘРЕСЛӘРЕМДӘ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
кафедры исламской теологии РИИ Сабилов Н.Р.)*

Аннотация: В статье рассматривается педагогическое наследие татарского просветителя Каюма Насыйри, в частности, его наставления из книги «Китаб-ат-тарбия». В статье отображен опыт использования этих наставлений на уроках татарского языка для детей школьного возраста в мечети. Показано, как наследие Каюма Насыйри помогает в нравственном воспитании и развитии интереса к родному языку.

Ключевые слова: Каюм Насыйри, наставления, татарский язык, уроки в мечети, «Китаб-ат-тарбия», нравственное воспитание.

Халкыбызның бөек мәҗрифәтчесе, галим, педагог, язучы, татар әдәби теленә нигез салучы Каюм Насыйри хәзерге көндә дә әһәмиятен югалтмаган бай мирас калдырды [2, 24 б.]. Аның хезмәтләре, бигрәк тә «Китаб-әт-тәрбия» китабына тупланган нәсыйхәтләре әхлак тәрбиясе бирүдә, балаларны белемле һәм тәрбияле итеп үстерүдә аеруча зур урын тотта [4, 12 б.].

Мин мәчеттә мәктәп яшендәге балаларга татар теле дәрәсләре алып барам. Дәрәсләремнең төп максаты – балаларга туган телне сөндөрү генә түгел, ә аларга әхлак тәрбиясе бирү, халкыбызның горәф-гадәтләрен, милли кыйммәтләрен өйрәтү. Шушы бурычлар-

ны үтәүдә Каюм Насыйри нәсыйхәтләре – минем өчен ышанычлы ярдәмче.

Каюм Насыйри – татар мәгърифәтчелегенен йолдызы. Ул 1825–1902 елларда яшәп ижат итә. Татар телендә 40 тан артык фәнни хезмәт һәм дәреслек бастырып чыгара [2, 24–27 б.].

1871–1876 елларда Каюм Насыйри, шәхси мәктәп оештырып, татар балаларына рус телендә белем һәм тәрбия бирә [5, 1 б.]. Ана Казан руханилар семинариясендә укытучы булып та эшләргә туры килә. Ул татар халкының тәрбия тәҗрибәсен, педагогикасын тирәнтен өйрәнә [1, 2 б.].

Каюм Насыйри балаларның тәрбияле, белемле булып үсүенә булышунуны изге бурыч дип санаган. Аның төп педагогик принцибы – тәрбиядә халыкчанлык һәм гуманлылык [5, 1 б.]. Ул аң-белемне ана телендә бирүне, укымышлы кеше булу өчен үз телен белүне хушлый [1, 2 б.].

Каюм Насыйриниң күренекле хезмәтләреннән берсе – «Китаб-әт-тәрбия». Бу китапта 113 үгет– нәсихәт тупланган [4, 12 б.]. Анда галим хезмәт сөючәнлек, гыйлемгә омтылыш, ата-анага хөрмәт, дуслык, сабырлык, түземлек кебек әхлак сыйфатларын тәрбияләүгә зур игътибар бирә [3, 1 б.].

Үз дәресләремдә мин, балаларга Каюм Насыйриниң нәсыйхәтләрен төрле алымнар белән тәкъдим итеп, аларны төшенергә, кабул итәргә өйрәтәм. Мисал өчен, Каюм Насыйриниң түбәндәге нәсыйхәтләрен китерергә мөмкин. 20 нче тәрбия: Мисыр шәһәрәндә ике әмирзадә бар иде. Берсе гыйлем өйрәнде, берсе мал жыйды, бай булды. Ул берсе галим булды, бу берсе – финанс министры булды. Бу, бай булганы галим булганына кимсетү күзә белән карар иде вә әйтер иде: «Мин солтанлыкка ирештем, син һаман бер ноктада торасын», – диде. Галим әйтте: «И туганым, Аллаһы Тәгаләгә шөкер итмәк минем тарафымдадыр, чөнки мин Пәйгамбәр мирасын таптым, әмма син фиргавен мирасын алдың», – диде. Әй угыл, бу кыйссадан сиңа тәрбия шулдыр ки, канәгать кирәк. Гыйлем, әлбәттә Пәйгамбәр мирасыдыр [4, 12 б.].

«И газиз бала! Адәмгә бигрәк кирәк һәм бигрәк кирәк ләзем нәрсә – гыйлемдер. Наданлык кешене игътибардан чыгара һәм хайван дәрәжәсенә кертә торган сыйфаттыр. Кайда барса да, надан кеше-

нең кадере юктыр [4, 12 б.]. Бу нәсыйхәт балаларның гыйлемгә омтылышын арттыруга ярдәм итә.

«Баланы хезмәт тәрбияли», – дип өйрәтә Каюм Насыйри [4, 12 б.]. «Ата-анана баш и, хөрмәт ит» дигән нәсыйхәте исә гаиләдәге мөнәсәбәтләрне ныгытуга юнәлтелгән [4, 12 б.]. «Һөнәр иясе бул, белемле бул, хезмәт сөючән бул», – дип киңәш итә ул [6, 320–322 б.].

Дәресләремдә нәсыйхәтләрне балаларның күңеленә сендерү өчен төрле ысуллар кулланам:

Татарча әйтеп күрсәтү: балалар нәсыйхәтне ишетә, күрә, кабат-лай.

Сораулар бирү: нәсыйхәтне укыгач, балаларга ана кагылышлы сораулар бирәм (нәсыйхәт нәрсәгә өйрәтә? Бу нәсыйхәт кемгә кагыла?). Бу аларның уйлау сәләтен үстерә [5, 2 б.].

Мисаллар китерү: Каюм Насыйри нәсыйхәтләре нигезендә кылган эшләрне, гамәлләрне күрсәтү.

Балаларга ситуацияләр тәкъдим итү: мәсәлән, кешеләр белән матур итеп ничек аралашырга, мәчет әдәбе, исламда табын әдәбе һәм башкалар.

Каюм Насыйри нәсыйхәтләре бүгенге көндә дә, 200 ел элек язылуларына карамастан, үзләренә актуальлеген югалтмаган [5, 27 б.]. Алар гади, аңлаешлы. Бу нәсыйхәтләр балаларга гына түгел, үземә дә белем бирүдә, тәрбия бирүдә ярдәм итә.

Мәчеттәге татар теле дәресләремдә Каюм Насыйри нәсыйхәтләрен куллану балаларның туган телгә карата мөхәббәтен һәм кызыксынуын арттыруга, аларның милли үзанын үстерүгә, әхлак сыйфатларын тәрбиялөүгә ярдәм итә дип ышанам [4, 2 б.], [6, 321 б.]. Без, дин һәм мәгариф системасында эшләүче хезмәткәрләр, Каюм Насыйриниң фәнни-педагогик мирасын тирәнтен өйрәнергә, аны хәзерге шартларда кулланырга һәм киләчәк буыннарда тапшырырга бурычлы.

Әдәбият һәм чыганаclar:

1. Гөлнара Усманова. Каюм Насыйри ижатын әхлак дәресләрендә куллану. [Электрон ресурс]. URL: <https://baltaci.ru/news/>

din-%D2%BB%D3%99m-tormyish/kaium-nasyiri-iatyn-axlak-dareslarenda-kullanu (мөрәжәгать итү вакыты:10.05.25).

2. Кадрия Хәлимова. Каюм Насыйри – мөгърифәтче-галим. [Электрон ресурс]. URL: <https://tatar-inform.tatar/news/kazanda-magrifatce-galim-kayum-nasyirinyn-199-ellygyn-bilgelap-utalar-5882905> (мөрәжәгать итү вакыты: 10.05.25).

3. Марат Ганиев. Каюм Насыйри Китаб-әт-тәрбия китабын тәкъдим иттеләр. [Электрон ресурс]. URL:<https://tatar-inform.tatar/news/kayum-nasyirinyn-tarbiya-turyndagy-kitab-at-tarbiya-kitabyn-takdim-it-5900459> (мөрәжәгать итү вакыты: 10.05.25).

4. Насыйри К. Китаб-әт-тәрбия / К. Насыйри. – Казан, 1891. – 12 б.

5. Шамил Жәләлиев. Каюм Насыйри ижатында халык тәрбиясе. [Электрон ресурс]. URL: https://dumrt.ru/articles/mm-islam/mm-islam_5038.html (мөрәжәгать итү вакыты: 10.05.25).

6. Tatar Encyclopedia. Nasiri Qayum/ Китаб-әт-тәрбия. – Казан, 2008. – 322 б.

**МЕДИЙНЫЕ И РЕКЛАМНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Андреева Е.А. (КазГИК, Казань)

ИМИДЖ КАК СРЕДСТВО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СМИ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация. *В статье рассматривается имидж как инструмент позиционирования средств массовой информации. Анализируется, каким образом он формируется в современных условиях медиaprостранства. Основное внимание уделено разбору конкретных кейсов информационного агентства ТАСС, позволяющих проследить, как реальные информационные ситуации влияют на восприятие медиаресурса аудиторией.*

Ключевые слова: *имидж, позиционирование, СМИ, ТАСС, медиакоммуникации, PR, аудитория, репутация, медиaprостранство.*

Современное медиaprостранство развивается в условиях постоянного информационного давления: объем новостей увеличивается, тогда как внимание аудитории остается ограниченным. В такой ситуации пользователи все чаще ориентируются не столько на содержание отдельных сообщений, сколько на уровень доверия к источнику. Именно поэтому значение имиджа СМИ существенно возрастает.

В условиях цифровизации медиаресурсы вынуждены не только оперативно распространять информацию, но и формировать

устойчивое восприятие себя у аудитории [2, с. 162]. В противном случае даже качественные материалы могут не достигать своей цели.

Имидж в медиасфере можно определить как совокупное восприятие объекта, формирующееся в сознании аудитории под влиянием различных факторов [4, с. 45]. Он включает не только информацию, но и способы ее подачи, эмоциональную окраску и регулярность коммуникации. Функционально имидж выполняет коммуникативную и оценочную роль, влияя на отношение аудитории к медиаресурсу и степень доверия к нему [5, с. 78]. В этой связи он тесно связан с репутацией, формируя устойчивое представление о СМИ [7, с. 112].

Позиционирование, в свою очередь, представляет собой процесс закрепления определенного образа в сознании аудитории, позволяющий медиаресурсу выделяться среди конкурентов [1, с. 1895]. В условиях высокой конкуренции именно четкое позиционирование становится важным фактором успешности.

Наиболее наглядно имидж СМИ проявляется в освещении значимых событий, когда редакция выбирает формат подачи, источники и акценты. Для анализа выбраны три кейса.

Первый кейс: введение СВО

В день высокой информационной напряженности ТАСС опубликовал сообщение о начале специальной военной операции, опираясь на официальное обращение руководства страны. Материал был предельно сжат и выполнял функцию передачи ключевых тезисов без аналитики и комментариев [3]. Эта модель соответствует логике классического информагентства: приоритет скорости, точности и проверяемых источников. В кризисной ситуации выбор официального первоисточника минимизирует риск искажений и сохраняет институциональную надежность. ТАСС ограничился трансляцией официальной позиции, исключив альтернативные точки зрения. В современной медиасреде, где аудитория привыкла к многоканальности, такой формат воспринимается неоднозначно. С одной стороны, он усиливает доверие к государственно ориентированному источнику. С другой – формирует представление об информационной односторонности.

Мини-вывод: кейс демонстрирует приоритет официальности и институциональной достоверности над аналитической многослойностью.

Второй кейс: пандемия COVID-19

В период резкого роста заболеваемости и введения ограничений ТАСС активно публиковал новости на основе данных оперштабов, заявлений властей и официальной статистики [3]. Ежедневные сводки о зараженных, умерших и ограничительных мерах строились по единой модели: краткое сообщение, цифры, ссылка на источник. Такая унифицированная подача обеспечивала четкость и понятность, что критически важно в кризис для предотвращения паники. Однако ТАСС практически не выходил за рамки официальной повестки: редко затрагивались повседневный опыт людей, трудности врачей или социальные последствия. Отсутствовала интерпретация данных – объяснение динамики и факторов влияния. В результате ТАСС воспринимался как источник «сухой» информации, фиксирующий события без попытки их осмыслить. На фоне других медиа, использовавших репортажи и аналитику, контент агентства был менее вовлекающим. Однако в условиях неопределенности ставка на достоверность укрепила доверие аудитории.

Мини-вывод: стратегия информирования через официальные данные усилила имидж надежного источника, но ограниченность форматов и отказ от глубины снизили вовлеченность аудитории.

Третий кейс: развитие цифровых платформ

В 2023 г. ТАСС начал регулярно публиковать в Telegram краткие новости – одну-две фразы. Это отражает современные тенденции медиапотребления: аудитория ориентирована на быстрое получение информации. Скорость и доступность становятся ключевыми характеристиками успешного ресурса. Агентство адаптировалось к изменениям, используя формат коротких новостей без избыточной детализации, что важно для мобильных пользователей и соцсетей. При этом краткость не исключает углубления: сообщения сопровождаются ссылками на развернутые материалы, позволяя аудитории выбирать уровень погружения. Такая стратегия сочетает оперативность и структурированность, усиливая конку-

рентоспособность в цифровой среде. Использование современных платформ расширяет аудиторию и повышает вовлеченность.

Мини-вывод: ТАСС успешно адаптируется к цифровым условиям, сохраняя базовые характеристики надежного источника и усиливая позиции в онлайн-пространстве.

Общий вывод

Анализ трех кейсов показывает, что имидж ТАСС формируется как результат устойчивой коммуникационной стратегии, основанной на официальнойности, достоверности и институциональной нейтральности. Во всех ситуациях прослеживается единая логика: приоритет официальных источников, стандартизация подачи, ориентация на оперативность.

При этом имидж проявляется двойственно. С одной стороны, агентство укрепляет позицию надежного источника, которому доверяют в условиях информационной неопределенности. Это особенно ярко проявилось в кризисах, где ставка на официальные данные обеспечивала стабильность и снижала риск дезинформации.

С другой стороны, кейсы демонстрируют ограниченность модели: недостаток аналитической глубины, минимальное использование альтернативных точек зрения, слабая эмоциональная вовлеченность. В современном медиaprостранстве, где важны не только факты, но и интерпретации, это может снижать вовлеченность аудитории.

Таким образом, имидж ТАСС – устойчивое, но инерционное явление: он обеспечивает высокое доверие, но требует адаптации к новым форматам. В рамках теоретической части работы это подтверждает, что имидж СМИ – не статичная характеристика, а динамическая система, формирующаяся через реальные практики освещения событий и взаимодействие с аудиторией.

Литература и источники:

1. Вдовченко О.А. Позиционирование как средство обеспечения конкурентоспособности в условиях современного рынка

/ О.А. Вдовченко // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – №36. – С. 1894–1897.

2. Качур А.С. СМИ как инструмент формирования имиджа страны и социальных настроений населения / А.С. Качур // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2017. – №9–1. – С. 161–164.

3. Официальный сайт информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. URL: Новости в России и мире – ТАСС.

4. Семенова Л. М. Имиджмейкинг: учебник и практикум для вузов / Л. М. Семенова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 142 с.

5. Синяева И. М. Реклама, PR, имидж: учебник для среднего профессионального образования / И. М. Синяева, О. Н. Жильцова, Д.А. Жильцов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 263 с.

6. Соболев И.Э. Использование рекламы и PR-технологий для формирования имиджа торгового предприятия (на примере ООО «ВИС») / И.Э. Соболев, И.П. Деветьярова // Вектор экономики. – 2025. – №7 (109). – С. 2.

7. Чумиков А.Н. Связи с общественностью и медиакоммуникации: учебник для вузов / А. Н. Чумиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 199 с.

Антонова Д.А. (КазГИК, Казань)

СОТРУДНИЧЕСТВО КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация. В статье анализируются основные направления взаимодействия культурных организаций со средствами массовой информации на примере двух ведущих учреждений Республики Татарстан – Татарского академического государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля и Национального музея РТ. Исследуются особенности применения традиционных и цифровых медиа, а также оценивается эффективность различных форматов и инструментов PR-деятельности, направленных на укрепление позитивного имиджа учреждений и повышение посещаемости.

Ключевые слова: взаимодействие, организации культуры, средства массовой информации, PR-деятельность, Татарстан, Театр оперы и балета имени М. Джалиля, Национальный музей РТ, интернет-маркетинг.

В условиях информационного общества учреждения культуры все чаще обращаются к медиа не только для анонсирования событий, но и для развития прочного благоприятного имиджа. Технологии подготовки и реализации рекламных и PR-кампаний становятся неотъемлемым элементом деятельности любой организации,

стремящейся к эффективной коммуникации с общественностью. Театры, музеи и библиотеки активно осваивают как традиционные (печать, радио, телевидение), так и цифровые каналы коммуникации.

Однако на региональном уровне данная проблематика приобретает особую специфику. Учреждения культуры в республиках и областях России сталкиваются с двумя основными проблемами: недостатком средств и важностью сохранения своей национальной самобытности, при этом – необходимостью включения в единое культурное пространство России

В Республике Татарстан, как показывает практика, эти процессы имеют свою уникальную динамику, что делает регион показательным примером для анализа.

Объектом исследования выступает процесс взаимодействия организаций культуры со средствами массовой информации.

Предметом – конкретные формы, методы и инструменты данного взаимодействия на примере двух ведущих культурных учреждений Республики Татарстан.

Методологическую основу работы составляют фундаментальные положения теории массовой коммуникации, теории связей с общественностью и культурологии.

Материал изучен с помощью общенаучных методов исследования: диалектический, сравнительно-сопоставительный, контент-анализ, а также метод синтеза. В основе лежит системный подход.

Теоретической базой послужили труды отечественных исследователей в области медиакоммуникаций и PR.

Эмпирическую базу составили отчетные материалы Министерства культуры РТ, публикации в региональных СМИ и материалы, размещенные на официальных сайтах и в социальных сетях Театра оперы и балета имени Мусы Джалиля и Национального музея РТ.

В современном мире взаимодействие учреждений культуры со средствами массовой информации выходит за рамки простого информирования о предстоящих событиях. Это сложная система, которая использует и старые, и новые способы передачи информации. К устоявшимся каналам распространения относятся печат-

ные издания (газеты, журналы), телевидение и радио. К новым – интернет-сайты, социальные сети, видеохостинги и мессенджеры.

Для учреждений культуры особенно важным становится не просто размещение информации, а налаживание и укрепление сотрудничества с журналистами и блогерами на постоянной основе. Регулярные пресс-релизы, специальные мероприятия для прессы, создание качественного визуального контента – все это становится частью системной PR-стратегии. Эффективность взаимодействия во многом зависит от того, насколько учреждение готово к открытому диалогу и оперативному предоставлению информации.

Анализ практики взаимодействия со СМИ проводился на базе двух ведущих культурных институций Республики Татарстан: Татарского академического государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля и Национального музея Республики Татарстан.

Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля – один из ведущих музыкальных театров России, созданный в 1939 г. Официальный сайт учреждения (kazan-opera.ru) характеризуется продуманной структурой и удобным функционалом. На сайте представлены подробные сведения об истории учреждения, составе труппы, текущем репертуаре, актуальных новостях и предстоящих событиях. Также доступна удобная возможность приобретения билетов в онлайн-режиме. Важным разделом является «Пресса о нас», где собраны публикации из средств массовой информации, что облегчает работу журналистов. Сайт имеет четкую структуру, главная страница содержит анонсы текущих премьер. Одним из направлений взаимодействия театра со СМИ является размещение информации о новых постановках в печатных изданиях и их электронных версиях. В 2024 г. в газете «Республика Татарстан» была опубликована статья о премьере балета «Щелкунчик» в хореографии Владимира Яковлева. Заголовок «Новое дыхание старой сказки: как меняется «Щелкунчик» на казанской сцене» привлекает внимание аудитории. Тем не менее, опыт свидетельствует о необходимости применения нестандартных подходов для охвата более обширной целевой группы.

Национальный музей Республики Татарстан – старейший музей региона, основанный в 1894 г. Его сайт (tatmuseum.ru) представляет собой информационный портал, где можно найти описание коллекций, анонсы выставок и экскурсий, а также научные публикации. Сайт имеет версию для слабовидящих. Внизу страницы расположены рубрики «О музее» и «Для СМИ», что облегчает работу журналистов. С целью заинтересовать молодое поколение, музей инициировал серию статей в издании «Молодежь Татарстана», озаглавленных «Музейный детектив: истории из запасников». Каждая публикация представляла собой раскрытие интригующей истории, касающейся определенного музейного предмета. Оригинальная идея стимулирует интерес читателей к личному знакомству с артефактами в стенах музея. Этот метод показал свою результативность в привлечении юной аудитории. На телевидении музей реализовал проект «Ночь в музее». В 2024 г. на телеканале «Эфир» была проведена прямая трансляция из музея. Ведущие вместе с кураторами ходили по залам и рассказывали о самых интересных экспонатах. Прямой эфир предусматривал возможность активного диалога: участники трансляции имели шанс направлять свои вопросы в чат, на которые затем экскурсоводы давали ответы в режиме реального времени. Подобный подход призван был охватить как можно более широкую аудиторию. Особое внимание уделялось тем, кто в силу обстоятельств не имеет возможности посетить музей лично.

Таким образом, системный и плодотворный характер сотрудничества между Театром оперы и балета имени Мусы Джалиля и Национальным музеем Республики Татарстан с представителями медиа-сферы очевиден. Оба культурных учреждения активно задействуют как проверенные временем печатные и телевизионные платформы, так и новейшие цифровые медиа. Театральная сцена демонстрирует предпочтение телевизионным эфирам и видеоматериалам в социальных сетях, тогда как музей делает ставку на публикации в научных изданиях и разработку интерактивных предложений. Неизменным для обоих объектов является присутствие функциональных веб-порталов, включающих специально разработанные секции для представителей прессы, тем самым су-

щественно упрощая рабочие процессы журналистов. Применение вышеупомянутых инструментов позволяет учреждениям эффективно доносить информацию о своей деятельности до широкой общественности, что, в свою очередь, способствует увеличению числа посетителей и формированию благоприятной репутации.

Литература и источники:

1. Крайнов Г.Н. Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR: Учебное пособие для вузов / Г.Н. Крайнов. – 3-е изд., стер. – СПб : Лань, 2022. – 372 с.

2. Официальный сайт Театра Оперы и Балета имени Мусы Джалиля г. Казани [Электронный ресурс]. URL: <https://kazan-opera.ru/?ysclid=mnvsrpnet5596468853>

3. Официальный сайт Национального музея Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://tatmuseum.ru/?ysclid=mnvsv79qbq472566647>

4. Райнер Ю.С. Медиарилейшнз и взаимодействие с электронными СМИ в высших учебных заведениях / Ю.С. Райнер, К.С. Сафиуллина, М.А. Жаркова // Дни студенческой науки: Сборник научных трудов III Международной студенческой конференции. – Казань, 2020. – С. 92–96.

5. Ушанов П.В. Медиа рилейшнз. Основные аспекты взаимодействия СМИ и public relations: учеб. пособие / П.В. Ушанов. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 79 с.

6. Чумиков А.Н. Связи с общественностью и медиакommunikation: учебник для вузов / А.Н. Чумиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 199 с.

Ахметшина Ф.Ф. (РИИ, Казань)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АУДИТОРИЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики РИИ Сабирова Л.Р.)*

Аннотация: *Статья посвящена исследованию приемов работы с аудиторией в современной журналистике. На основе анализа публикаций интернет-изданий «Татар-информ» и «Идель.Топ» выявляются эффективные форматы взаимодействия, а также рассматриваются вызовы, с которыми сталкиваются журналисты в условиях цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *журналистика, аудитория, приемы работы, взаимодействие, диалог, вовлечение, цифровая трансформация, доверие.*

Современная журналистика переживает этап глубокой трансформации. В условиях перенасыщения информационного поля, традиционная модель односторонней передачи новостей утрачивает эффективность. Как отмечает Л.Г. Свитич, аудитория сегодня перестает быть объектом воздействия и проявляет себя как активный субъект коммуникации [2, с. 87]. В эпоху социальных сетей перед журналистом возникает необходимость выстраивать диалог с аудиторией, создавать материалы, сочетающие информативность и вовлекающий характер.

Наша исследовательская проблема обусловлена тем, что умение взаимодействовать с аудиторией становится одной из ключевых профессиональных компетенций. По мнению С.Г. Корконосенко, именно характер отношений между журналистом и аудиторией определяет успешность функционирования всей медиасистемы [1, с. 112]. От того, насколько журналист учитывает запросы аудитории, зависит не только востребованность публикаций, но и уровень доверия к СМИ в целом. Наблюдаемые изменения в медиасреде ставят перед теорией журналистики новые задачи. Классические модели линейной коммуникации требуют пересмотра в связи с появлением интерактивных форматов: прямых эфиров, систем комментирования, закрытых сообществ. Эти форматы формируют иную систему отношений между журналистом и читателем. Н.А. Хренов подчеркивает, что публика на протяжении истории культуры всегда была активным интерпретатором, однако цифровая среда многократно усилила эту активность [3, с. 204].

Современный читатель перестал быть пассивным получателем информации. Он выступает как соавтор, критик, распространитель и даже цензор. Это требует от журналиста умения слышать аудиторию и выстраивать конструктивный диалог в условиях повышенной эмоциональности публичного общения.

Проведенное исследование показало, что современные медиа находятся в точке перехода от монологической модели к диалогичной. Анализ 30 публикаций информагентства «Татар-информ» и сайта «Идель.Топ» подтверждает, что наиболее эффективными с точки зрения вовлечения оказались художественно-публицистические жанры (лайфстайл-статьи, интервью-портреты), использующие прямые обращения, эмоциональную окраску и адаптацию под социальные сети. Информационные же жанры (короткие новости) по-прежнему функционируют в монологическом режиме.

Однако внедрение диалоговых приемов сопряжено с вызовами. Журналисты сталкиваются с трудностями: как сохранить баланс между оперативностью и глубиной? Как адаптировать материал для разных платформ? Чрезмерное использование громких заголовков может оттолкнуть аудиторию, а отсутствие вовлечения – сделать контент незаметным. Кроме того, работа с аудиторией в

соцсетях порождает этические вопросы: как отвечать на негативные комментарии? Где грань между диалогом и манипуляцией?

Перспективы дальнейшего исследования лежат в поиске баланса. Необходимо изучать, какие навыки – работа с разными платформами, знание алгоритмов соцсетей, умение выстраивать сообщество – станут ключевыми для журналиста будущего. Важно понять, как сохранить в медиа человеческое лицо в эпоху, когда конкуренция за внимание заставляет жертвовать глубиной ради кликабельности. Работа с аудиторией – это не угроза для журналистики, а возможность стать ближе к читателю. Основа профессии – точность фактов, критическое мышление и этика – остается неизменной. Но ее инструменты должны меняться. Будущее медиа – в умении говорить с читателем на одном языке, сохраняя профессионализм и честность.

Таким образом, решение нашей исследовательской задачи позволяет обобщить практический опыт и выявить инструменты, наиболее эффективные для построения доверительной коммуникации между журналистом и аудиторией. Как резюмирует С.Г. Корконосенко, «социология журналистики сегодня немыслима без изучения механизмов обратной связи и форм вовлечения аудитории» [2, с. 315].

Литература и источники:

1. Корконосенко С.Г. Социология журналистики: учебник для бакалавров. – 2-е изд., пер. и доп. / С.Г. Корконосенко. – М.: Юрайт, 2024. – 421 с.

2. Свитич Л.Г. Социология журналистики: учебник для вузов / Л.Г. Свитич. – М.: Юрайт, 2022. – 397 с.

3. Хренов Н.А. Теория аудитории медиа: публика в истории культуры: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. / Н.А. Хренов. – М.: Юрайт, 2026. – 411 с.

*Борисенко М.Р. (МБОУ гимназия «Эврика»
им. В.А. Сухомлинского», Анапа)*

БЛОГОСФЕРА РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

*(Научный руководитель – студентка IV курса ИМОИиВ КФУ, группа
№04.1-211 Пискун И.А.)*

Аннотация: *Статья посвящена изучению блогосферы российской мусульманской молодежи для трансляции патриотических ценностей и профилактики деструктивных идеологий.*

Ключевые слова: *гражданское воспитание, национальная безопасность, укрепление единства.*

В современном российском мусульманском обществе по ответам опрошенных в проведенном исследовании, молодежь все больше начинает получать информацию о религии и общественной жизни через СМИ и социальные сети. Российская мусульманская молодежь находится в зоне двойного риска: с одной стороны, глобальная сеть размывает национальную идентичность, с другой – радикальные группы используют те же медийные инструменты для пропаганды деструктивных идей. Возникает вопрос: может ли блогосфера российских мусульман не просто нейтрализовать угрозу, но и стать эффективным инструментом укрепления патриотизма? В данной статье проанализирована эволюция подходов к созда-

нию патриотического контента в мусульманских медиа, выявлены успешные кейсы и обозначены перспективные SMM-стратегии.

Проведя анализ различных Telegram-каналов, видеороликов, TikTok-аккаунтов и других медиаплатформ, было выделено развитие контента по нескольким смысловым темам (Родина, военное служение, религия). Если в 2010-х гг. патриотическая повестка транслировалась преимущественно в форме официозных пресс-релизов о встречах муфтиев с ветеранами или длинных проповедей на YouTube, то к 2026 г. произошел ряд кардинальных изменений.

Сейчас все больше коротких видеосюжетных роликов (Reels / TikTok / Shorts) с интервью с участниками СВО из числа мусульман или эмоциональных роликов о помощи нуждающимся вне зависимости от вероисповедания. Современный контент наиболее восприимчив для нынешней молодежи. Сложные исторические параллели (защита Отечества в исламской доктрине и в современном праве) оформляются в визуально приятные слайды. Также взамен призывов (например, «Будь патриотом!») появляются личные истории, подчеркивающие неразрывность понятий «быть мусульманином» и «быть гражданином России».

Для усиления роли исламской блогосферы в укреплении единства необходимо переходить от стихийного постинга к использованию классических рекламных стратегий: таргетинг – поиск молодежи, подписанной на развлекательный контент, а не на религиозные и патриотические сообщества, с целью показа им социально значимого исламского контента; коллаборации с популярными гражданскими патриотическими проектами для разрушения стереотипа о «закрытости» уммы. Именно внедрение рекламных технологий в медийную деятельность позволит превратить профессиональные блоги в полноценный институт гражданского воспитания.

Также, благодаря рекламным стратегиям, можно сокращать появление деструктивных идей за счет воспитания патриотизма и любви к родине с юности.

Таким образом, современная медийная сфера российского ислама прошла путь от долгого и тяжело усваиваемого контента для молодежи с малым социальным опытом до более простого и легко понимаемого контента. Также в условиях информационной во-

йны блогосфера мусульман может стать не просто религиозным рупором, а инструментом обеспечения национальной безопасности. Главный секрет успеха – отказ от менторского тона в пользу честного разговора с привлекательной рекламной упаковкой, где любовь к Родине является неотъемлемой частью веры.

Валиуллин Р.Д. (РИИ, Казань)

ТВОРЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЖУРНАЛИСТА И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА)

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики
и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)*

Аннотация: *Статья посвящена исследованию творческих приемов журналиста в современной телевизионной журналистике. На примере деятельности спортивного комментатора Дмитрия Губерниева анализируются языковые и выразительные средства, формирующие авторский стиль и обеспечивающие эмоциональное вовлечение аудитории.*

Ключевые слова: *творческие приемы журналиста, телевизионная журналистика, спортивный комментатор, авторский стиль, Дмитрий Губерниев, языковые особенности.*

Современная телевизионная журналистика предъявляет повышенные требования не только к оперативности передачи информации, но и к способам ее подачи. В условиях высокой конкуренции между традиционными СМИ и цифровыми платформами журналисту необходимо использовать разнообразные творческие методы, чтобы привлечь и удержать внимание аудитории. Творческие приемы становятся инструментом не только информирования, но

и эмоционального воздействия, формирования запоминающегося медиаобраза.

Познавательная стадия журналистского творчества является фундаментальным этапом создания материала. Как отмечает Г.В. Лазутина, она включает не только сбор информации, но и ее первичное осмысление, структурирование будущего текста [4, с. 45–52]. В телевизионной журналистике, особенно в условиях прямого эфира, познавательная стадия фактически сливается с процессом комментирования, требуя от журналиста мгновенной реакции и высокой концентрации. Спортивный комментатор, в отличие от репортера новостей, вынужден одновременно наблюдать за динамичным событием, анализировать его и формулировать речь в реальном времени.

Содержательные элементы журналистского произведения – факт, тема, идея, композиция и авторская позиция – определяют внутреннюю организацию телевизионного текста. Как подчеркивает Е.П. Прохоров, факт в журналистике представляет собой уже интерпретированную реальность, что делает неизбежным проявление авторского начала [6, с. 82–87]. На телевидении визуальный ряд усиливает или заменяет текстовую информацию, поэтому взаимодействие содержательных элементов с изображением приобретает особую значимость.

Жанровая система телевизионной журналистики включает информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Спортивный комментарий, к которому относится деятельность Дмитрия Губерниева, занимает промежуточное положение, сочетая признаки репортажа (эффект присутствия), аналитики (объяснение событий) и публицистики (авторская оценка) [3, с. 62–67].

Анализ творчества Дмитрия Губерниева, проведенный на материалах трансляций телеканала «Матч ТВ» (2015–2026 гг.), позволяет выделить устойчивые языковые особенности, формирующие его авторский стиль. К ним относятся: широкое использование эмоционально-оценочной лексики («фантастика», «сенсация»); повторы, усиливающие драматизм («Женя терпит, терпит Женя»); обращения к зрителям («уважаемые друзья»); глагольные формы

настоящего времени, создающие эффект непосредственного наблюдения («мы видим»); риторические вопросы и восклицательные конструкции; образные средства – метафоры («Фуркад, как утюг, продолжает гладить эту трассу») и прецедентные фразы («Наташ, собирай документы. Будут гонки»).

Выявленные приемы выполняют несколько функций: контактную (установление диалога с аудиторией через обращения и местоимения «мы», «вы»); эмоционально-экспрессивную (передача напряжения и драматизма соревнования); оценочную (выражение авторского отношения); эстетическую (создание образности через метафоры). Системное применение этих средств обеспечивает высокую узнаваемость комментатора и превращает информационное сообщение в эмоционально насыщенное событие.

Таким образом, творческие приемы журналиста играют ключевую роль в создании эффективного телевизионного материала. Они не только обеспечивают выразительность и доступность подачи, но и формируют авторский стиль, способствуют установлению прочной связи с аудиторией. Деятельность Дмитрия Губерниева демонстрирует, что сочетание информационной точности, эмоциональной вовлеченности и языкового мастерства позволяет спортивному комментатору выйти за рамки простого информирования и стать значимой медиаперсоной.

Литература и источники:

1. «Биатлон с Дмитрием Губерниевым». Выпуск от 12.03.2023 [Электронный ресурс] // Матч ТВ. – Режим доступа: <https://matchtv.ru> (дата обращения: 20.04.2026).
2. «Биатлон с Дмитрием Губерниевым». Выпуск №11 от 29.03.2026 [Электронный ресурс] // Матч ТВ. – Режим доступа: <https://matchtv.ru> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 319 с.
4. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста. 2-е изд., перераб. и доп. / Г.В. Лазутина. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 240 с.

5. «Откровенный Губерниев – о хейтерах и заработке, женщинах и Моргенштерне» [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 20.04.2026).

6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. / Е.П. Прохоров. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

7. «Я не стесняюсь быть клоуном» [Электронный ресурс] // Чемпионат. – Режим доступа: <https://www.championat.com> (дата обращения: 20.04.2026).

Вахитова И.И. (РИИ, Казань)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СМИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики ИМОИиВ КФУ; доцент кафедры журналистики РИИ Вагапова Ф.Г.)

***Аннотация.** В статье анализируется современное состояние законодательного регулирования средств массовой информации в Российской Федерации. На основе изучения Конституции РФ, Закона РФ «О средствах массовой информации» рассматриваются основные направления правового регулирования медиасферы; на примере публикаций интернет-изданий «РБК» и «Газета.ру» отражаются проблемы реализации этико-правовых норм и перспективы развития законодательства в условиях цифровизации. Показано, как российское медиазаконодательство прошло путь к модели правового регулирования, основанной на свободе информации и ответственности за ее распространение. Выявлены различия в подаче информации о медиарегулировании в анализируемых изданиях: «РБК» делает акцент на официальных источниках и правовом контексте, а «Газета.ру» – на мнениях экспертов, реакции общества и конкретных случаях применения закона.*

***Ключевые слова:** законодательное регулирование СМИ, свобода слова, Закон о СМИ, этико-правовые нормы, интернет-СМИ, «РБК», «Газета.ру», цифровая трансформация, информационная безопасность.*

В ходе проведенного исследования было установлено, что законодательное регулирование средств массовой информации в Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся систему, основанную на конституционных принципах и отраслевых нормативных актах. Анализ положений Конституции РФ, в частности, статьи 29, показал, что государство гарантирует свободу мысли, слова и массовой информации, а также запрещает цензуру, что создает фундамент для независимой деятельности журналистов [4]. Центральным нормативным актом, конкретизирующим деятельность СМИ, является Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», принятый 27 декабря 1991 г. (с последующими изменениями). В ходе исследования было выявлено, что данный закон закрепляет принципы редакционной независимости, определяет права и обязанности журналистов (право запрашивать информацию, посещать открытые мероприятия, фиксировать события), а также устанавливает запрет на распространение экстремистских материалов, пропаганду насилия и заведомо недостоверной информации. Закон также регулирует процедуру государственной регистрации СМИ, что позволяет отслеживать легальные медиа и обеспечивать соблюдение законодательства. Особое внимание в работе было уделено тому, что с развитием цифровых технологий положения закона были распространены на интернет-СМИ, что позволило включить онлайн-издания в общее правовое поле [3, с. 54–62].

Особое место в работе занял анализ реализации этико-правовых норм журналистики на примере интернет-изданий «РБК» и «Газета.ru». Исследование показало, что оба издания в целом стремятся соблюдать профессиональные стандарты, однако подходы к подаче информации существенно различаются. Сравнительный анализ публикаций, посвященных возможной блокировке мессенджера Telegram в России, выявил, что «РБК» делает акцент на официальных источниках (информация от источников, знакомых с обсуждениями в профильных ведомствах), приводит причины возможной блокировки (использование мессенджера для противоправной деятельности) и связывает текущие события с предыдущими ре-

шениями государственных органов, представляя ситуацию в широком политико-правовом контексте [5]. «Газета.ru», напротив, сосредоточена на реакции пользователей, комментариях экспертов и технических проблемах работы мессенджера, а также приводит данные специализированных сервисов мониторинга, фиксирующих жалобы на сбои. При этом в публикациях «Газета.ru» также присутствуют комментарии представителей Роскомнадзора, что обеспечивает баланс мнений [1].

Анализ материалов, посвященных проблеме утечек персональных данных, показал, что «РБК» акцентирует внимание на законодательных изменениях, статистических данных и мерах ответственности за нарушение норм обработки данных, подчеркивая постепенное ужесточение государственного контроля [6]. «Газета.ru» в аналогичной теме делает акцент на конкретных случаях применения закона и их последствиях для обычных пользователей. В работе был рассмотрен пример, когда мужчина был признан виновным в публичном оправдании терроризма в интернете и получил штраф в размере 300 тысяч рублей с запретом размещать публикации и комментарии в сети [5]. Другой пример касался женщины, оштрафованной за одно слово в интернет-споре [9]. Такая подача позволяет читателю увидеть, как абстрактные законодательные нормы реализуются в конкретных жизненных ситуациях.

Важным результатом исследования стало также рассмотрение профессионально-этических аспектов журналистской деятельности. В работе проанализированы публикации о признаках фейковых новостей и способах их распознавания, где подчеркивается важность проверки фактов, опоры на авторитетные источники и наличия конкретных доказательств [7]. Отмечено, что в условиях активного развития технологий искусственного интеллекта граница между правдой и вымыслом становится менее очевидной, что создает у читателей состояние неопределенности и требует от журналистов еще более ответственного подхода к верификации информации. Также был рассмотрен случай, когда суд обязал «Новую газету» (запрещена в России) опубликовать опровержение на сайте «РБК», что представляет собой этический вызов: публикация опровержения чужого материала на ресурсе, который

не являлся ответчиком по делу, может быть воспринята как вмешательство в редакционную политику другого СМИ и нарушение принципа независимости [8].

Перспективы развития законодательного регулирования СМИ, проанализированные в работе, связаны с дальнейшей цифровой трансформацией медиасреды. В условиях активного развития интернет-платформ, социальных сетей и технологий искусственного интеллекта законодательство продолжает адаптироваться: усиливается контроль за распространением информации, повышается ответственность за утечки персональных данных, обсуждаются новые меры регулирования цифровых платформ. При этом ключевой задачей остается сохранение баланса между свободой слова и необходимостью правового контроля, что требует от законодателей, журналистского сообщества и общества в целом постоянного диалога и поиска компромиссных решений.

Общий вывод исследования состоит в том, что российское законодательное регулирование СМИ находится в процессе постоянного развития, отражая изменения в информационной среде и общественных отношениях, а средства массовой информации, такие как «РБК» и «Газета.ru», выполняют важную функцию не только информирования общества о процессах в сфере медиарегулирования, но и практической демонстрации как соблюдения, так и трудностей реализации этико-правовых норм в условиях оперативного распространения новостей в цифровую эпоху.

Литература и источники:

1. «В Госдуме раскритиковали блокировки мессенджеров» / [Электронный ресурс] // Газета.ru – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2026/02/10/27821263.shtml> (дата обращения: 27.02.26).

2. «Власти определились со сроками блокировки Telegram» / [Электронный ресурс] // РБК – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/02/2026/69a059719a7947a5ece8f4e4 (дата обращения: 27.02.26).

3. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. №2124-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – №7. – С. 54–62.

4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. Ст. 29. – М.: Юридическая литература, 2020. – 137 с.

5. «Мужчину оштрафовали на 300 тысяч рублей за комментарий с оправданием терроризма» / [Электронный ресурс] // Газета.ru – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/13/27846793.shtml> (дата обращения: 27.02.26).

6. «Объем «слитых» данных россиян в 2025 году вырос почти на 70%» / [Электронный ресурс] // РБК – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6980d4c89a794781848ce080> (дата обращения: 27.02.26).

7. «Россиянам назвали главные признаки фейковой новости» / [Электронный ресурс] // Газета.ru – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/30/27063032.shtml> (дата обращения: 25.02.26).

8. «Суд обязал «Новую газету» опубликовать опровержение в РБК» / [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8364168> (дата обращения: 11.04.26).

9. «Суд оштрафовал россиянку из – за одного слова в интернете – споре» / [Электронный ресурс] // Газета.ru – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/14/27848143.shtml> (дата обращения: 27.02.26).

Галимзянов Э.Р. (РИИ, Казань)

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИИ РАЙОННОЙ ПРЕССЫ С МЕСТНЫМ СООБЩЕСТВОМ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики ИМОИиВ
КФУ; доцент кафедры журналистики РИИ Вагапова Ф.Г.)*

Аннотация: *Статья посвящена изучению коммуникации районной прессы с местным сообществом. Для анализа были выбрана районная газета «Арск-информ».*

Ключевые слова: *СМИ, интернет-издания, районная газета, соцсети, интернет-газета.*

Как утверждает О.Е. Чернова, «Газетный дискурс уже многие десятилетия считается не только «регистратором» общественного мнения, но и особым родом социальной деятельности. Ее основной функцией является распространение знаний, идей, художественных ценностей и иной информации, где целью выступает определенные взгляды, представления и эмоциональные состояния, а также через влияния на поведение людей» [5].

Именно для районной прессы эта роль особенно значима, т.к. она работает с местным сообществом, где каждая новость имеет свою большую значимость. Несмотря на то, что распространение цифровых технологий и новых средств коммуникации, традиционные механизмы взаимодействия и по сей день сохраняют свою

актуальность. Поэтому современная районная газета должна эффективно продолжать и традиционную печать, и адаптироваться к цифровой среде, чтобы сохранить свой авторитет.

Как отмечают исследователи А.Л. Коданина, Т.Е. Новикова, М.А. Савельева, «расширяются возможности для коммуникации между органами власти и гражданами, т.к. сегодня используются социальные сети, вебсайты и мессенджеры» [2]. Именно подобные интернет-площадки исследователь и называет наиболее перспективной формой общения власти аудиторией.

Таким образом, цифровая среда не усложняет работу журналиста, а дает преимущества. Например, конкретные инструменты для диалога, что делает для нас изучение этих инструментов эмпирически обоснованным для нашего исследования.

Е.С. Радионцева отмечает: «Основная деятельность этих изданий сводится к организаторской функции, которая предполагает постоянное создание каналов обратной связи» [4]. Такой подход позволяет местным СМИ отвечать на запросы читателей и создавать контент, который действительно отвечает интересам аудитории. Современная муниципальная пресса теперь является платформой для диалога, где публикуются не только односторонние новости, но и местом, где читатели участвуют в обсуждениях. Как отмечает А.В. Посталовский, «доверие аудитории к СМИ становится ключевым показателем ее эффективности, их деятельности, т.к. именно оно формирует легитимность перед аудиторией» [3].

Однако для редакций такой переход часто оказывается психологически сложным. Это требует от журналистов новых навыков в сети интернет. О.Н. Володченко отмечает, что «аудитория просит журналистов подвинуться и дать им место на полосе» [1]. Так, редакциям необходимо осознать, что удержание внимания читателя больше не является задачей только журналистов, но и аудитории тоже.

Когда же редакция осознает, что каждый комментарий превращается из обычной рутины в главную задачу для анализа, то это будет огромным плюсом для нее. Доверие аудитории сегодня выступает «подушкой безопасности». В конечном итоге, именно через постоянное взаимодействие с аудиторией районное издание

может укреплять свой статус, превращая случайного читателя в участника своей ленты.

Нужно отметить, что районная пресса и по сей день сохраняет свою социальную значимость как прямая связь между властью и населением. Несмотря на цифровые трансформации, СМИ также остаются востребованным источником информации, как и раньше. Однако их дальнейшее развитие связано именно с взаимодействием со своей аудиторией. Исследование показало, что интерактивность перестала быть просто набором технических инструментов, а превратилась в основной инструмент для ведения активной печати. Переход от простого вещания к диалогу требует от современных редакций адаптацию к новым цифровым платформам, а что самое главное – это готовность СМИ сделать читателя активным соавтором контента. Именно эта способность становится сегодня главным признаком эффективности СМИ. Только так на сегодняшний день обеспечивается ее актуальность и легитимность в современных условиях.

Исследование позволит выявить актуальные каналы коммуникации, используемые газетой «Арск-информ», оценить их эффективность, а также определить существующие проблемы и перспективные пути развития диалога с читательской аудиторией.

В рамках данного исследования были изучены основные каналы взаимодействия районной газеты «Арск-информ» с аудиторией. Особое внимание уделено как традиционным форматам, так и современным цифровым платформам, используемым изданием. Анализ проводился на материалах, опубликованных с 5 марта по 5 апреля 2026 г.

Статистика просмотров подтверждает, что читатель Арского района отдает предпочтение материалам на родном языке. Это свидетельствует о том, что стратегия «Арск-информ» по развитию двуязычного сайта выбрана верно.

Подводя итог анализу публикаций, можно сделать вывод, что «Арча хэбэрлэре» успешно трансформирует официальный новостной тон в атмосферу «районного чата». В отличие от сайта, который зачастую выполняет функцию информационного архива, страница ВКонтакте за счет использования оперативной модера-

ции дискуссий и разнообразия мультимедийных форматов, становится живым пространством, где каждый читатель чувствует свою сопричастность к жизни Арского района».

Таким образом, проведенное исследование подтвердило актуальность темы цифровой трансформации районных СМИ и продемонстрировало, что «Арск-информ», несмотря на определенные успехи в освоении цифровых платформ, имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. Комплексный подход к управлению контентом, активное взаимодействие с аудиторией и грамотное использование всех доступных медиа-инструментов являются залогом успешной адаптации газеты к требованиям современного информационного общества и укрепления ее позиций в качестве лидера локального медиапространства.

Литература и источники:

1. Володченко О.Н. Взаимоотношения СМИ и аудитории в современных условиях / О.Н. Володченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2008. – Т. 21 (60). – №1. – С. 28–33.

2. Коданина А.Л. Специфика цифрового взаимодействия региональных сми с аудиторией: нижегородский опыт / А.Л. Коданина, Т.Е. Новикова, М.А. Савельева // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – №2. – С. 124–140.

3. Посталовский А.В. Совокупный медиапоказатель «доверие к сми» в аудиторных исследованиях / А.В. Посталовский // Социологический альманах. – 2025. – №16. – С. 23–30.

4. Радионцева Е.С. Чем интересна районная газета сегодня / Е.С. Радионова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – №2 (20). – С. 99–103.

5. Чернова О.Е. Коммуникативные стратегии и тактики в газетных публикациях о здоровье / О.Е. Чернова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2023. – Т. 17. – №2. – С. 42–48.

Гисматуллова Л.И. (КазГИК, Казань)

PR КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНЫМИ СИТУАЦИЯМИ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация: *В статье рассматривается роль связей с общественностью в управлении кризисными ситуациями в условиях современного российского пространства. Исследуются внешние и внутренние факторы кризисов и базовые стратегии антикризисного PR. Также на примере двух реальных кейсов детально раскрывается влияние внутренних коммуникаций на успешность преодоления кризиса и предлагаются адаптированные для российских организаций рекомендации.*

Ключевые слова: *антикризисный PR, кризисная ситуация, внутренние коммуникации, репутация, стратегия, кейс-стади, Россия 2026.*

В современной общественно-экономической, политической и культурной среде кризисные ситуации стали закономерным и неизбежным явлением. В креативных индустриях из-за высокой эмоциональной вовлеченности аудитории и нестабильности спроса, риски выше, чем в других отраслях. Изучив имеющуюся проблему, особую актуальность приобретает понимание, что в данной ситуации ключевым инструментом управления последствиями кризиса и сохранения доверия общественности выступают PR.

Доказать это можно проанализировав теорию и практические стратегии управления кризисными ситуациями, а также на реальные примеры из отечественной практики. Для достижения поставленной цели исследования требуется последовательное решение ряда взаимосвязанных задач: следует выявить внешние и внутренние факторы кризиса и рассмотреть основные стратегии антикризисного PR, на основе двух кейсов рассмотреть роль внутренних коммуникаций в преодолении кризиса. Используются такие методы исследования, как составление теоретического анализа литературы и сравнительного анализ кейсов.

Кризисные ситуации возникают как из-за внешних, так и из-за внутренних факторов. К внешним факторам относятся экономические спады, часто сопровождающиеся ростом инфляции, изменение законодательства, стихийные бедствия, снижение уровня реальных доходов населения, усиление монополизма на рынке, действия конкурентов и резкие колебания общественных настроений. К внутренним – низкое качество производимой продукции, неэтичное поведение сотрудников, низкая производительность труда, недостаточный контроль над внутренней коммуникационной политикой. Несмотря на существенные различия, в эпоху цифровизации ставить четкие рамки и проводить между внешними и внутренними факторами границу некорректно, потому что они оказывают непосредственное влияние друг на друга. В теории выделяются несколько базовых стратегий: отрицание, дистанцирование, снижение остроты, пересмотр и полное принятие ответственности. Однако на практике эффективность любой стратегии определяет не сколько ее содержание, сколько скорость реакции и качество внутренних коммуникаций.

Весной 2025 г. арт-кластер «Таврида.АРТ» столкнулся с тяжелым репутационным ударом. В медиасреде появились неподтвержденные сведения о финансовых нарушениях, ставившие под сомнение прозрачность деятельности проекта. Для урегулирования кризиса вместо пассивного опровержения обвинений PR-служба «Тавриды» реализовала проактивную стратегию, сделав ставку на внутренние коммуникации. Еще до широкого распространения негатива через отраслевые каналы и доверенных лиц потенциальные

риски были нейтрализованы. В разгар информационной атаки кластер незамедлительно переключил внимание общественности на позитивный повод, анонсировав новые образовательные программы и гранты для молодежи. Кроме того вся внешняя коммуникация велась из единого центра, исключив противоречивые заявления и информационные утечки. Решающую роль в сложившейся ситуации сыграла четко выстроенная система коммуникаций. Разветвленная сеть амбассадоров транслировала официальную позицию организации, наличие публичного Telegram-канал для СМИ и постоянная работа с участниками позволили оперативно доносить информацию, а личная вовлеченность руководства подкрепила образ стабильности и превратила кластер в монолит. Так, комплексная PR-стратегия позволила «Тавриде.АРТ» не только урегулировать конфликт, но и укрепить доверие общественности.

В отличие от «Тавриды.АРТ», которая действовала на опережение, Музей современного искусства «Гараж» продемонстрировал классический пример реактивной и пассивной коммуникации, которая лишь усугубила ситуацию. В апреле 2024 г. «Гараж» оказался в эпицентре скандала. Поводом послужили обыски в архивах и офисах музея. Несмотря на то, что официальной версией ФСБ было рассмотрение дела Петра Верзилова, многие СМИ и инсайдеры были убеждены, что настоящей причиной послужила «ЛГБТ-литература» (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ), хранившаяся в музее. Общественность сочла это пропагандой нетрадиционных ценностей и оскорблением культурного наследия страны. В медиaproстранстве развернулась крупная кампания с требованиями лишить музей государственного финансирования и проверить его деятельность на соответствие законодательству. Самой грубой ошибкой стало молчание, из-за которого информационное поле захватили слухи и фейки. Когда комментарии все же последовали, музей допустил вторую ошибку – формальные, «сухие» опровержения, без эмпатии и попытки диалога с возмущенной аудиторией лишь накалили ситуацию. Основными факторами провала стали неэффективно выстроенные внутренние коммуникации и игнорирование внешнего контекста. Сотрудники музея не имели единой версии

событий, из-за чего в публичном пространстве появлялись противоречивые комментарии, а попытка музей игнорировать скачек патриотических настроений в обществе окончательно усугубила ситуацию. Итогом стали серьезный репутационный ущерб, падение доверия со стороны большей части аудитории и закрепление за музеем негативного образа.

Сравнение антикризисных коммуникаций арт-кластера «Таврида.АРТ» и Музея современного искусства «Гараж» выявляет три ключевых различия. Первое – стратегия: «Таврида.АРТ» действовала на опережение, создав позитивный инфоповод, а «Гараж» не предпринял никаких действий, после лишь формально высказался о ситуации.

Второе, но не по значимости – внутренние коммуникации. Если в первом случае работа команды была четко выстроена, то во втором же из-за отсутствия инструкций для сотрудников царил хаос.

Третье – учет внешнего контекста. Арт-кластер осознавал потребности аудитории, поэтому действовал в контексте государственной молодежной политики, а музей проигнорировал общественные настроения. В результате чего, «Таврида.АРТ» смогла справиться с кризисом, а «Гараж» понес репутационные потери, закрепив за собой негативный образ.

Проведенное исследование, основанное на теоретическом анализе литературы и изучении двух реальных кейсов из российских креативных индустрий, позволяет сделать ряд обоснованных выводов.

Во-первых, наглядно продемонстрировано, что кризисные ситуации в современном мире не редкость, особенно в сфере культуры, в связи с тем, что в данной среде аудитория наиболее эмоционально вовлечена, а репутационные потери восстанавливаются значительно дольше, чем в других отраслях.

Во-вторых, на примере «Таврида.АРТ» доказано, что проактивная стратегия, основанная на скорости реакции и четко выстроенной внутренней системе коммуникаций, позволяет не только урегулировать имеющийся кризис, но и укрепить репутацию организации.

Таким образом, успешное управление кризисными ситуациями, особенно в креативных индустриях, определяется тремя факторами: скоростью, качеством внутренних коммуникаций и чувствительностью к контексту. Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы российскими организациями культуры, моды и шоу-бизнеса для построения антикризисных PR-планов.

Литература и источники:

1. Катлип С.М., Сентер А.Х., Брум Г.М. Паблик рилейшнз: теория и практика / С.М. Катлип, А.Х. Сентер, Г.М. Брум. – М.: Вильямс, 2020. – 624 с.
2. Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз / В.Г. Королько. – М.: Рефл-бук, 2019. – 528 с.
3. Ольшевский А.С. Антикризисный PR и консалтинг / А.С. Ольшевский. – СПб.: Питер, 2020. – 432 с.
4. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Юрайт, 2023. – 412 с.
5. Шарков Ф.И. Паблик рилейшнз: учебное пособие / Ф.И. Шарков. – М.: Дашков и К, 2021. – 332 с.

Зенохов Н.А. (Казанский ГАУ, Казань)

МЕДИЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*(Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и права КГАУ Закиров А.Ф.)*

Аннотация: *Цифровизация радикально трансформирует медиасреду: от линейной коммуникации к многовекторной, фрагментации аудитории, взрывному росту соцсетей и алгоритмов. В статье приводится анализ ключевых тенденций потребления контента, медиатизации, VR/AR-технологий, политической коммуникации и рисков дезинформации.*

Ключевые слова: *медиапотребление, цифровая трансформация, медиатизация, социальные платформы, политическая коммуникация, медиаконвергенция, информационное общество.*

Современная медиасистема переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровизации и массового проникновения интернета. Если в начале XXI в. доминировали традиционные институты – телевидение, радио, печать, – то к середине 2010-х гг. возникла конвергентная среда, где текст, аудио, фото и видео объединены в единое пространство, а пользователь одновременно потребляет и производит контент.

Структура и субъекты медиасистемы

Цифровизация стерла жесткие границы между СМИ и сместила фокус на функционально-контентный подход: медиа делятся на информационные, развлекательные и социальные, ориентирован-

ные на разные запросы аудитории. Вместе с институциональными медиа появились неинституционализованные игроки – блогеры, инфлюенсеры, авторы Telegram-каналов, влияние которых на общественное мнение и деловую повестку становится значительным, хотя они формально не подпадают под требования к СМИ.

Изменение медиапотребления

Аудитория все больше уходит с традиционных каналов на цифровые платформы, потребляя контент «по запросу», в удобное время и на предпочитаемых устройствах. Особенно заметен переход среди молодежи, для которой Instagram Reels и TikTok превращаются в основные каналы, построенные на алгоритмах персонализации и визуальном, трендовом контенте. В результате формируются «информационные пузыри», где миллиарды людей фактически живут в разных медиареальностях, что усиливает фрагментацию и политическую поляризацию.

Медиатизация и технологии

Медиатизация общества достигла уровня, когда медиа и медиатехнологии становятся структурообразующим элементом социальной реальности, а не просто инструментом передачи информации. В цифровую эпоху усилилась «глубокая медиатизация»: медиа опосредуют не только новости, но и личные отношения, экономику, политику и образование, все более стирая границы между онлайн и офлайн.

Развитие VR/AR, алгоритмических платформ, big data и технологий deepfake меняет логику медиакommunikации, позволяя создавать иммерсивные репортажи и гиперперсонализированные новости, но одновременно усиливает риски дезинформации, манипуляций и снижения критического мышления. Алгоритмы, основанные на поведенческих данных, формируют повестку, а не журналистские стандарты, что ставит под вопрос профессиональную ответственность и публичный дискурс.

Политическая коммуникация и риски

Социальные платформы и мессенджеры позволяют политикам обращаться к аудитории напрямую, обходя институты профессиональных СМИ, что расширяет гражданское участие, но и увеличивает распространение недостоверных сведений и пропаганды.

Параллельно растет цифровое неравенство, снижение приватности и психологические последствия перегрузки медиа: цифровая зависимость, снижение внимания, нарушение сна и замещение офлайн-взаимодействий виртуальными.

Ключевой задачей остается разработка законодательных, этических и образовательных механизмов, включая развитие медиаграмотности, чтобы использовать потенциал цифровых медиа и при этом снизить связанные с ними риски.

Литература и источники:

1. Девяткин Н.Р. Трансформация цифрового медиапотребления России в 2022–2025 годах: факторы и тенденции / Н.Р. Девяткин // Вопросы медиабизнеса. – 2025. – Т. 4. – №2. – С. 53–58.

2. Диреев И.Д. Дезинформация в средствах массовой информации: проблемы, вызовы и пути решения / И.Д. Диреев // Мировая политика. – 2025. – №1. – С. 75–89.

3. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2025. – 120 с.

4. Киричук Д.А. Цифровая трансформация медиaprостранства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа / Д.А. Киричук // Мировая политика. – 2025. – №1. – С. 45–62.

5. Сергеев А.С. Изменение медиапотребления молодежи в пользу социальных сетей по сравнению с телевидением / А.С. Сергеев // *Universum: общественные науки*. – 2025. – №8 (123). – С. 47–57.

Каспер Д.И. (КазГИК, Казань)

СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация: *В данной статье анализируются сложности реализации социальной рекламы в России. На основе сравнительного анализа двух периодов выявляются экономические, правовые и творческие барьеры. Также предлагаются способы повышения эффективности социальных кампаний.*

Ключевые слова: *социальная реклама, сложности реализации, эффективность, 1990-е гг., 2010–2020-е гг., правовое регулирование, творческие барьеры.*

Наше общество все чаще сталкивается с социальными проблемами, при решении которых огромное значение имеет социальная реклама, но создание такой рекламы становится все более сложным. Ведь даже социально значимые кампании все больше оказываются малоэффективными. Данная статья выявляет и анализирует сложности реализации социальной рекламы в России на примере двух периодов.

Социальная реклама – это вид некоммерческой рекламы, которая направлена на привлечение внимания к наиболее актуальным и востребованным проблемам общества и трансляцию гуманистических ценностей [4, с. 539]. Ее отличие от коммерческой рекла-

мы в том, что главной целью является не получение прибыли, а изменение поведенческих моделей человека или общественного сознания [6, с. 945].

Эмпирическую базу составили проекты, реализованные в России в 1990-е гг. и в период 2010-2020-х гг.

Анализ показал, что 1990-е гг. характеризовались отсутствием какой-либо законодательной базы и практическим отсутствием заинтересованности государства к социальной рекламе, а также крайне низким профессиональным уровнем исполнения. Реклама часто носила моральный характер с конкретным побуждающим посылом, но несмотря на это, такая реклама имела огромное влияние на зрителей. В качестве примеров можно взять популярные кампании того периода (проект «Позвоните родителям» и «Русский проект»). Они показывали бытовые ситуации емко, просто и с определенным посылом, что откликалось людям в такое сложное для страны время. Короткие ролики с узнаваемыми актерами того времени затрагивали острые актуальные темы и несли в себе вечные ценности – вера, любовь, дружба, искренность, патриотизм, надежда, которые возрождали чувство общности после распада СССР. Главной сложностью в эти годы было отсутствие финансирования и поддержки.

Современный период (2010-2020-е гг.) показывает проблемы с иной стороны. Да, появился Федеральный закон «О рекламе», который закреплял понятие и квоты на размещение социальной рекламы, также сформировались профессиональные креативные агентства и еще более активно начали использовать цифровые каналы и социальные сети. Но вместе с новыми усовершенствованиями в сфере рекламы, возникли и усовершенствованные трудности.

Во-первых, это проблема эффективности даже при высоком бюджете и профессиональном исполнении. Показательный пример – кампания «Ангелы в масках» (Сбербанк, агентства MOSAIC и Нуре Production), которая посвящена врачам, спасавшим пациентов в период пандемии COVID-19. Несмотря на высокое качество, трогательный посыл и широкое распространение, кампания столкнулась с критикой. Аудитория восприняла эту рекламу как

попытку банка улучшить собственную репутацию. Правда это или нет, мы утверждать не можем, но это показывает, что даже благие намерения могут быть отвергнуты обществом из-за недоверия.

Во-вторых, проблема «баннерной слепоты» и плохой запоминаемости. Для сравнения можно привести ранние кампании ГИБДД конца 2000-х – начала 2010-х гг. («Пристегнитесь, или пристегнут вас» (2007 г.) и «Пешеход, на переход» (2012 г.)). Несмотря на простоту, они демонстрировали высокую узнаваемость. Это подтверждает мысль о том, что профессиональные рекламные ролики могут остаться незамеченными, а малобюджетные и простые запомнятся людям и оставят свой след.

В-третьих, сохраняется проблема двойного толкования закона. Пример: с 2014 г. действует запрет на рекламу прерывания беременности. Да, официально это соблюдается, ведь на улицах теперь нельзя увидеть рекламный баннер с призывом прийти на аборт. Но интернета этот запрет практически не коснулся, особенно в первые годы, от чего возникают вопросы.

После сравнения двух периодов мы выделили три типа барьеров:

1. Экономические барьеры: в 1990-е гг. – отсутствие финансирования, в 2020-е гг. – недостаток стабильности при долгосрочном финансировании.

2. Правовые барьеры: в 1990-е гг. – правовой вакуум, в 2020-е гг. – риск признания социальной рекламы политической или противоречивой.

3. Творческие барьеры: в 1990-е гг. – низкий профессионализм и шаблонность, прямолинейные лозунги; к концу 2000-х – началу 2010-х гг. ситуация улучшилась – кампании «Пристегнитесь, или пристегнут вас» (2007 г.) и «Пешеход, на переход» (2012 г.) демонстрировали узнаваемость, однако в 2020-е гг. возникла другая проблема – чрезмерное увлечение визуальной частью в ущерб содержанию, примером чему служит кампания «Ангелы в масках», которая, несмотря на высокий профессиональный уровень, подверглась критике за излишнюю пафосность и подозрения в неискренности, в результате чего реклама перестала быть принимаемой целевой аудиторией.

Чтобы социальная реклама работала хорошо, нужно учесть многое: насколько она качественна, понятна и доверяют ли ей. Создание позитивных примеров и финансирование поможет улучшить ситуацию.

Таким образом, проблемы социальной рекламой в России – это не отдельные недочеты. Нельзя просто исправить пару моментов и ждать чуда. Исправление законов, должное финансирование рекламы и понимание ее эффективности смогут сделать социальную рекламу по-настоящему важным инструментом для решения социальных проблем общества.

Литература и источники:

1. Баринова Н.А. Социальная реклама как средство разрешения социальных проблем современного общества / Н.А. Баринова, И.С. Меньшикова, О.В. Шабанова // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: Сборник работ по результатам Международной научно-практической конференции, Ульяновск, 18–19 октября 2021 года / Сост. и отв. ред. – зав. кафедрой педагогики профессионального образования и социальной деятельности ФГНиСТ УлГУ, к.пед.н., доцент Е.Н. Львова, к.пед.н., доцент О.В. Шабанова. – Ульяновск, 2021. – С. 275–279.

2. Бурцева Л. Социальная реклама и социальный PR: парадокс влияния Интернета / Л. Бурцева, С.А. Шаронова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – №2. – С. 113-123.

3. Закиров Д.С. Социальная реклама. Тенденции развития социальной рекламы / Д.С. Закиров, А.С. Гурьянов // Тинчуринские чтения –2023 «Энергетика и цифровая трансформация»: Материалы Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах, Казань, 26–28 апреля 2023 года / Под общей редакцией Э.Ю. Абдуллазянова. Том 3. – Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2023. – С. 538–544.

4. Кендирбекова Ж.Х. Социальная реклама как инструмент влияния массмедиа на общество в социальной работе / Ж.Х. Кендирбекова, Т.Ж. Кенжебай // МедиаВектор. – 2022. – №6. – С. 52–56.

5. Сафина А.О. Социальная реклама и коммерческая реклама социальной направленности / А.О. Сафина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 10–14 апреля 2023 года. Том 3. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2023. – С. 945–947.

6. Федеральный закон РФ от 27.12.1991 №2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс].

Лабиб Али И.А. (РИИ, Казань)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛА «БИЗНЕС ONLINE»)

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики РИИ Сабирова Л. Р.).*

Аннотация: *Статья описывает специфику спортивной журналистики в цифровой среде, эволюцию от оперативных репортажей к глубокому анализу и аналитике. На примере интернет-газеты «БИЗНЕС Online» рассматриваются ключевые форматы контента, стратегии вовлечения аудитории и влияние онлайн-платформ на развитие жанров.*

Ключевые слова: *спортивная журналистика, репортажи, аналитика, интернет-газета, «БИЗНЕС Online», цифровые платформы, контент-стратегии.*

«В современных условиях спортивная журналистика эволюционирует от оперативных репортажей к глубокому анализу и аналитике, где аудитория становится соавтором контента» [4, с. 1–2]. Цифровые платформы радикально изменили коммуникацию, сделав Telegram-каналы, соцсети и сайты основными каналами для спортивных новостей.

«Социальные сети вроде Telegram, ВКонтакте и YouTube перераспределяют трафик спортивных СМИ» [3]: фанаты проводят больше времени в лентах с live-трансляциями матчей, чем на сай-

тах. Прямые эфиры с обзорами игр, сторис с хайлайтами и короткие видео-аналитики повышают вовлеченность, позволяя оперативно реагировать на комментарии болельщиков. Интернет-газета «БИЗНЕС Online» адаптируется под алгоритмы, публикуя эксклюзивные репортажи и пост матчевые разборы для максимального охвата.

«Опросы о лучших игроках, голосования за MVP матча, квизы по статистике и конкурсы прогнозов превращают зрителей в участников» [1, с. 5], стимулируя репосты и дискуссии в комментариях. Пользовательский контент (UGC), такой как фото с трибун или фан-аналитика, усиливает доверие – «БИЗНЕС Online» интегрирует их в публикации. Живые трансляции с чатами создают эффект стадиона и немедленного диалога во время игр.

Анализ поведения пользователей позволяет подстраивать контент: рекомендательные ленты с персонализированной аналитикой, push-уведомления о голах и рассылки увеличивают время на сайте. Чат-боты в Telegram отвечают на запросы о составах или статистике круглосуточно, имитируя общение с экспертом. В «БИЗНЕС Online» это повышает лояльность за счет актуальной спортивной аналитики.

Переизбыток спортивного контента требует фокуса на качестве и эксклюзиве, где UGC и мультимедиа помогают выделиться. СМИ конкурируют с блогерами, поэтому акцент на сообществах фанатов и инсайдерской аналитике обеспечивает удержание. Перспективы в гибридном подходе, сочетающем онлайн-репортажи с реальными событиями для глубокого вовлечения.

Таким образом, эффективная спортивная журналистика строится на балансе оперативности репортажей и глубины аналитики, делая аудиторию центром контент-экосистемы.

В действительности специфика спортивной журналистики в современных условиях представляет собой одну из ключевых задач медийной экосистемы, особенно выделенную в исследованиях по цифровой спортивной коммуникации и журналистской этике. Целые разделы трудов по медиаменеджменту и теории спортивной журналистики посвящены этому важному вопросу.

«Согласно принципам современной спортивной медиаккультуры и опыту ведущих платформ вроде «БИЗНЕС Online», взаимодействие с аудиторией, основанное на взаимной вовлеченности» [2, ист. 4], обратной связи, уважении и персонализации, имеет следующие принципы.

Началом и опорой взаимодействия являются спортивные СМИ и их аудитория, равные в праве на диалог, знающие все свои роли и ожидания (от репортажей до фан-аналитики).

Контент и цифровые права каждого участника неизменны, согласно этическим нормам спортивной журналистики.

Согласно модели гибридного подхода, все расходы на продвижение и техническое обеспечение (live-трансляции, аналитика) ложатся на СМИ, а создание пользовательского контента вверяется инициативе фанатов.

Все сообщества до достижения зрелости (лояльности) модерировуются платформами СМИ, под обработкой редакций.

Участие и отклик аудитории, почитание и уважение контента является обязанностью каждого пользователя.

Развитие лояльности является обязанностью как СМИ, так и аудитории.

Самой главной целью является привязанность аудитории к бренду спортивного СМИ. «Суть этого диалога – в силе соединения репортажей, аналитики и эмоциональной связи платформы с фанатами» [4, с. 3].

В исследованиях о современных СМИ говорится, что права пользователей примерно такие же, как и обязанности, по принципу взаимности. То есть права аудитории равны возможностям СМИ.

У аудитории есть одно исключение: СМИ – это главные в экосистеме, можно сказать «директора». В принципах медиаккоммуникаций есть тезис, что платформы стоят на ступень выше пользователей по модели лидерства в контенте. Отсюда вывод: СМИ – содержатели аудитории.

По этим принципам главой взаимодействия выступают СМИ. Их авторитет, оно основано на доверии и полезности. В модерации мало контроля, больше служения. Это большая обязанность, а права СМИ связаны с их обязанностями.

Основой успеха и удержания аудитории служит совместная работа над информационным шумом, создание контента вместе и обсуждения. Норма медиа экосистемы – соревнование СМИ и пользователей в честности.

Если у одной стороны есть мелкие недостатки (фейки), то прощение или модерация – лучший путь. Если у СМИ ошибки в контенте, то аудитория должна критиковать конструктивно. Если у аудитории спам или фейки – модерация от СМИ просто обязательна.

Одна из главных идей теории: общайтесь с ними по-доброму, даже если они иногда неприятны, – возможно, в этом скрыто благо. Таким образом, нельзя разрушать все из-за мелких разногласий.

Специфика аудитории – удерживать интерес СМИ. Их задача – защищать сообщество от фейков и проблем. Это одно из благ по тому принципу.

Еще важно доверие и верность платформе. Это нужно и СМИ, и пользователям. Быть верным подписчиком – обязанность обеих сторон.

Литература и источники:

1. Инструментальные аспекты работы SMM-отделов спортивных медиа // Mediascope. – URL: <http://www.mediascope.ru/2930> (дата обращения: 07.05.2026).

2. Смердова К.С., Горбунова С.В. Особенности функционирования спортивной фанатской культуры в журналистском спортивном дискурсе / К.С. Смердова, С.В. Горбунова // Человек. Культура. Образование. – 2023. – №1 (47). – С. 50–64.

3. СМИ спортивной отрасли: III квартал 2025 // Медиалогия. – 2025. – 27 нояб. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/14326/> (дата обращения: 07.05.2026).

4. Цифровые технологии спортивных медиа в современном информационном поле // Research Journal. – 2021. – №9 (111). – URL: <https://research-journal.org/archive/9-111-2021-september/cifrovyye-tehnologii-sportivnyx-media-v-sovremennom-informacionnom-pole> (дата обращения: 07.05.2026).

Лобанова Е.П. (КазГИК, Казань)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация. *В статье на примере культурного наследия Мусы Джалиля показано его влияние на коммерческий и туристический брендинг территорий Республики Татарстан. Данный кейс также определяет мемориально-образовательный подход, формируя новую модель в сфере культуры региона.*

Ключевые слова: *брендинг территорий, Республика Татарстан, культурное наследие, коллективная память, Муса Джалиль, Казань, мемориальные памятники, бренд.*

Муса Джалиль – советский татарский поэт, военный корреспондент и Герой Советского Союза. Его образ символизирует мужество и преданность Родине. Поэт остается узнаваемым благодаря своим заслугам и таланту. Фигура Мусы Джалиля почти не вовлечена в коммерцию, в отличие от Казанского Кремля или Свияжска. Низкая степень рыночного освоения его образа позволяет наблюдать, как культурное наследие существует вне маркетинговой логики. Для иллюстрации материальных объектов, связанных с поэтом, приведены три примера. Дом-музей Мусы Джалиля в Казани проводит экскурсии для стандартных и льготных категорий посетителей. Однако музей не рассматривает себя как глав-

ный туристический продукт региона. Там отсутствуют пакетные туры, сувениры и интеграция в маршруты выходного дня. Это учреждение скорее сохраняет историческую ценность, чем привлекает массовые туристические потоки. Вторым примером – Татарский академический театр оперы и балета на площади Свободы. Там периодически ставят спектакли о подвиге Мусы Джалиля в годы Второй мировой войны. Имя поэта при этом не используется как постоянный брендовый ресурс. Продажа билетов зависит от репертуара в целом, а не от коммерциализации образа поэта.

Третья форма – мемориальные доски, наиболее распространенная среди аудитории. Зафиксировано пять таких памятников: два в Казани на улице Мусы Джалиля, по одному в Москве и в Орске. Доступ к ним бесплатный, экскурсионное сопровождение отсутствует. Эти доски демонстрируют уважение народа к известному имени. Нет единых маршрутов, сувенирной линейки или платных проектов. Все перечисленные объекты служат мемориальной фиксации и показывают, что на данной территории общество и семья воспитали верного гражданина. С именем Мусы Джалиля также связаны событийные мероприятия. Ежегодно проводится фестиваль «Казанская осень» с продажей билетов и частичной окупаемостью. В феврале проходят Джалиловские чтения для школьников и учителей. Пятнадцатого февраля организуется церемония возложения цветов с участием официальных лиц. В школах на «Разговорах о важном» проводят уроки памяти. Эти события собраны из открытых источников и СМИ за 2023–2025 гг. Из всех практик только одна предполагает прямой платеж от посетителя. Остальные работают в образовательном и ритуальном формате, т.к. школьники и учителя не рассматриваются коммерческим брендингом как целевая аудитория для получения прибыли.

За 2023–2024 гг. можно выделить три примера, подтверждающих, что имя Мусы Джалиля не конвертируется в экономику региона. В 2023 г. на фестивале «Метаморфозы» появилось граффити с портретом поэта. На нем нет QR-кодов, ссылок на туристические сервисы или сувениров. В 2022 г. Казанский ТЮЗ выпустил спектакль «Моабитская тетрадь» в современной режиссерской интерпретации. В 2024 г. студенты реализовали цифровой проект «Джа-

лить. Переключка» – аудиовизуальные инсталляции на фасадах домов, где жил поэт. Бюджет проекта не имел коммерческой цели. Ни один из проектов не управляется региональными институтами развития туризма.

На основе шести критериев можно сделать предварительный вывод. Кейс Мусы Джалиля соответствует культурному типу брендинга по пяти критериям из шести. Цель – сохранение имени в истории Республики Татарстан. КРІ отсутствуют. Конкуренция с другими территориями не ведется. Доминируют образование и ритуалы, а не реклама и связи с общественностью. Коммерческая отдача низкая. Продажа билетов в музей и театр не является системным признаком коммерческого брендинга. Учреждения не используют имя поэта для создания масштабируемого туристического продукта.

Обратимся к теоретической составляющей. Симон Анхольд в работе «Конкуренция идентичности» предлагает модель шестиугольника из шести граней: туризм, экспорт, инвестиции, культура и наследие, люди, политика. Эффективный территориальный бренд должен работать по всем направлениям [1, с. 18]. Применяв эту модель к Мусе Джалилю, получаем негативный результат, т.к. заполнена только грань культуры и наследия. С точки зрения Анхольда, данный кейс не является брендом территории. М.А. Штанько различает рыночный бренд территории и национальный бренд, который может существовать без прямой коммерческой отдачи. По ее формулировке, национальный бренд не сводится к сумме туристических впечатлений [11, с. 98–99]. Его ядро составляют исторические личности, чья узнаваемость не требует постоянного маркетингового сопровождения. Именно это наблюдается в случае с Мусой Джалилем. Имя поэта работает как символический капитал в терминах Штанько, а не как инструмент конкурентного брендинга в понимании Анхольда.

Таким образом, наследие Мусы Джалиля в Республике Татарстан функционирует как культурный бренд. Его воспроизводство обеспечивается школьными программами, ритуалами и искусством, а не рекламными кампаниями или туристическими пакетами. Татарстан успешно применяет маркетинговые инструменты для эко-

номического продвижения других объектов. Случай Мусы Джалиля показывает необходимость разделения политик: культурное наследие не следует переводить на язык маркетинговых КРІ без потери его функции. Исследование подтверждает, что Республике Татарстан в целом удастся сохранять это различие.

Литература и источники:

1. Анхольт С. Конкурентная идентичность / С. Анхольт // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под ред. К. Динни. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 12–28.
2. Гуцалов А.А. Культурный бренд и брендинг территории / А.А. Гуцалов // Наследие Юга России. – 2018. – №10. – С. 1–7.
3. «Главное – не количество, а вопросы»: интервью с директором Дома-музея Мусы Джалиля // Татар-информ. – 2024. – URL: <https://tatar-inform.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
5. Дом-музей Мусы Джалиля в Казани: официальный сайт. – URL: <https://m-jalil.tatmuseum.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Котлер Ф., Асплунд К., Хайдер Д., Рейн И. Маркетинг мест / Ф. Котлер, К. Асплунд, Д. Хайдер, И. Рейн. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. – 382 с.
7. Официальный портал Казани. – URL: <https://kzn.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
8. Памятник Мусе Джалилю в Казани: портал «Культура.РФ», – URL: <https://www.culture.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
9. Штанько М.А. Национальный бренд как основа государственного имиджа / М.А. Штанько // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №7 (38), ч. 4. – С. 98–99.

Неверова К.А. (РИИ, Казань)

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ: МЕЖДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ДОЛГОМ И СУБЪЕКТИВИЗМОМ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики РИИ Мубаракзянова А.З.)*

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме объективности в журналистике, которая одновременно выступает как профессиональный долг и как практически недостижимый идеал. На основе теоретических подходов и эмпирического анализа публикаций об искусственном интеллекте в российских СМИ (2025–2026 гг.) выделены три доминирующих нарратива – эпохальный, прагматический и техно-утопический – и показано, как каждый из них конструирует собственную версию реальности. Делается вывод о том, что объективность является скорее осознанным методом работы с фактами, нежели готовым результатом.*

***Ключевые слова:** объективность, журналистика, факт, фейковые новости, искусственный интеллект, нарратив, субъективизм.*

Принцип объективности традиционно считается одной из опор журналистской профессии. От журналиста ожидают беспристрастного, точного и максимально полного отражения событий, без примеси личных оценок и эмоций. Однако уже при первом приближении к этому идеалу обнаруживается внутреннее противоречие: абсолютно объективное знание о социальной действительности

сти невозможно, поскольку любой материал создается человеком, чье восприятие реальности неизбежно субъективно. Цель данной статьи – показать, что объективность в журналистике представляет собой не готовую данность, а непрерывный профессиональный поиск, балансирующий между долгом и субъективизмом.

В научной литературе категория объективности трактуется неоднозначно. А.А. Тертычный определяет ее как «совпадение публикуемой информации с содержанием объекта отображения» и подчеркивает, что «абсолютная объективность знания недостижима, возможно только бесконечно приближаться к ней» [1, с. 635]. Е.А. Кожемякин, анализируя философские корни понятия, выделяет две конкурирующие традиции: фактуализм, согласно которому объективный факт – это точное изложение реального положения дел, и теоретизм, при котором объективность понимается как представленность всего многообразия точек зрения [2, с. 175–177]. Уже на уровне этих установок видно, что единого, «самоочевидного» понимания объективности в журналистике не существует.

Практическим воплощением объективности выступает работа с фактами и источниками. Факт, однако, не является простым «кирпичиком» реальности. Т.М. Белевитина и А.Л. Дмитриевский показали, что факт – это сложная многоуровневая конструкция, которая проходит путь от непосредственного события к его концептуализации в тексте, и на каждом этапе в нее встраиваются субъективные элементы [3, с. 164–166]. Не менее значимы ограничения при работе с источниками: как свидетельствуют данные, более половины журналистов сталкиваются с трудностями получения проверенной информации от официальных органов, а дефицит времени и эффект «информационной замкнутости» снижают разнообразие привлекаемых сведений [4, с. 330–333]. Таким образом, добросовестное стремление к точности на практике постоянно наталкивается на системные ограничения.

Крайним проявлением отказа от объективности становятся фейковые новости – намеренно сфабрикованные сообщения, мимикрирующие под журналистский контент. А.А. Демченко характеризует их как «преднамеренное введение в заблуждение аудитории с целью получения определенной выгоды» [5, с. 435]. Цифровая

среда и особенности массовой психологии лишь усиливают их вирусное распространение, а регулярное столкновение с фейками размывает саму границу между правдой и вымыслом.

Для эмпирической проверки того, как проблема объективности проявляется на конкретном материале, были проанализированы публикации российских СМИ 2025–2026 гг., посвященные искусственному интеллекту. Выбор темы обусловлен ее высоким общественным резонансом и присутствием в медиаполе прямо противоположных точек зрения. По итогам анализа удалось выделить три устойчивых нарратива.

Эпохальный нарратив (наиболее ярко выражен в колонке С. Переслегина и ряде футурологических материалов) рисует ИИ как тектонический сдвиг, сравнимый с появлением электричества. Здесь соседствуют предельно тревожные прогнозы («катастрофа среднего класса», «разделение человечества») и сдержанный исторический оптимизм («жизнь с ИИ будет много лучше, чем была без него»). Объективность приносится в жертву драматизму и риторической убедительности. Прагматический нарратив (статьи на платформах «РБК Компании», РИА Новости, «РБК Стиль»), напротив, сознательно сужает оптику, фиксируя конкретные кейсы – помощь врачам, оптимизацию бизнес-процессов, психологическую самопомощь. Тон здесь подчеркнуто деловой, риски упоминаются, но подаются как контролируемые. Однако и этот подход избирателен: он умалчивает о системных угрозах монополизации и потере приватности. Наконец, техно-утопический нарратив (подборка «Устойчивое изобилие для всех» в «РБК Трендах», материалы с цитатами глав IT-корпораций) рисует будущее как пространство гарантированного процветания, начисто лишенное критических голосов. Здесь объективность окончательно уступает место корпоративному оптимизму.

Сравнение трех нарративов подтверждает, что любой журналистский текст об искусственном интеллекте встроен в определенную нарративную рамку, и аудитория всегда имеет дело не с «чистой» действительностью, а с одной из ее версий. При этом эпохальный и прагматический нарративы в современном медиаполе встречаются заметно чаще, чем утопический, что отражает существую-

щий читательский запрос одновременно на масштабные прогнозы и на практические рекомендации.

Таким образом, объективность в журналистике – это не статичное состояние, а метод минимизации субъективных искажений в процессе сбора, проверки и подачи новостей. Как подчеркивает Е.А. Кожемякин, медиарепрезентация любого феномена – это всегда конструкт, опирающийся на нарративные схемы и культурные коды [6, с. 56–64]. Признание этого факта не обесценивает профессию, но требует от журналистов и аудитории критического осознания того, через какую оптику подается информация и что остается за ее пределами.

Литература и источники:

1. Белевитина Т.М. Факт в журналистике: к дефиниции понятия / Т.М. Белевитина, А.Л. Дмитриевский // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – №2 (58). – С. 164–170.

2. Демченко А.А. Сложность интерпретации фейковых новостей как одного из видов манипуляции общественным сознанием / А. А. Демченко // Молодой ученый. – 2025. – №2 (553). – С. 435–437.

3. Кожемякин Е.А. Медиарепрезентация нестандартной активности искусственного интеллекта: социосемиотическая интерпретация / Е.А. Кожемякин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2025. – Т. 31. – №1. – С. 56–64.

4. Кожемякин Е.А. Объективность как философская категория в журналистском дискурсе / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – №24 (221). – С. 173–178.

5. Тертычный А.А. Объективность информации в СМИ: достижима ли она? / А.А. Тертычный // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37. – №4. – С. 634–641.

6. Шутихин А.Н. Методы сбора информации политическим журналистом в современных условиях / А. Н. Шутихин // Молодой ученый. – 2025. – №47 (598). – С. 330–333.

Усманова М.А. (РИИ, Казань)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В МУСУЛЬМАНСКИХ МЕДИА

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики РИИ Сабирова Л.Р.)

***Аннотация.** В статье анализируется редакционная политика современных мусульманских средств массовой информации в России. На примере федерального портала «Islam Today», официальных сайтов Духовных управлений мусульман Республики Татарстан и Республики Дагестан, а также регионального интернет-издания «IslamDag» рассматриваются различия в подаче информации, глубине религиозного контента и взаимодействии с аудиторией. Показано, что исламские медиа выполняют не только информационную, но также просветительскую, воспитательную и ценностно-ориентирующую функцию. Выявлено, что редакционная политика варьируется от официально-хроникальной до глубоко разъяснительной, что отражает многоуровневый характер исламской медиасистемы в России.*

***Ключевые слова:** редакционная политика, мусульманские медиа, исламская журналистика, религиозный контент, медиасистема, духовно-нравственные ценности.*

В ходе проведенного исследования было установлено, что современные мусульманские средства массовой информации занимают

особое место в российской медиасистеме, поскольку они не только информируют аудиторию, но и выполняют просветительскую, воспитательную и ценностно-ориентирующую функции, основанные на нормах ислама. Анализ редакционной политики четырех изданий – информационно-аналитический федеральный портал «Islam Today», официальных сайтов Духовного управления мусульман Республики Татарстан и Духовного управления мусульман Республики Дагестан, а также российский информационный интернет-портал «IslamDag» показал, что при общей религиозной направленности указанные СМИ существенно различаются по способам подачи информации, глубине раскрытия тем и взаимодействию с аудиторией.

Так, «Islam Today» ориентирован на широкую аудиторию, использует простой и доступный язык, объединяет несколько новостных поводов в одном материале, активно публикует тафсир Корана, материалы об истории народов и религиозных праздниках, а также предоставляет практические сервисы, такие как время намаза и прямой эфир телеканала «Хузур ТВ» [8]. В свою очередь, официальный сайт ДУМ РТ выполняет преимущественно хроникально-документирующую функцию: новости здесь подаются подробно, каждое событие освещается отдельно, акцент делается на датах, участниках, месте проведения, при этом значительное место занимают материалы о деятельности муфтията, благотворительных сборах, религиозном образовании детей и исламских финансах [10].

Сравнительный анализ подачи одной и той же новости, например, о поездке Раиса Республики Татарстан и муфтия РТ в Каир показал, что «Islam Today» объединяет несколько событий в развернутый текст [4], тогда как ДУМ РТ публикует две отдельные короткие заметки [6, 7], что отражает разный редакционный подход: первый стремится к целостности и содержательности, второй к оперативности и официальной фиксации.

Анализ дагестанских ресурсов выявил дополнительные особенности. Сайт муфтията Республики Дагестан оформлен в спокойных тонах, содержит большое количество фетв по шариатским вопросам, поиск по религиозным терминам, видеоматериалы и мусуль-

манский календарь, что делает его не только информационным, но и образовательным ресурсом с высокой степенью достоверности, поскольку все ответы проверены и утверждены муфтиятом [11]. Интернет-издание «IslamDag» отличается тем, что новости здесь также публикуются отдельными материалами, однако имеется раздел аналитики с глубокими статьями на основе Корана, Сунны и фетв, внутренние гиперссылки для пояснения терминов, а также тематические блоки по «акыде», «фикху», хадисоведению, здоровью и специальный раздел для мусульманок [9].

Сравнение материалов «IslamDag» и «Islam Today» на одинаковые темы, например о пяти причинах, по которым Аллах испытывает людей трудностями, показало, что смысловые пункты совпадают, но различия проявляются в стиле. «Islam Today» приводит больше аятов и хадисов, а «IslamDag» использует меньше цитат, но активнее применяет внутренние ссылки [1, 2].

При раскрытии темы Судного дня «IslamDag» дает более последовательное и детальное объяснение – разделяет малые и большие признаки, приводит высказывания исламских ученых с указанием книг и страниц, тогда как «Islam Today» ограничивается кратким обзором основных положений [12, 13]. Кроме того, в период месяца Рамадан «Islam Today» публикует материалы практически ежедневно, иногда по несколько в сутки, охватывая практические вопросы поста и «фитр-садака», тогда как «IslamDag» выпускает около тринадцати публикаций за месяц, то есть примерно через день.

Важным результатом исследования стало также выявление особой этической и религиозной ответственности журналиста-мусульманина, который, в отличие от светского журналиста, руководствуется не только профессиональными стандартами, но и нормами Корана и Сунны, осознавая ответственность перед Всевышним [3]. В 2013 г. был принят Кодекс мусульманского журналиста, закрепляющий принципы правдивости, объективности, справедливости, уважения к человеческому достоинству, недопустимости распространения непроверенной информации и пропаганды насилия [5].

Таким образом, общий вывод исследования состоит в том, что редакционная политика современных мусульманских СМИ в России представляет собой многоуровневую систему: федеральные издания делают акцент на доступности и краткости, официальные ресурсы духовных управлений на документировании деятельности и информировании, а региональные исламские медиа на глубоком религиозном разъяснении и образовательной функции. Независимо от формата, все эти издания способствуют формированию толерантного информационного пространства, сохранению религиозной идентичности мусульман и укреплению нравственных ориентиров в обществе, что подтверждает актуальность и практическую значимость проведенного исследования.

Литература и источники:

1. 5 причин, по которым Аллах испытывает нас трудностями / [Электронный ресурс] // IslamDag – Режим доступа: <https://islamdag.ru/vse-ob-islame/58639> (дата обращения: 14.04.2026).

2. 5 причин, почему Аллах испытывает нас трудностями / [Электронный ресурс] // Islam – Today – Режим доступа: <https://islam-today.ru/veroucenie/5-pricin-pocemu-allah-ispytyvaet-nas-trudnostami/> (дата обращения: 14.04.2026).

3. Аврамов Д.С. Профессиональная этика журналиста / Д.С. Аврамов. – М.: Изд. МГУ, 1999. – 224 с.

4. Ислам – тудей: обзор новостей за 24 часа / [Электронный ресурс] // Islam – Today – Режим доступа: https://islam-today.ru/islam_v_mire/islam-tudej-obzor-novostej-za-24-casa14April2026/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Кодекс мусульманского журналиста. Статья 1 – 6 от 04.04.2013г.: принят духовным управлением мусульман РТ.

6. Муфтий и Раис РТ посетили в Каире могилу татарского богослова Мусы Бигиева / [Электронный ресурс] // ДУМ РТ – Режим доступа: https://dumrt.ru/ru/news/news_33073.html (дата обращения: 14.04.2026).

7. Муфтий Камиль хазрат в составе делегации Татарстана посетил каирский филиал КФУ / [Электронный ресурс] // ДУМ РТ –

Режим доступа: https://dumrt.ru/ru/news/news_33074.html (дата обращения: 14.04.2026).

8. Портал издательства «Islam – Today» / Режим доступа: <https://islam-today.ru/> (дата обращения: 05.04.26).

9. Портал издательства «IslamDag» / Режим доступа: <https://islamdag.ru/> (дата обращения: 05.04.26).

10. Портал издательства «ДУМ РТ» / Режим доступа: <https://dumrt.ru/ru/> (дата обращения: 05.04.26).

11. Портал издательства «Муфтият РД» / Режим доступа: <https://muftiyatrd.ru/> (дата обращения: 05.04.26).

12. Сколько осталось до Судного Дня? / [Электронный ресурс] // IslamDag – Режим доступа: <https://islamdag.ru/analitika/4683> (дата обращения: 14.04.2026).

13. Судный день по Корану / [Электронный ресурс] // Islam – Today – Режим доступа: <https://islam-today.ru/veroucenie/nacinausim/sudnyj-den-po-koranu/> (дата обращения: 14.04.2026).

Файзуллина М.И. (РИИ, Казань)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА СБОРА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

*(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики ИМОИиВ
КФУ; доцент кафедры журналистики РИИ Вагапова Ф.Г.)*

Аннотация: *Статья посвящена изучению профессиональной деятельности журналиста в социальных сетях и особенностям их использования как инструмента сбора и распространения информации. Для анализа выбраны официальное сообщество «ВКонтакте» газеты «Шахи Казан» и личная страница «ВКонтакте» журналиста Радика Сабирова.*

Ключевые слова: *интернет-журналистика, социальные сети, цифровая коммуникация, журналистская работа, медиаконвергенция, контент.*

Социальная сеть – это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди, группы людей, сообщества, организации) и связей между ними (социальных взаимоотношений) [1, с. 651]. Социальные сети нацелены на создание многообразных сообществ внутри одного сайта. Такие сообщества могут объединяться общими интересами, территорией проживания, профессиональной деятельностью или иными факторами.

Для социальных сетей характерны широкие возможности для передачи любых типов данных (текстовые сообщения, видеозаписи, фотографии; тематические группы и микроблоги; привязка к местоположению, отметки других участников на снимках и прочее); персональные страницы с большим объемом сведений о человеке (фамилия, имя, отчество, фотографии, место трудовой деятельности, учебное заведение и т.д.); добавление в «друзья» как на основании реальных жизненных связей (приятели, родственники, сослуживцы, одноклассники), так и по признаку общности увлечений (сообщества, блоги, тематические группы).

Журналисты также активно используют соцсети, чтобы добывать информацию и оформлять ее наглядно. Одним из свежих приемов визуализации в современных СМИ является инфографика. За последние несколько лет этот формат разлетелся очень широко. Если говорить совсем просто, инфографика представляет собой смесь информационно-аналитической журналистики с дизайном. Когда текст сопровождается картинками, схемами или рисунками, пользователю становится комфортнее его читать, и журналисты охотно применяют этот прием в социальных сетях. В соцсетях постоянно возникают новые концепты, и благодаря быстрым коммуникативным инструментам вроде хэштегов, лайков или значков эти идеи моментально расходятся по всей сети.

Социальные сети сформировали собственные правила существования медиаконтента, которые заметно отличаются от традиционных представлений о журналистской подаче информации. Если раньше основой оставался развернутый текст, то сегодня контент становится более гибким, разнообразным и ориентированным на быстрое восприятие. Это связано с особенностями поведения пользователей, так как в последнее время внимание читателей цепляют лишь те материалы, которые чем-то отличны от других, или те, которые действуют на определенный триггер. Поэтому содержательность журналистского текста должна идти в комплексе с визуальной привлекательностью, лаконичностью и легкостью считывания информации.

Одним из наиболее востребованных форматов представления информации в социальных сетях остается короткий текстовый

пост, главная особенность которого заключается в лаконичности и строгой структурной организации. Не менее значительное место в структуре публикаций занимает визуальный контент, причем фотографии и видеоролики нередко становятся главным элементом записи, тогда как текст выполняет вспомогательную поясняющую функцию. Также популярны короткие вертикальные видеоролики, адаптированные под формат мобильных устройств, которые отличаются высокой динамикой, быстрым монтажом и минимальным количеством посторонних деталей. Сторис и временные публикации представляют собой еще один популярный формат, который позволяет быстро информировать аудиторию о текущих событиях, делиться закулисными материалами о процессе работы, анонсировать готовые публикации и демонстрировать этапы создания новостей. Такой формат создает эффект присутствия и формирует у зрителей ощущение близости между журналистом и аудиторией, причем контент в сторис, как правило, подается в менее формальном ключе и допускает использование разговорных интонаций. Подкасты и аудиоформаты также постепенно закрепляются в социальных сетях и на смежных интернет-платформах, позволяя более подробно раскрывать выбранные темы, обсуждать сложные вопросы и выстраивать долгосрочный контакт с аудиторией. В отличие от коротких текстовых постов, аудиоконтент ориентирован на более вдумчивое и спокойное потребление и создает у слушателя ощущение личного разговора с автором.

Для наглядности рассмотрим анализ двух типов работы в социальных сетях на примере официального сообщества газеты «Шахри Казан» во «ВКонтакте» и личной страницы главного редактора Радика Сабирова на той же платформе. Официальное сообщество газеты «Шахри Казан» насчитывает 64,7 тыс. подписчиков. Анализ статистики публикаций показывает VR (visibility rate of a post – коэффициент видимости отдельной публикации) на уровне 18,8%, то есть почти каждый пятый подписчик открывает пост. Однако ER (engagement rate per post – показатель вовлеченности аудитории для отдельного поста в социальных сетях) по взаимодействию (лайки, репосты, комментарии) составляет лишь 0,2%. Данное расхождение свидетельствует о преобладании пассивного

потребления контента над активным участием. Сильные стороны заключаются в значительно накопленном подписном ресурсе (64,7 тыс. человек), обеспечивающем высокий охватный потенциал без привлечения платных инструментов. Также можно отметить регулярность публикаций, так как сообщество ведется системно, анонсы каждого номера и новостные материалы появляются с постоянной периодичностью. Показатель VR (18,8%) находится на уровне, превышающем среднеплатформенные значения, что свидетельствует о качественных заголовках и визуальном оформлении. Слабые стороны сообщества «Шахри Казан»: крайне низкий ER по взаимодействию (0,8%), аудитория практически не комментирует, не репостит и не выражает реакции, получается, что сообщество функционирует в режиме одностороннего вещания; отсутствие ответов на комментарии: вопросы подписчиков остаются без реакции, что противоречит природе социальных сетей как диалоговой среды.

На наш взгляд, к возможностям данного сообщества можно отнести перенос популярной печатной рубрики «Вопрос-ответ» в формат регулярных постов или прямых эфиров, что позволило бы повысить вовлеченность и получить уникальный контент. Также внедрение коротких вертикальных видео (VK Клипы) для аносирования ключевых материалов и создания эксклюзивного сетевого контента, чтобы привлечь большее количество читателей и повысить охваты сообщества. Угрозы: общее падение органических охватов в социальных сетях, связанное с изменением алгоритмов и перераспределением трафика в пользу платного продвижения и авторского контента; юридические риски по публичным высказываниям, обусловленные государственным статусом учредителя (АО «ТАТМЕДИА»); рост конкуренции внутри татароязычного сегмента: появление новых блогов и пабликов при сохранении низкой вовлеченности существующего сообщества может привести к оттоку аудитории.

Что касается личной страницы главного редактора газеты «Шахри Казан» Радика Сабирова, то его сильными сторонами являются персонификация бренда «Шахри Казан», так как у себя на странице редактор предстает перед аудиторией как живой человек, что по-

вышает уровень доверия по сравнению с безликим официальным пабликом. Сабиров репостит не все материалы газеты, а только наиболее значимые, также он транслирует свою экспертную позицию: в публикациях и репостах интервью последовательно проводится ценностная линия издания. Слабые стороны: нерегулярность ведения, слабое использование интерактивных форматов, комментарии не получают ответов; размытая функциональная специфика. К возможностям можно отнести использование личной страницы как канала сбора вопросов от аудитории для последующей проработки в рубрике «Вопрос-ответ» и переход от эпизодического к системному режиму публикаций (например, 2–3 поста в неделю), что при существующем авторитете редактора способно заметно повысить охваты. Угрозы, которые могут оказать влияние на дальнейшую деятельность личной страницы ВКонтакте Радика Сабирова: ответственность за каждое высказывание, так как любая публикация может быть интерпретирована как официальная позиция редакции, что особенно опасно в условиях политизированной среды; возможен риск дискредитации через фейковые аккаунты. При отсутствии верификации злоумышленники могут создать поддельную страницу от имени главного редактора.

По результатам SWOT-анализа, официальное сообщество обладает значительным подписным ресурсом, но не способно вовлечь аудиторию в диалог, а личная страница редактора располагает потенциалом для доверительной коммуникации, но используется фрагментарно. Иными словами, сильные стороны одного канала не компенсируют слабые стороны другого. Для достижения синергетического эффекта необходимо, чтобы официальный паблик выполнял функцию оперативного информирования и верифицированной новостной ленты, а личный аккаунт главного редактора выполнял функцию персонифицированной коммуникации и сбора обратной связи.

Литература и источники:

1. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ / А.С. Воронкин // ОТО. – 2014. – №1. – С. 651.

Хадиев А.А. (РИИ, Казань)

МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМИ С АУДИТОРИЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

Аннотация: *Статья анализирует методы взаимодействия средств массовой информации (СМИ) с аудиторией в условиях цифровизации и роста онлайн-платформ. Рассматриваются ключевые стратегии, включая социальные сети, интерактив и персонализацию, на основе современных практик медиа.*

Ключевые слова: *СМИ, аудитория, взаимодействие, социальные сети, интерактив, персонализация, UGC.*

В современных условиях СМИ эволюционируют от односторонней трансляции к двустороннему общению, где аудитория становится соавтором контента. Цифровые платформы совершенно изменили коммуникацию, сделав социальные сети основными каналами распределения информации.

Социальные сети вроде «ВКонтакте», «Telegram» и «TikTok» перераспределяют трафик СМИ, где аудитория проводит больше времени в лентах, чем на сайтах изданий. Прямые эфиры, сторис и короткие видео повышают вовлеченность, позволяя оперативно реагировать на обратную связь. Это формирует модель, где СМИ адаптируются под алгоритмы платформ для охвата.

Опросы, голосования, квизы и конкурсы превращают зрителей в участников, стимулируя комментарии и репосты. Совместный и пользовательский контент (UGC) усиливают доверие, так как аудитория видит свои истории в публикациях. Живые трансляции с чатами создают эффект присутствия и немедленного диалога.

Анализ поведения пользователей позволяет подстраивать материалы под интересы: рекомендательные ленты, push-уведомления и рассылание рассылок увеличивают время взаимодействия. Чат-боты в мессенджерах отвечают на запросы круглосуточно, имитируя личное общение. Это повышает лояльность за счет актуальности.

Переизбыток информации требует фокуса на качестве и подлинности, где UGC и мультимедиа помогают выделиться. СМИ сталкиваются с конкуренцией от других лидеров, поэтому акцент на сообществах и эксклюзивном контенте обеспечивает удержание. Перспективы – в альтернативном подходе, сочетающем онлайн и оффлайн для глубокого вовлечения.

Таким образом, эффективное взаимодействие строится на балансе технологий и человеческого фактора, делая аудиторию центром медийной экосистемы.

В действительности взаимодействие СМИ с аудиторией в современных условиях представляет собой одну из ключевых задач медийной экосистемы, особенно выделенную в исследованиях по цифровой коммуникации и журналистской этике. Целые разделы трудов по медиаменеджменту и теории массовых коммуникаций посвящены этому важному вопросу.

Согласно принципам современной медиакультуры и опыту ведущих платформ, взаимодействие СМИ с аудиторией, основанное на столпах взаимной вовлеченности, обратной связи, уважения и персонализации, имеет следующие принципы:

началом и опорой взаимодействия являются СМИ и их аудитория, равные в праве на диалог, знающие все свои роли и ожидания; контент и цифровые права каждого участника неизменны, согласно этическим нормам медиаиндустрии;

согласно модели альтернативного подхода, все расходы на продвижение и техническое обеспечение ложатся на СМИ, а создание

пользовательского контента вверяется инициативе и опыту аудитории;

все сообщества до достижения зрелости (лояльности) модерировются платформами СМИ, под обработкой редакций;

участие и отклик аудитории, почитание и уважение контента является обязанностью каждого пользователя;

развитие лояльности является обязанностью как СМИ, так и аудитории.

Самой главной целью взаимодействия является привязанность аудитории к бренду СМИ. И суть этого диалога состоит в том, чтобы силой соединения контента и эмоциональной связи друг с другом платформу и пользователей.

В исследованиях современных медиа сказано: «...и имеют пользователи права, подобные тем, что против них, по принципу взаимности...» (аналогично принципам цифровой демократии).

И так мы можем сделать вывод, что права аудитории такие же, каковыми являются их обязанности. Мы уже говорили, что права пользователей равны возможностям СМИ.

В пользу аудитории имеется лишь одно исключение: СМИ – это главы экосистемы, работающие «директора». Так же в принципах медиакоммуникаций приводится тезис «...а платформы – на степень выше пользователей» (по модели лидерства в контенте).

Здесь тоже можно сделать вывод, что было разъяснено посредством принципа «СМИ – содержатели аудитории...».

Согласно выражениям этих двух принципов, главой взаимодействия является СМИ. Главенство платформ подобно главенству организаторов: оно ненавязчивое, ибо основано на столпах доверия и полезности. В такого рода модерации элемент контроля весьма мал, а преобладает элемент служения. Это великая обязанность, а все права СМИ прямо привязаны к их обязанностям.

Основой благополучия и удержания аудитории является совместное усердие в преодолении информационного шума, совместное создание контента и взаимное участие в обсуждениях жизни. Нормой медийной экосистемы является соревнование СМИ и пользователей в добросовестности.

Если одной из сторон присущи какие-то мелкие недостатки (троллинг или фейки), то прощение их или модерация является самым верным решением. Если недостатки имеются у СМИ (ошибки в контенте), то украшением морали аудитории является умение конструктивно критиковать их.

Однако если недостатки имеются у аудитории (спам или дезинформация), то умение модерировать и направлять просто обязанность СМИ. Итак, одна из двух важнейших особенностей в современной теории звучит следующим образом: «И общайтесь с ними по-доброму. Если же неприятны они вам, то, возможно, что невзлюбили вы то, во что алгоритмы поместили обильное благо» (аналогично принципам устойчивого обречение).

И так мы можем сделать вывод, что нам недопустимо разрушать большое благо из-за мелких разногласий и ничтожных недостатков.

Специализацией аудитории является способность удерживать интерес СМИ. Удел пользователей – оберегание сообщества от всяческих невзгод (фейковых новостей). Это и является одним из благ, упомянутых в приведенном выше принципе.

Еще одним важным моментом является доверие и верность платформе и контенту. Сколь бы ни были нужны эти качества СМИ, пользователям они нужны отнюдь не менее. Оставаться верным статусу подписчика является одинаково необходимым для обеих сторон.

Литература и источники:

1. Агрегаторы и соцсети перераспределяют аудиторию российских СМИ // ГИПП. – 2026. – 21 апреля. – URL: <https://www.gipp.ru/reviews/research-marketing/agregatory-i-sotsseti-pereraspredelyayut-auditoriyu-rossijskikh-smi> (дата обращения: 06.05.2026).

2. Ведомости. От внимания к вовлеченности: новые стратегии удержания аудитории современными медиа // Ведомости. – 2025. – 11 сентября. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/11/ot-vnimanija-k-vovlechennosti-novie

strategii-uderzhaniya-auditorii-sovremenn (дата обращения: 06.05.2026).

3. Механизмы взаимодействия с аудиторией в новых медиа // Неофилология. – 2025. – URL: <https://neophilology.elpub.ru/jour/article/view/517> (дата обращения: 06.05.2026).

4. Новые медиа как современная коммуникативная среда для взаимодействия журналистов и аудитории // Research Journal. – 2021. – №2(104). – URL: <https://research-journal.org/archive/2-104-2021-february/novye-media-kak-sovremennaya-kommunikacionnaya-sreda-dlya-vzaimodejstvi> (дата обращения: 06.05.2026).

Шагимуллина Л.И. (КазГИК, Казань)

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ PR, ПРИМЕНЯЕМЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

(Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики РИИ; доцент кафедры педагогики и социально-культурной деятельности КазГИК Гильманова А.Н.)

***Аннотация.** В статье рассматривается организация деятельности пиар-служб на примере ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля». Предлагаются рекомендации по улучшению работы PR-службы театра.*

***Ключевые слова:** PR, ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля».*

В современном мире, где хорошо развит Интернет и на его просторах можно посетить выставку онлайн, посмотреть спектакль или узнать об интересном экспонате, не вставая с дивана, деятельность PR-служб становится еще более необходима. В этих условиях пресс-службы должны находить и использовать новые инструменты PR, способные заинтересовать аудиторию и привлечь посетителей. Службы по связям с общественностью вынуждены балансировать между трендами и базовыми инструментами PR, чтобы поддержать имидж и повысить посещаемость учреждений культуры и искусства.

Популяризация культурных заведений, произведений искусства среди молодежи требует умения следить за трендами и применять их в деятельности пресс-служб.

Целью исследования является изучение основных инструментов PR-служб в учреждениях культуры и искусства.

Объектом исследования являются инструменты PR, предметом – основные инструменты PR, используемые в учреждениях культуры и искусства.

Public Relations (с англ. связи с общественностью) – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности [1, с. 7].

Целью пиар-службы является создание определенного имиджа клиента в глазах общественности [2, с. 70].

Существуют основные PR-инструменты, применяемые в сфере культуры и направленные на формирование позитивного имиджа, узнаваемости и привлечение аудитории. К ним можно отнести: ведение сайтов и социальных сетей организации, взаимодействие со СМИ, организацию специальных мероприятий, написание пресс-релизов и многое другое.

Методом контент-анализа мы рассмотрели деятельность PR-службы ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля». В процессе исследования была изучена деятельность службы по связям с общественностью ГБУ театра, которая направлена на узнаваемость учреждения и увеличение аудитории. Рассмотрим подробнее основные инструменты PR, применяемые театром:

Театр активно ведет социальные сети и регулярно обновляет информацию на сайте. Сайт Татарского академического государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля удобен. Он поделен на такие отделы, как афиша, о театре, коллектив, фестивали, контакты, документы, что упрощает поиск необходимой информации. Помимо вышеперечисленного на сайте можно найти новости театра, карту с геолокацией здания, календарь, в котором отмечены даты с выступлениями. Сайт позволяет приобрести билеты, возможна покупка с помощью Пушкинской картой. Существуют льготные билеты для ветеранов ВОВ, детей-инвалидов, участников боевых действий и иных лиц (с положением о предоставлении льгот отдельным категориям лиц можно ознакомиться на сайте в разделе документы). Также существует поиск по сайту.

Есть возможность менять шрифт, цвет страницы, что облегчает усваивание информации для некоторых категорий людей. Чтение сайта возможно на трех языках: русском, татарском и английском.

Театр активно ведет социальные сети такие, как «ВКонтакте», МАКС, «Telegram». В них регулярно публикуются новости, афиши, посты на разные тематики и многое другое. Например, Вконтакте можно найти раздел с подкастами «Лица театра», клипами, в которых показываются отрывки выступлений и закадровая деятельность ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля». Канал «ВКонтакте» имеет 16,8 тыс. подписчиков. Наиболее популярные посты посвящены анонсам спектаклей и новостям. Неплохой отклик получают публикации с закулисными моментами. Подкасты «Лица театра» имеют от 3,3 до 10,7 тыс. просмотров. Канал в МАКС тоже набирает обороты и на данный момент имеет 444 подписчика.

Стоит отметить, что иногда Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля проводит прямые трансляции спектаклей.

Театр ведет активную фестивальную деятельность. Ежегодно проводится Международный оперный фестиваль имени Ф.И. Шаляпина, Международный фестиваль классического балета имени Рудольфа Нуриева. Также есть проект под названием «Үзгәреш Жиле». На сайте театра есть разделы, содержащие информацию о вышеперечисленных фестивалях и историю каждого из них.

ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля» активно взаимодействует со СМИ. Например, телеканал «Россия-Культура» транслировал оперы и балеты театра. Также фестивали, проводимые Татарским академическим государственным театром оперы и балета имени Мусы Джалиля часто освещаются СМИ и привлекают журналистов.

Таким образом, ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля» использует различные инструменты PR для поддержания имиджа, информирования аудитории и достижения популярности.

Рекомендации по осуществлению PR-деятельности Татарскому академическому государственному театру оперы и балета имени Мусы Джалиля:

Во-первых, сделать прямые трансляции спектаклей регулярными. Это позволит увеличить аудиторию: люди смогут узнать о театре и увидеть выступления, находясь за пределами Казани.

Во-вторых, для удобства поиска интересующей информации в социальных сетях можно добавить хештеги.

В-третьих, вкладка «Мероприятия» в социальной сети ВКонтакте не обновляется уже на протяжении 8 лет. Ее обновление может способствовать увеличению посещаемости предстоящих мероприятий. Также рекомендуется чаще обновлять подкаст «Лица театра».

В-четвертых, проведение различных конкурсов и акций для детей, молодежи и старшего поколения позволит увеличить охваты аудитории.

В ходе исследования были выявлены основные инструменты PR, которые ГБУ «Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля» активно использует. Среди них можно отметить ведение социальных сетей и сайта, взаимодействие со СМИ и фестивальную деятельность. Деятельность PR-службы театра можно оценить в положительном ключе, а применение рекомендаций будет способствовать ее усовершенствованию и увеличению интереса посетителей к учреждению.

Литература и источники:

1. Новиков Д.В. Теория и практика связей с общественностью / Д.В. Новиков. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГ-ТУ», 2013. – 91 с.

2. Амзин А. Новостная интернет-журналистика: Учебное пособие для студентов вузов / А. Амзин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 143 с.

3. <https://kazan-opera.ru/> Официальный сайт.

4. «Татарский театр оперы и балета имени Джалиля» официальная страница ВКонтакте.

5. «Татарский театр оперы и балета имени Джалиля» официальная страница в МАКС.

